

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5
Сентябрь — Октябрь
1987

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Бромлей (Москва), К. В. Чистов (Ленинград). Великий Октябрь и советская этнография	3
В. П. Алексеев (Москва). Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований	17
В. К. Бондарчик, В. Н. Белявина (Минск). Этнокультурные процессы в городах Белоруссии: история и современное развитие	31
Э. Л. Нитобург (Москва). О «капле крови» в странах Америки (расовая принадлежность: социальный и биологический аспекты)	41

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея, М. В. Крюкова «Этнография: место в системе наук, школы, методы»	56
В. Старовойтова (Ленинград). Еще раз о предмете этнографии	56
А. Арутюнов (Москва). К расширению предмета этнографии	60
М. Решетов (Ленинград). О совершенствовании методов этнографической науки	61
П. Алексеев (Москва). О некоторых аспектах освещения истории этнографической науки	67

Этнография в музеях

И. И. Шангина (Ленинград). Этнографические музеи Ленинграда в первые годы Советской власти (1918—1923 гг.)	71
--	----

Сообщения

П. Кривоногов (Абакан). К современной этнической ситуации в То-фаларии	81
А. Лопуленко (Москва). Межэтнические отношения и самосознание у эскимосов США и Канады	90
В. Палина (Москва). Конфессия и этнос в Кении	100
Ж. Мур (Норман, Оклахома). Индейцы-чейены в американской капиталистической системе наемного труда	111
А. Башилов (Москва), К. А. Родригес (Буга, Колумбия). Доиспанское жилище в Юго-Западной Колумбии	118
А. Воронина (Москва). Забытый плакат-лубок о Н. Н. Миклухо-Маклае	125

Наши юбиляры

Список основных работ доктора филологических наук Н. П. Колпаковой (к 85-летию со дня рождения)	137
---	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

Научная жизнь

- В. И. Козлов, А. Н. Ямсков (Москва). Научная конференция «XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах» 14
 В. А. Шнирельман (Москва). Международный симпозиум «Культура и история в бассейне Тихого океана» 14
 Коротко об экспедициях 15

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- В. И. Еремина (Ленинград). Новое издание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева 16

Общая этнография

- Б. В. Соколов (Москва). *Х. Ловмянский. Русь и норманны* 16
 Н. В. Шлыгина (Москва). *Der Wandel der Dörfer und Städte und die gegenseitige. Beeinflussung in der Zeit nach dem Ersten Weltkrieg* 16

Народы СССР

- И. М. Кузнецов (Москва). *Население Еревана. Этносоциологические исследования* 16
 Н. А. Халиков (Казань). *Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие* 16

Народы Зарубежной Азии

- К. Е. Черевко (Москва). *Г. Е. Светлов. Путь богов (синто в истории Японии)* 17

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, **С. А. Арутюнов**, **С. И. Брук**,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), **Л. М. Дробизева**, **Т. А. Жданко**,
Р. Н. Исмаилова, **Р. Ф. Итс**, **Л. Е. Куббель** (зам. главн. редактора),
Г. Е. Марков, **Р. М. Мунчаев**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук** (зам. главн. редактора), **П. И. Пучков**, **Ю. И. Семенов**, **В. А. Тишков**, **Д. Д. Тумаркин**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
 телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией *Е. А. Эшлиман*

Ю. В. Бромлей, К. В. Чистов

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

70 лет назад в нашей стране совершилась первая в мире социалистическая революция. В ходе ее были созданы социальные и политические основы государства нового типа. Была сломана традиционная, феодальная по происхождению и помещичье-капиталистическая по своей социальной сути государственная машина — основа царской власти и господства капиталистов и помещиков. Новая власть возникла как рабочая и крестьянская и стремилась к выражению подлинных интересов рабочих и крестьян. Деятельность молодого государства чрезвычайно осложнялась яростным сопротивлением классов, отстраненных от власти и столь недавно еще безраздельно господствовавших. Страна была вовлечена в многолетнюю гражданскую войну.

Советская Россия унаследовала от прошлого многие проблемы, которые предстояло решить в ходе революции и гражданской войны. Дело было не только в незавершенности буржуазной революции. Советское государство возникло в стране, истощенной мировой, а затем гражданской войнами и борьбой с иностранной интервенцией. Более того, социалистическая революция произошла в стране с многовековой отсталостью в экономическом, техническом и социальном отношениях, характерной даже для наиболее развитых наций европейской части страны. Россия была населена народами, находившимися на различных этапах исторического развития — от сохранявших родовую организацию (многие народы Севера) до вступивших на путь капиталистического развития.

В революционных декретах Советской власти было провозглашено политическое и социальное равноправие народов. Однако осуществить это на деле было крайне сложно — социальные структуры народов России были не только различными, но и разнотипными, разнотипными.

Чрезвычайно различались традиции материальной и духовной культуры, социальной организации, обряды, обычаи, фольклор и народное искусство и степень приобщенности к современным профессиональным формам культуры. Разобщенности народов способствовало разноязычие, а также резкие конфессиональные различия (христианство в его православном, католическом и протестантском вариантах, мусульманство в суннитском и шиитском вариантах, иудаизм, различного рода «языческие» религиозные системы и т. д.). Для того чтобы обеспечить всем без исключения народам равные политические права и равные возможности культурного развития, предстояло помочь наиболее отсталым из них выбраться из архаического состояния, выравнять социальную структуру и материальные и духовные потребности.

Одним из важнейших условий осуществления этого грандиозного плана было приведение административно-государственной структуры в соответствие с реальным расселением народов.

Помимо необходимости установить справедливые границы отдельных союзных и автономных республик, областей и округов предстояло

разработать республиканские варианты общесоюзного законодательства, сформировать гибкую культурную политику и многое другое; это требовало знания истории народов, особенностей их этнического культурного развития, быта, глубокого понимания сложившейся ситуации, т. е. специфических исторических, этнографических и социальных знаний.

Поэтому неудивительно, что в первые же годы Советской этнографы были вовлечены в решение актуальных политических проблем. Нужда в этнографах была очень велика. Практически была задана этнографическая служба страны (Комитет народов Севера, центральное этнографическое бюро Наркомнаца СССР, секция «Человек» при Госплане СССР и др.; кроме того, еще в апреле 1917 г. была задана Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран, в 1925 г. преобразованная в Комиссию по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран). Правда, она не была единой; различные организации с этнографическими функциями сложились по мере необходимости¹.

Следует сказать, что новые проблемы, вставшие перед страной в первые послереволюционные годы, не застали этнографов старшего поколения врасплох. Такие известные ученые, как Л. Я. Штернберг, В. Г. Тан-Богораз, Е. Г. Кагаров, Д. К. Зеленин, В. Н. и Н. Н. Хвостовы, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, М. К. Азадовский, Н. М. Матвеев и целая когорта востоковедов стали активно сотрудничать с революционным правительством. Большую роль при этом играли давние демократические традиции российской этнографии, получившие свое дальнейшее развитие в советское время. Названные этнографы и многие коллеги отличались подлинным интернационализмом, сочувствием всем угнетенным национальностям и трудовым слоям населения; революция создала условия для реализации их давних надежд и устремлений. Разумеется, и в этнографии, и в фольклористике XIX и начала XX в. действовали разные социальные силы и разношерстные (иной раз политически противопоставленные друг другу) коалиции². Однако демократическое крыло русского народоведения оставалось наиболее влиятельным. Для российской этнографии не характерен разрыв способов и методов изучения господствующей национальности (русских или в целом восточных славян) и других народов, подобно тому как это имело место во многих западных и восточных странах. Прогрессивной этнографии было также совершенно чуждо деление народов на «исторические» и «неисторические». Не получили распространения и расистские взгляды. Среди этнографов XIX и начала XX в. было немало людей, ставших на путь борьбы с царизмом. Не случайно, например, блестящие достижения русского сибиреведения конца XIX — начала XX в. были связаны с деятельностью плеяды талантливых ученых, сосланных по политическим мотивам в отдаленные районы страны (Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Д. А. Клеменц, А. А. Макаренко, В. М. Ионов, Э. К. Пекарский и др.). Значительную роль политические ссыльные сыграли и в изучении северных районов (П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко, П. П. Чубинский и др.).

¹ Настоящая статья не преследует историографической цели. Общие обзоры истории советской этнографии см.: *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов) // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. V. М., 1971; *Толстов С. П.* Сорок лет советской этнографии // *Сов. этнография*. 1957. № 5; *Перицын А. И., Чебоксаров И. П.* Полвека советской этнографии // Там же. 1967. № 5; *Бромлей Ю. В., Чистов К. В.* Новые направления развития советской этнографии // *Этнография в странах социализма. Очерки развития науки*. М., 1975; *Бромлей Ю. В., Чистов К. В.* Ордена Дружбы народов Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет // *Советская этнография*. 1983. № 4; *Чистов К. В.* Из истории советской этнографии 30—80-е гг. XX века // Там же. 1983. № 3 и др.

² *Токарев С. А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). М., 1978.

Н. А. Иваницкий и др.). Однако вплоть до Октябрьской революции этнографическая наука в России оставалась, как правило, делом либо одиночек-любителей, либо научных обществ, объединявших довольно узкий круг специалистов. Система государственных этнографических учреждений не получила развития, хотя для этого и были определенные предпосылки (например, серия академических экспедиций еще в XVIII в., наличие сильного отделения этнографии в составе Русского географического общества). В немногих находившихся на государственном содержании этнографических музеях научная работа велась в ограниченных масштабах. В университетах этнография почти не преподавалась³.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила условия развития этнографической науки в стране. Параллельно с государственными учреждениями и комиссиями развивается широкая система краеведческих обществ. Однако уже в 20-е годы центр тяжести переносится на государственные научные учреждения и организации, которые постепенно укомплектовываются профессиональными этнографами, фольклористами, археологами. В Ленинграде активно развивает свою деятельность Музей антропологии и этнографии АН СССР. В 1919 г. в Москве основывается Музей Центрально-промышленной области и в 1924 г. — Государственный центральный музей народоведения, способствовавший консолидации этнографических кадров в Москве.

Закладывается прочная основа преподавания этнографии (в университетах Ленинграда и Москвы). Если еще в 1915 г. во время защиты Д. К. Зелениным магистерской диссертации, в которой органически сочеталась диалектологическая и этнографическая проблематика, мог обсуждаться вопрос о том, есть ли основания считать этнографию «академической» наукой, то уже к середине 1920-х годов этот вопрос мог бы показаться странным. Развитие науки в годы, последовавшие за революцией, решило его окончательно.

Однако в 1920-е г. еще заметно ощущалась острая нехватка подготовленных этнографов. Помимо Москвы и Ленинграда только в некоторых крупных городах РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, а также в Татарии, Мордовии уже в первое десятилетие после революции этнографы-профессионалы, музейные работники и исследователи, а также краеведы-любители с большим опытом могли включиться в деятельность возникавшей системы советских научно-исследовательских учреждений. Создание многонациональной советской школы этнографии, объединенной общими задачами и общим пониманием общественной функции этнографии, было еще впереди. И все же мы вправе сказать, что стартовая ситуация для ее развития возникла уже в первые послереволюционные годы.

Октябрьская революция не только открыла возможности создания равноправного союза народов, основанного на взаимопомощи и понимании нужд и стремлений каждого народа, но и дала мощный толчок дальнейшим преобразованиям во всех сферах их экономической, политической, социальной и культурной жизни. Большую роль в этом процессе сыграли русские, оказывавшие систематическую помощь всем республикам и национальным областям и округам. Тысячи советских и партийных работников, рабочих, инженеров, учителей, преподавателей искусств, деятелей литературы и искусства помогали национальным республикам закладывать основы собственной экономики, административного аппарата, системы народного образования, профессионального искусства и литературы. Для народов, не имевших в прошлом письменности, были созданы алфавиты, соответствующие фонетическому строю языка, разработаны первые грамматики, написаны первые учебники, книги для чтения и т. п. В этой большой работе заметную роль сыграли этнографы, в том числе и молодые, прерывавшие учебу и отправлявшие-

³ Станюкович Т. В. Из истории этнографического образования // Очерки по истории этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971.

ся к «своим» народам, чтобы научиться их языку, дать его научное описание, разработать письменность, написать учебники. Нередко они становились первыми учителями или культуроточниками. Одновременно собирали уникальные материалы, характеризующие быт, обряды, верования, фольклор и искусство народов, среди которых жили. Вследствии исследования, основанные на этих материалах, сыграли значительную роль в развитии целого ряда разделов этнографии, особенно сибиреведения⁴.

Некоторые народы Средней Азии, Кавказа и Поволжья и в доиндустриальные годы пользовались письменностью, иногда очень древней. Однако она, как правило, была либо элитарной, либо построенной на чуждой языку графической основе (арабской и т. п.), в связи с чем не решалась проблема демократизации письменности.

Общая задача — распространение грамотности и приобщение широких народных масс к достижениям профессиональной культуры — стояла перед всеми народами, даже наиболее развитыми, — русскими, украинцами, народами Прибалтики, грузинами, армянами и др.

Роль Октябрьской революции в развитии этих наций может хорошо показана на примере судьбы русской национальной культуры. Известно, что после затяжного позднефеодального периода русская профессиональная культура, начиная с конца XVII — начала XVIII в., развивается чрезвычайно быстро. Ко второй половине XIX — началу XX в. она приобретает международный авторитет и влияние. Деятели русской науки и культуры — химики, физики, математики, биологи, писатели, композиторы, живописцы, скульпторы — отразили тот необычайный подъем, который переживала в это время русская общественная мысль. Ее высокая зрелость, прогрессивный и гуманный характер, конфликты с господствовавшей идеологией были прямыми и косвенным образом отражены назревавших революций. Это и предопределило возможность открытия союза передовых деятелей науки и культуры с представителями движения за социальное и национальное освобождение народов старой России. В этом союзе определенную роль играли и этнографы, энергично изучавшие быт и традиционно-бытовую культуру, историю и этнокультурное развитие «иногородцев», как презрительно назывались неслянские и неевропейские по происхождению народы на официальном языке царской России. При этом девизом передовой этнографии было прогрессивное изречение А. И. Герцена: «Не зная народа, можно притеснить народ, кабалить его, завоевывать его, но освобождать нельзя»⁵.

Следует подчеркнуть также, что русская этнография XIX — начала XX в. занималась отнюдь не только народами России. Русские круги совершали светлые путешествия XIX в. (с 1803 г.), плаванья в водах Мирового океана, горячая заинтересованность в судьбах славянских народов, бурное развитие востоковедения — все это предопределило интерес отечественных этнографов к народам зарубежной Азии, Америки, Африки, Австралии и Океании, хотя, может быть, и в меньшей степени, чем у английских, французских или немецких этнографов. Русская этнография знала противопоставления науки, изучающей свой народ и «чужие» народы (типа немецкой *Volkskunde* и *Völkerkunde* или «антропологии» и «этнологии»). Исследования народов других стран и континентов велись, как правило, столь же гуманные и прогрессивные цели, и изучение народов России. Блестящим примером в этом смысле может служить жизнь и деятельность великого русского путешественника этнографа Н. Н. Миклухо-Маклая (100 лет со дня смерти которого предстоит отмечать в апреле 1988 г.), органически сочетавшего интерес

⁴ *Антропова В. В.* Участие этнографов в практическом осуществлении линии национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.) // Сов. этнография. № 6; *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки...

⁵ Подробнее см. *Чистов К. В.* Важнейшие особенности русской культуры XX вв. Наука и литература. Профессиональное искусство // Народы Европейской СССР. Т. 1 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964.

⁶ *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах. Т. XVI. М., 1959. С. 77.

культуре народов Новой Гвинеи с непреклонной борьбой с расизмом и колониализмом. Недаром память о нем до сих пор жива в сознании жителей этого далекого от России острова⁷.

Этнография в России была одной из общественных наук, создавших интернационалистские традиции в нашей стране. Великая Октябрьская социалистическая революция превратила интернационализм в неотъемлемое качество политики нового государства.

Высокие достижения русской науки, технической мысли, искусства и литературы в условиях царской России не могли оказывать непосредственного влияния на жизнь народа, в основной своей части неграмотного или малограмотного. Петербург, Москва и еще несколько городов, во многом не уступавшие крупнейшим городам тогдашней Европы, были окружены тысячами деревень, в которых еще в 80—90-х годах XIX в. были курные избы, архаическая агротехника. Многочисленные пережитки феодального периода, медленное развитие капиталистических отношений в русской деревне привели В. И. Ленина к выводу: русская деревня того времени страдала не столько от развития капитализма, сколько от недостаточного его развития.

Во второй половине XIX — начале XX в. структура русской национальной культуры была в высшей степени противоречивой. Россия являлась страной крупнейших достижений профессиональной культуры и одновременно одной из немногих европейских стран, сохранивших богатую архаичную фольклорную традицию, развитые художественные промыслы и ремесла.

К концу XIX — началу XX в. традициям народного искусства начинает угрожать гибель под напором капиталистических отношений, пагубного влияния рынка, псевдонародного модернизма, порождавшего эстетические химеры. Вместе с тем в условиях царской России нельзя было и думать о массовом приобщении народа к образованию, науке, литературе и профессиональному искусству. Уничтожить этот трагический разрыв смогли только социалистическая революция и последовавшие за ней социальные, экономические и культурно-бытовые преобразования, создавшие почву для формирования общенародной социалистической культуры, впитавшей достижения мирового искусства и литературы и вместе с тем богатейший опыт народной традиции. Массовый читатель, зритель, слушатель мог возникнуть только в ходе подлинной культурной революции, после массового приобщения народа к профессиональному искусству и литературе.

Социальные и экономические преобразования, последовавшие за Великой Октябрьской социалистической революцией, создали также условия для ликвидации разрыва между развитием научной и технической мысли и реализацией ее достижений. Только на этой почве могло сложиться новое соотношение между теорией и практикой, наукой и народным хозяйством и начаться процесс нарастающего проникновения науки во все области жизни народов СССР. В значительной мере ушли в прошлое культурная изолированность отдельных областей страны, сосредоточение культурных учреждений, ученых, писателей, художников, артистов в ограниченном числе городов, резкая неравномерность распределения культурных благ между отдельными классами и социальными слоями, наконец, типичное для старой России сочетание высоких достижений науки и профессиональной культуры с архаическими формами бытовой культуры. Достижения науки и профессиональной культуры стали подлинно народным достоянием. Процессы эти еще продолжаются и далеки от своего завершения.

Революция открыла новые перспективы развития советской науки, в том числе — и особенно — общественных наук. Сильно изменилась и этнография — ее общественные функции, понимание целей, задач и даже

⁷ На Берегу Маклая (этнографические очерки). М., 1975; *Tumarkin D. D. N. Miklouho-Maclay and New Guinea/N. Miklouho-Maclay. Travels to New Guinea. Diaries Letters. Documents.* М., 1982. P. 5—56.

самого предмета науки. Как уже говорилось, советская этнография не да стремилась бережно сохранять и развивать демократические традиции передовой русской этнографии XIX — начала XX в. и исследовательский опыт практической деятельности 1920-х годов. Однако выяснилось, что этого недостаточно.

Изменение понимания предмета этнографии, ее общественных и знавательных функций зависело не только от спонтанного развития ретических идей, хотя и таковое, разумеется, имело место. Как всякая другая общественная наука, этнография имеет дело с развивающимся объектом познания. Преобразования социальной действительности связанная с этим динамика этнической, социальной и культурной ситуации не могли не повлечь за собой изменения предметной зоны науки, поскольку она стремилась к адекватному познанию действительности к активному воздействию на нее. Этнография в России и в других странах Европы возникла как наука об экзотических народах или о быт так называемого простонародья, т. е. низших и для исследователей того времени экзотических слоев. С точки зрения стороннего наблюдателя это были издавна сложившиеся, неподвижные, замкнутые целостные системы культуры. Поэтому границы предметной зоны этнографии казались легко определяемыми и четкими.

Но уже во второй половине XIX в. стало постепенно выясняться, что традиционные системы культуры не столь непроницаемы; более того, целые комплексы, слои, сферы традиционной культуры начинают изменяться, уходят из жизни, забываются. Традиционные формы культуры или их элементы, разумеется, еще продолжали функционировать, причем далее, тем все в большей и большей мере при нарастающей роли «нетрадиционных» форм или в сочетании с ними. С точки зрения культурно-исторической это был типичный переходный период. Не случайно именно в эти десятилетия сложилась концепция «живой старины» как основного предмета этнографии и фольклористики, взаимопроникающих и тесно родственных наук. Согласно этой концепции, этнография должна была заниматься либо так называемыми отсталыми народами, сохранившими в большей или меньшей мере в неприкосновенности архаические традиции повседневной-бытовой культуры, либо «пережитками» архаики в культуре «современных» народов. Подобные пережитки считались, наряду с историческими документами, важнейшими источниками реконструкции уже размытых или размывавшихся в процессе урбанизации систем традиционного быта. Следует сказать, что концепция «живой старины» была для своего времени прогрессивной и в научном отношении продуктивной. Многие ее последователи оставили значительный след не только в русской, но и в европейской этнографии в целом.

Вместе с тем сейчас нам особенно ясно, как и по какой причине она стала уже в 20-е годы восприниматься как устаревшая. Коренные изменения в социальной структуре советского общества на рубеже 1920- и 1930-х годов, решительное ускорение процесса урбанизации, развивавшейся теперь на социалистической основе, поставили актуальность классических этнографических концепций под сомнение. Стало выясняться, что привычные методы уже не дают желаемых результатов (ср. например, работы о первых колхозах, о комсомоле 20-х годов и др.) *Это должно было неизбежно привести к пересмотру понимания границ и сущности предмета этнографии как науки, к пересмотру ее предметной зоны, ее связей и отношений с другими, соседними и родственными науками. Этот процесс начался в предвоенные годы⁸ и стал давать свои ощутимые результаты к началу 70-х годов⁹.*

⁸ Струве В. В. Советская этнография и ее перспективы // Советская этнография. II. М.: Л., 1939; Абрамзон С. М. Программа ближайших работ Института этнографии // Там же.

⁹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; его же. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.

Этнография всегда была народоведением, наукой о народах, их происхождении и развитии, особенностях их культуры. В нашей стране этнические проблемы должны были оказаться в центре внимания этнографии.

Российское государство было издавна полиэтническим, но были регионы повышенной полиэтничности (Кавказ, Средняя Азия, Поволжье, крупнейшие города — Петербург, Москва, Тбилиси, Казань, Одесса и др.). При всей тщательности определения этнических территорий в процессе образования союзных и автономных республик, автономных областей, округов и т. д. (так называемого национального размежевания), в республиках Средней Азии все-таки не удалось избежать того, что определенные группы населения оказались вне «своих» республик. Индустриализация страны, формирование единой экономической системы, миграции, перераспределение трудовых ресурсов, возрастание доли этнически смешанных браков и т. п. на фоне общего процесса урбанизации повлекли за собой еще большее усложнение этнической структуры населения. В наши дни около 55 млн. человек, т. е. почти $\frac{1}{3}$ всего населения страны, живет вне «своих» республик: 33,6% армян, 22,8% таджиков, 19,3% казахов, 17,4% русских¹⁰.

Разумеется, особенно мозаичны в этническом отношении города, жильно выросшие за последние десятилетия (почти $\frac{3}{5}$ из них возникли после Великой Октябрьской социалистической революции), причем только с 1940 по 1986 г. численность городского населения страны увеличилась на 120 млн. человек, или почти в 3 раза. Изучение проблемы этнических контактов и современных этнических процессов привело к выводу, что именно город является социальной средой, в которой современные этнические процессы протекают особенно интенсивно. Между тем старая этнография не занималась городом. Изучение современных этнических и бытовых процессов, развивающихся в городе, стимулировало в свою очередь развитие исторической этнографии города. А последнее привело к пересмотру представлений о роли города и в формировании и развитии традиционной культуры этноса вообще¹¹. Она оказалась значительней, чем это представлялось ранее.

Все эти перемены как в самой действительности, так и в ее научной интерпретации стимулировали в последние 15—20 лет интенсивную разработку в советской этнографии теории этноса как основного объекта этнографической науки¹². Это было тем более важно, что в 60-е годы в нашей стране начали бурно развиваться конкретные социологические исследования. В результате оказалось, что на изучение многих сфер общественной жизни, традиционно считавшихся у нас доменом этнографов, наряду с ними претендуют и социологи. Разработка теории этноса позволила уточнить собственно этнографический подход к изучению социальной жизни — рассмотрение ее (в отличие от конкретной социологии) сквозь призму этнической специфики. Поскольку же основным носителем таковой является традиционно-бытовая культура, она и составляет ядро предметной области этнографической науки. Вместе с тем известно, что выявление этнической специфики этносов-народов возможно лишь при их сопоставлении. Поэтому советские этнографы любое значение в последнее время придают сравнительно-типологическим исследованиям¹³. При этом они следуют «этнографической заповеди»: «Тот кто знает один народ, не знает ни одного народа».

¹⁰ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. 2-е изд. М., 1986. С. 148.

¹¹ См. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. С. 362.

¹² Токарев С. А. Проблема этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // *Вопр. философии*. 1964. № 11; Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография; *его же*. Очерки теории этноса. М., 1983; *его же*. Теоретическая этнография. М., 1984 (на англ. яз.); *его же*. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

¹³ О принципах этих исследований см. Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

Разумеется, изучение этносов не сводится лишь к выявлению этнического своеобразия. Как известно, специфическое, особенное неразрывно связано с общим. Поэтому этнографическая наука способна выявлять и общие, закономерные черты в этнической истории человечества. Это, в частности, весьма наглядно проявилось при этнографическом изучении истории первобытного общества. Проявляя к ней особый интерес, поскольку социальная жизнь первобытных этносов отличается традиционностью, советские этнографы уделяли значительное внимание делу реконструкции древнейшей истории человечества¹⁴.

Разработка теории этноса имела немалое значение и для понимания общих закономерностей этнической истории человечества. Хотя термины «этнос» и производные от него «этногенез», «этническая общность», «этнические процессы», «этнические признаки» и т. п. давно уже были в научном обиходе, как уже говорилось, назрела острая необходимость теоретическом осмыслении природы этнических общностей¹⁵ и их отличия от других видов социальных общностей, их типологии, соотношения собственно этнического и этносоциального (национального), механизмов и типологии этнических процессов, изучения факторов, их стимулирующих, и, наконец, типологии этнических и этнокультурных ситуаций¹⁶. При этом были четко выделены три важнейшие стадии этнических процессов: *этногенез*, т. е. первоначальная стадия формирования этноса, возникновение этнического самосознания, этнонима и т. д.; *этническая история* — история развития этноса, изменение его основных параметров (гомогенность внутренней структуры, изменение этнической территории, развитие контактов с другими этносами, состояние этнического самосознания и т. д.)¹⁷, *современные этнические процессы*. Если проблемы этногенеза начали усиленно разрабатываться в предвоенные и особенно в первые послевоенные годы, то этнической истории тогда уделялось недостаточного внимания. Между тем глубокое и всестороннее знание этнической истории чрезвычайно важно не только само по себе, но и для понимания многих особенностей современных этнических процессов. Разработка этих проблем¹⁸ важна и для развития процесса консолидации современных наций (так как осознание единства происхождения — один из важнейших элементов этнического самосознания), особенно для активного преодоления всякого рода национальных предрассудков и предубеждений, бытующих подчас и в наши дни.

Современная теория этноса и изучение проблем этнической истории неизменно приводят к выводу, что любая современная нация, народность или этническая группа есть историческое образование. Особенности культуры, языка, самосознания этноса не заложены генетически, они всегда результат исторического развития. Любая этническая общность не существовала извечно, она когда-то возникла в результате процесса этнической дифференциации или интеграции. Нам известны этнические общности, сформировавшиеся очень давно, сравнительно давно и даже формирующиеся в наши дни. Однако время возникновения не делает их ни хуже, ни лучше. Все человечество участвует всегда в едином историческом процессе. Вместе с тем каждая этническая общность переживала свою историю по-своему. Оби

¹⁴ См., например, История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы тропосоциогенеза. М., 1983; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.

¹⁵ Вообще следует заметить, что в последнее время советские этнографы уделяли значительное внимание разработке теоретических, методологических вопросов этнографии, в том числе совершенствованию ее понятийного аппарата. Особенно показателен в этом отношении подготовленный совместно с этнографами ГДР «Свод основных понятий и терминов этнографической науки» в 10 выпусках. Вышел первый выпуск: Национально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

¹⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография; его же. Современные проблемы этнографии его же. Очерки теории этноса.

¹⁷ Среди последних наиболее значительных работ по этнической истории, опубликованных советскими этнографами, следует отметить коллективный труд «Этнография восточных славян» (М., 1987).

¹⁸ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.

закономерности всегда были вариативны. «Выбор» того или иного варианта зависел от множества конкретных факторов — природной среды, в которой складывалась и развивалась конкретная этническая общность, характера хозяйственных занятий, формировавших определенную систему жизнеобеспечения, темпа исторического развития, особенностей расселения, численности этноса, механизма контактов с другими этносами, процессов миграции, ассимиляции, развития той или иной социальной структуры, конфессиональной принадлежности, особенностей языка и многих других.

Экономическое, социальное и политическое развитие того или иного района земного шара выдвигало на авансцену истории то один, то другой народ, но это зависело не от его особенной даровитости или «богоизбранности», а от вполне конкретных исторических обстоятельств. То же можно было бы сказать и о ценности различных этнических культур. Нет народа, который не создал бы своей культуры, наиболее целесообразной и наиболее ценной для тех условий, в которых он существовал.

Теоретическая разработка этнической проблематики позволила не только разграничить предметные области этнографии и конкретной социологии, но и способствовала возникновению на их стыке этнической социологии. Перед ней поставлена задача, с одной стороны, изучать особенности этнических изменений в различных социальных группах, с другой — выяснить своеобразие социальных изменений в различных этнических средах, у конкретных народов. Наряду с анализом общих данных об экономическом, социально-классовом и культурном развитии республик и рассмотрением их взаимодействия этносоциология занимается также выяснением хода этнических процессов в различных социальных и национальных группах в отдельных республиках и того, как преломляются те или иные этнические факторы в сознании этих групп. Необходимую информацию дает проведение специальных массовых анкетных обследований с последующей обработкой их материалов на ЭВМ.

Одним из первых шагов в этом направлении явились исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР в Татарской АССР¹⁹. Затем было осуществлено аналогичное исследование в более широких масштабах с целью углубления наших представлений об этнических аспектах процессов развития и сближения наций в СССР. В рамках этой общей программы в 1970—1980-х годах проводились массовые опросы населения в Эстонии, Молдавии, Грузии, Узбекистане и ряде автономных республик и областей РСФСР. Главная их задача — раскрыть конкретный механизм диалектической взаимосвязи двух основных тенденций национальных процессов развития и сближения наций в СССР на современном этапе развития социализма²⁰.

Для понимания сути происшедших в СССР за семь десятилетий после Октября этносоциальных и национальных процессов необходимо напомнить, что, как уже говорилось, новое государство, возникшее в результате Великой Октябрьской социалистической революции, получило от царской России тяжелое наследие. Острейшие национальные проблемы осложнялись экономической отсталостью и застойностью, социальным гнетом и нежеланием царского правительства признать равное право для всех народов России на будущее. Политика насильственной ассимиляции и препятствия, которые постоянно воздвигались на пути развития образования и культуры на национальных языках, не могли не вызывать протеста и стимулировали формирование национально-освободительного движения. Правительство обнаруживало прямую заинтересованность в сохранении отсталости «инородцев», надеясь на то, что это облегчит управление ими, превратит национальные окраины в колониальные придатки России.

¹⁹ Социальное и национальное. М., 1973.

²⁰ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. М., 1984. Результаты исследования обобщены в коллективной монографии: «Социально-культурный облик советских наций». М., 1986.

Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила этот gordiev узел, но это не означало, что новая система национальных отношений уже создана. Ее еще предстояло создать.

С тех пор пройден путь длиной в семь десятилетий. Достижения советской страны в сфере национальных отношений велики и достаточно известны. За прошедшие со времен Великой Октябрьской социалистической революции годы созданы не только условия для подлинного равноправия народов, но и реальное равноправие как в политическом и социальном, так и в экономическом и культурном отношениях. Итоги этого сложного процесса подвел М. С. Горбачев в «Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС»: «Для Советского многонационального государства огромное значение имеет развитие национальных отношений. Основы решения национального вопроса в нашей стране заложила Великая Октябрьская социалистическая революция. Опираясь на учение В. И. Ленина, завоевания социализма, Коммунистическая партия проделала гигантскую преобразующую работу в этой области. Ее результаты — выдающееся завоевание социализма, обогатившее мировую цивилизацию. Раз и навсегда уничтожены национальный гнет и национальное неравноправие во всех формах и проявлениях. Утвердились, вошли в сознание десятков миллионов людей нерушимая дружба народов, уважение к национальной культуре и национальному достоинству всех народов. Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей»²¹.

Реальные достижения ленинской национальной политики, возникновение межнациональных отношений нового типа свидетельствуют о том, что национальный вопрос, в том виде, в каком он достался нам в наследство от царской России, действительно разрешен окончательно и бесповоротно.

Но это вовсе не значит, что в сфере национальных взаимоотношений нет больше никаких проблем. Более того, это вовсе не значит, что существующие проблемы и противоречия имеют только пережиточный характер. Среди людей, принадлежащих к активно действующим ныне поколениям даже 60-летние родились только к концу 1920-х годов. Они учились в советской школе, и их мировоззрение складывалось в 30—40-е годы под воздействием советской действительности, пронизанной идеями интернационализма. Казалось бы, никаких проблем больше не должно возникать. Однако это далеко не так. Жизнь сложнее и противоречивее любой благодушной утопии.

Наши нации, народности и этнические группы развивались не в тепличных условиях, и наш грандиозный по своей исторической значимости социальный эксперимент совершался отнюдь не в лаборатории.

Семидесятилетний путь, пройденный страной после Великой Октябрьской социалистической революции, был вовсе не безоблачным. Он был трудным, подчас даже трагически трудным: затянувшаяся гражданская война и борьба с военной интервенцией, в которой участвовали все наиболее значительные капиталистические государства — США, Англия, Франция, Германия, Япония, постоянная военная угроза в 20-е и 30-е годы, Великая Отечественная война, которая потребовала максимального напряжения сил и принесла неисчислимые бедствия нашему народу. Послевоенные трудности, необходимость восстановления экономики, разрушенных городов и сел, колоссальные человеческие потери, осложнявшие период восстановления народного хозяйства, необходимость в послевоенные годы поддерживать обороноспособность страны на определенном уровне. Все эти и многие другие обстоятельства далеко не всегда способствовали спокойному, научно обоснованному и последовательному решению ряда социальных и политических проблем, в том числе и национальных.

²¹ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1986 года. М., 1986. С. 66—67.

Но, разумеется, прежде всего надо иметь в виду действие объективных закономерностей. Развитие народов и расцвет национальных культур сопровождалось вместе с тем сближением народов, интернационализацией их культуры, созданием специфического слоя общесоветской культуры, развитием национально-русского двуязычия и других своеобразных явлений, о которых неоднократно писалось и в специальной, и в популярной литературе. Вместе с тем столь же объективной закономерностью была позитивная, а при определенных обстоятельствах и негативная реакция на процесс интернационализации. Мы знаем в современном мире множество примеров сочетания процесса интернационализации с противодействием ему в самых различных формах. Это можно наблюдать и в капиталистических, и в социалистических, и в развивающихся странах. Разумеется, эти формы различны, как различно и само содержание конкретных социальных, культурных и этнических ситуаций. Однако не следует думать, что у нас сфера национальных отношений лишена противоречий. Опыт показал, что здесь могут возникать проблемы и даже конфликты, особенно там, где подгоняют или, наоборот, притормаживают естественно развивающиеся процессы, где имеют место отступления от принципов интернационализма, социальной справедливости и делаются попытки использовать национальный фактор для получения тех или иных привилегий.

Разумеется, в этой сфере весьма важную роль играет и субъективный фактор. Целый ряд ошибок 30—50-х годов, да и более позднего времени, еще предстоит преодолевать и исправлять. Волюнтаристские решения важнейших кадровых вопросов, неумелое бюрократическое руководство различными сферами культуры — от школ до литературы, кино и театров породили проблемы, которые, возможно, могли бы и не возникать. При этом, конечно, надо иметь в виду, что наше национальное строительство не имело никаких заранее отработанных образцов, на которые можно было бы безошибочно ориентироваться, приходилось в любом случае искать новые формы, зачастую путем проб и ошибок. Теоретически можно было предугадать только общее направление развития, сформулировать его цель. Между тем в определенные годы и теоретическое изучение этих важнейших проблем и их практическое разрешение приобретало застойный характер. Повторение общих истин, воспевание достижений подлинных и мнимых в духе заздравных тостов заслонило всестороннее и реалистическое изучение национальных проблем во всей их сложности и противоречивости.

В силу всего этого разработка национальной проблематики нуждается в новых подходах, в новом мышлении. В частности, важнейшее значение в методологическом отношении приобретает задача раскрытия противоречий в развитии национальных отношений при социализме и вместе с тем показа их неантагонистического характера. При этом необходимо четко разграничивать противоречия и деформации, негативные явления в данной сфере. Противоречия, как известно, присущи всякому развитию, не лишены их и национальные процессы в СССР. Деформации же в области национальных отношений, разраставшиеся подчас до конфликтов, отнюдь не фатальны при социализме. В значительной мере они обусловлены нарушением принципов интернационализма, социальной справедливости и демократизма. Поэтому для дальнейшего гармоничного развития национальных отношений в СССР первостепенное значение приобретает осуществляемое ныне КПСС революционное обновление советского общества: ускорение его социально-экономического развития, перестройка общественной жизни, расширение демократии. При этом, разумеется, необходимо постоянно помнить, что такого рода преобразования осуществляются в многонациональной стране. Отсюда в свою очередь следует, что ключ к новым успехам в национальной политике — в последовательном интернационализме. А он немислим без гласности. Не случайно в последнее время развернулось широкое обсуждение нашей общественностью национальной проблематики. При всей многогранности такого рода дискуссий их стержень в конечном

счете составлял вопрос о соотношении национального и интернационального в жизни нашего общества. Правда, подчас это и не осознается. Более того, в ходе дискуссий акцентируется, к сожалению, нередко одна сторона проблемы — развитие национального. Такой односторонний подход (а иной раз он граничит с признанием исключительности «своей» национальности) вызван прежде всего забвением диалектического характера национальных процессов при социализме — присущего им единства двух начал: развития и сближения национальностей. И процесс этот должен развиваться естественно, как без преднамеренного ускорения, так и без искусственного сдерживания каждой из его диалектически взаимосвязанных сторон.

Из сказанного следует, что этническая проблематика, которая оценивалась как крайне актуальная и составляющая ядро предметной области этнографии уже с первых лет революции, претерпела весьма значительные изменения в своей структуре и содержании. Однако современный процесс перестройки, охвативший все стороны социалистической действительности и познающую ее науку, является прямым продолжением Октябрьской социалистической революции и дальнейшим развитием ее традиций. Поэтому и советская этнография наших дней призвана развивать традиции этнографии первых послереволюционных лет с учетом всех происшедших за минувшие десятилетия изменений²².

Этнический аспект национальных, социальных, экономических и культурных проблем ныне считается важнейшей сферой этнографических исследований. В этом смысле можно говорить о двух важнейших функциях этнографии в наши дни и в нынешней ситуации. Первая из них — наращивание историко-этнографических знаний (от первобытности до недавнего прошлого) и активное использование их для пропаганды материалистических взглядов на историю человечества и, что не менее важно, для воспитания интернационализма — уважения к культуре и традициям всех народов, умения постигать психологию, обычаи, обряды, фольклор, народное искусство и эстетические воззрения не только своего, но и других народов. В этой сфере необходимо продуманное сочетание популярной литературы²³ (включая назревшее обогащение школьных и вузовских учебников этнографическими знаниями) и музейной пропаганды. Этнография, несомненно, принадлежит к числу наук, способных увести пропаганду интернационализма от риторики и схематических лозунгов к подлинным знаниям, которые должны лежать в основе мировоззрения каждого члена социалистического общества.

И вторая важнейшая функция — этнографическое и этносоциальное исследование современных национальных проблем в их реальной сложности и противоречивости, соответствующей современному этапу развития советского общества и демократической гласности, развивающейся в наши дни. Несомненно, что сейчас сложились благоприятные условия для успешного выполнения этой ответственной общественной функции. Советские этнографы прекрасно сознают необходимость систематической подготовки научных разработок для практических организаций, ориентируя их как на текущие, так и на долгосрочные управленческие задачи. Научно обоснованный прогноз должен лечь в основу социально-этнического планирования и практической деятельности соответствующих государственных органов. Вместе с тем важная задача советских этнографов — изучение современных этнических процессов в зарубежных странах²⁴.

Этнические установки, этническое сознание, этнические взаимоотношения проявляются прежде всего в обыденном поведении людей, в традициях, в культуре каждого этноса или, иначе, в его традиционно-быто-

²² Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии.

²³ См., например, 20-томную географо-этнографическую серию «Страны и народы». М., 1978—1985.

²⁴ Итоги этих исследований подводятся в коллективной монографии «Этнические процессы в современном мире». М., 1987.

ой культуре. Именное поэто, как уже говорились, традиционно-бытовая культура — признанное ядро предметной области современной советской этнографии. К изучению этого круга проблем этнография обратилась с первых десятилетий своего существования. Этнографы и фольклористы XIX в. имели дела прежде всего с размывающейся уже тогда архаической традиционной бытовой культурой крестьянства либо с бытовой культурой скотоводов, таежных охотников, морских рыболовов и т. д., тоже начавшей размытаться, но все-таки функционировавшей еще как целостная культура. Ускорение процесса урбанизации к концу XIX в., «раскрестьянивание крестьянства», о котором писал В. И. Ленин или, иначе, изживание архаических традиций способствовало не только созданию концепции «живой старины», о которой мы уже говорили, но и формированию представления о существовании «традиционных» и «нетрадиционных» обществ. Народы России в соответствии с этим представлением либо находились на стадии перехода от первого ко второму, либо оставались еще в основном «традиционными» (народы Сибири, в значительной мере народы Средней Азии и Кавказа).

Коренное переустройство быта народов СССР в процессе строительства социализма сопровождалось весьма интенсивной урбанизацией и решительной переориентировкой негородских жителей на так называемые городские, т. е. современные формы бытовой культуры. Бурно развивавшиеся процессы способствовали на первых порах упрочению противопоставления «традиционное/нетрадиционное», за которым неизменно стояло соотнесение прошлого с настоящим, дореволюционного состояния с послереволюционным процессом.

Однако опыт многочисленных работ о «культуре и быте» народа до и после Великой Октябрьской социалистической революции показал, что новое общество также создает и должно создавать новые традиции, при изучении которых основное внимание следует обращать на их социальное содержание, темпы возникновения и смену отдельных форм, механизм их распространения и функционирования. Новая трактовка понятия «традиция» повлекла за собой дифференциацию традиций архаических и современных, этнических и локальных, повела к динамическому пониманию типологии традиций, возникавших в различные эпохи человеческой истории, к необходимости вычленения категорий стабильности и вариативности. Она потребовала фронтального пересмотра теории традиции, без которого невозможно дальнейшее развитие этнографии, фольклористики, общей теории культуры и целого ряда смежных наук — лингвистики, искусствоведения и др.

Таким образом, если традиция как таковая была и остается одной из важнейших проблем этнографии, то вслед за изменением механизма традиции и ее социального содержания, характерного для социалистического общества, должно было измениться и теоретическое понимание этого сегмента предметной области этнографии²⁵.

При изучении традиции, в том числе и этнической, этнография не только соприкасается, но и пересекается и активно взаимодействует с историей и теорией культуры.

Известно, что изучение различных сфер и форм культуры сильно разветвилось и специализировалось. Это — и литературоведение, и искусствознание, изучающие профессиональные формы искусства, и театроведение и киноведение и др. Единая история культуры распалась на ряд самостоятельных и недостаточно активно взаимодействующих друг с другом разделов. При этом массовые, бытовые формы культуры и бытовое функционирование профессиональных форм продолжает изучать этнография, так же как в 1930—50-е годы она занималась проблемами конкретной социологии современности, которая в ту пору не выделилась в отдельную науку. Без изучения этих форм культуры этнография не может решать свои коренные этнические и этнокультурные проблемы.

²⁵ См. дискуссию по статье Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции» // Сов. этнография. 1981. № 2—3.

Вместе с тем, поскольку в условиях урбанизации исчезновение многих элементов традиционно-бытовой культуры (особенно материальных) приобретает лавинообразный характер, их фиксации советские этнографы уделяют существенное внимание. Одна из важных форм такой фиксации — историко-этнографические атласы²⁶. Вообще процесс интернационализации культуры имеет как позитивные стороны, так и издержки. Не случайно в наши дни эти и подобные проблемы столь бурно обсуждаются на страницах печати (судьбы народных ремесел и промыслов и в целом народного искусства, фольклора и специально музыкального фольклора, так называемой авторской песни, рок-групп и ВИА, проблема соотношения старых и новых обрядов и многое другое). Как журналистов, так и читателей тревожит судьба традиции и ее обновление, приобретений и потерь, которыми оно сопровождается. Административный подход к этим и подобным вопросам нередко отодвигал их решение на неопределенные сроки, приводил к запретам новаций, которые равно пробивали себе дорогу, причем нередко приобретали при этом деформированные и уродливые формы. Одним словом, и в этой области этнографии много весьма ответственных задач: накопление знаний, пропаганда всего ценного в народных традициях, с одной стороны, внимательное и непредвзятое изучение современных процессов и явлений, с другой.

Итак, Великая Октябрьская социалистическая революция оказала глубокое и всестороннее влияние на развитие этнографической науки в СССР. Демократические преобразования (политические, социальные, экономические) создали благоприятные условия для развития традиционной передовой российской этнографии XIX — начала XX в. Коренное преобразование социальной действительности, решение национального вопроса, каким он достался Советскому государству в наследство от царской России, и создание новой системы национальных взаимоотношений, равноправие и всестороннее сотрудничество и сближение наций и народов изменило само существо национальных проблем, с которыми мы теперь имеем дело. Все это оказало решающее влияние на развитие советской этнографии и поставило перед ней новые и сложные задачи, решение которых не могло не сопровождаться пересмотром важнейших теоретических проблем и исследовательских методов этнографии. Сто же значительно было влияние Великой Октябрьской революции и последовавших за ней революционных преобразований в культурно-бытовой и этнокультурной сфере, изучением которой была занята этнография.

70-летие Октября советская этнография встречает значительно лучше вооруженная теоретически и практически, чем это было два-три десятилетия тому назад. Современный процесс перестройки будет способствовать дальнейшему ее развитию, активизации ее познавательных общественных функций. Задачи, стоящие перед ней, сложны, как сложна и весь процесс перестройки в целом²⁷. Вместе с тем решение их необходимо, оно требует значительного напряжения сил, мобилизации всего наличного научного потенциала, создания новых организационных форм, которые будут способствовать адекватному решению актуальных проблем изучения как бесценного наследия народной культуры, так и современной действительности.

²⁶ См., например: Историко-этнографический атлас Прибалтики. Вып. 1. Земледелие. Вильнюс, 1985; Историко-этнографический атлас Прибалтики. Вып. 2. Одежда. Рига, 1986.

²⁷ См. Советская этнография в условиях перестройки // Сов. этнография. 1987. №

АНТРОПОЛОГИЯ СССР: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Такое значительное событие в истории нашей страны как 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции заставляет оглянуться на прошлое и попытаться подвести известные итоги деятельности в разных сферах человеческого творчества. Антропологические исследования не составляют исключения; они охватили практически почти все народы нашей страны, продолжались, хотя и в значительно уменьшенном объеме, даже во время Великой Отечественной войны, всегда тесно увязывались с изучением происхождения народов — проблемой, не только имеющей академический интерес, но всегда волновавшей людей любых стран и эпох.

СССР — уникальная территория для проведения антропологических исследований. Это объясняется рядом причин: помимо двух крупных расовых стволов — европеоидного и монголоидного, здесь много локальных расовых комплексов, огромное разнообразие этнических групп. Эти причины — синхронные. Из диахронных причин следует назвать интенсивную динамику этнической ситуации в ходе времени, обусловившую активность этнических контактов и межрасового смешения, и стимулированную многообразием ландшафтно-экологических ниш контрастность хозяйственных укладов, вызывавшую демографическое давление и миграционные процессы.

Антропологические исследования, начавшиеся в середине прошлого века с деятельности такого крупного представителя отечественного естествознания как К. М. Бэр, с самого начала охватили народы и этнические группы разной расовой принадлежности. Это способствовало сравнению разных народов по физическим признакам и использованию антропологических наблюдений в решении этногенетических проблем. Таким образом, изучение антропологического состава России и СССР постоянно имело этногенетическую направленность, проводилось в тесной связи с археологическими и историко-этнологическими исследованиями. Антропология, этнография и география и идейно, и организационно образовывали знаменитую «анучинскую» триаду. География позднее выделилась из этой триады, но связь антропологии с этнографией сохранилась.

Когда появилось первое сводное сочинение А. А. Ивановского об антропологии России¹, русская читающая публика восприняла его как первый свод сведений об антропологическом составе народов, населяющих нашу страну, без каких-либо попыток понять, в каких генетических взаимоотношениях эти народы находятся по отношению друг к другу. Между тем уже в начале нашего века антропологические знания не представляли собою чего-то случайного; информация о происхождении многих народов опиралась на антропологические данные, имелись и материалы о территориальных вариациях народов с большим ареалом расселения, внутри которых были представлены те или иные этнографические группы. К сожалению, сводка А. А. Ивановского целиком опиралась на измерительные характеристики, и поэтому она сообщала заведомо неполные сведения о происхождении народов, так как одно измерение, как потом выяснилось, не в состоянии дать сколько-нибудь надежных сведений о генезисе сопоставляемых групп, их метрическое сходство мало информативно с генетической точки зрения, и их генезис в гораздо большей степени отражается в структурных особенностях человеческого организма.

Это важное обстоятельство осознавалось в России и раньше, в частности при подготовке известной Антропологической выставки 1879 г.,

¹ Ивановский А. А. Об антропологическом составе населения России // Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. CV. М., 1904.

организованной А. П. Богдановым. Собранные тогда обширные антропологические данные были подробно опубликованы и содержали в ряде случаев интересные наблюдения над строением мягких тканей лица: пигментацией, но основное место в публикациях этих материалов занимали все же измерительные данные. Пожалуй, основное отличие сводной работы А. А. Ивановского от предшествующих состояло в том, что в связи со вставшими перед ним целями по возможности попытке представить доступную информацию и провести сравнение между антропологически исследованными народами, он не только использовал измерительные характеристики, что многократно, как уже говорилось, делалось и до него, но прибегнул к формальной статистической процедуре их сопоставления. Это в конечном итоге и привело его к неудаче подобной той, с которой позже столкнулись английские и американские антропологи, суммируя вариации разных признаков без учета их изменчивости. Поэтому книга А. А. Ивановского встретила либо сдержанную, либо даже суровую оценку современников и надолго предопределила в русской, а частично и в советской антропологии негативный подход к формализованным методам анализа антропологического материала. Но так или иначе книга эта и сейчас остается в истории антропологической науки первой сводкой и попыткой интерпретации антропологических данных по народам России, выпукло показавшей уже в начале нашего столетия большой объем и разнообразие собранной информации. Библиография к ней составляла около 900 наименований.

После работы А. А. Ивановского последовал перерыв практически 30 лет, на протяжении которых не делалось попыток сведения антропологических данных по территории России и СССР в целом, но были опубликованы работы по антропологии населения европейской части России и СССР. Замечательное исследование Е. М. Чепурковского охватило почти все этнографические группы русского народа², но оно опиралось на анализ географических вариаций лишь нескольких признаков и не ставило своей целью составление суммарной сводки. Почти через 20 лет попытка Е. М. Чепурковского была повторена В. В. Бунаком³, но и он не охватил максимума доступных данных. Характеристика выделенных локальных комбинаций признаков стала за 20 лет богаче и полнее, много внимания было уделено вариациям мягких тканей лица для диагностики локальных популяций, но это имело и оборотную сторону — недостаточность измерительных характеристик и известную субъективность в оценке генетических взаимоотношений выделенных форм, совсем не опиравшейся на количественные расчеты.

Стремление уравновесить роль качественного описания и количественного подхода в выделении, таксономии и эволюции локальных расовых вариантов на территории СССР характерно для второй и последней по времени выхода в свет сводки данных по антропологии СССР, специально нацеленной на палеоантропологический материал и его исчерпывающий охват — речь идет о книге Г. Ф. Дебеца по палеоантропологии СССР⁴. Книга эта, опубликованная после Великой Отечественной войны, была закончена в довоенное время и издана без всяких изменений, поэтому в ней не учтен ряд публикаций, появившихся в последний предвоенный год и сразу же после войны. Тем не менее она на долгие годы сохранила значение в качестве энциклопедической сводки данных, до какой-то степени сохраняет значение и сейчас в их интерпретации. Автор ввел в научный оборот большое количество материалов, им лично исследованных, но одновременно обобщил и всю имевшуюся к тому

² Чепурковский Е. М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами // Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. СХХIV. М., 1913. Вып. 2.

³ Bunak V. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. Bd XXX. 1932. № 3.

⁴ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. IV. М.; Л., 1948.

мени литературную информацию: критики недаром указывали на латентность привлеченных литературных источников и их умелое использование. Всего в отдельных главах книги Г. Ф. Дебеца содержатся ссылки примерно на 400 работ — статей и книг, что само по себе свидетельствует об обилии и разнообразии палеоантропологического материала с территории СССР, собранного уже почти 50 лет тому назад.

Сводка Г. Ф. Дебеца имела многостороннее влияние на последующее развитие не только палеоантропологических, но и антропологических исследований в нашей стране. Она, безусловно, стимулировала палеоантропологический поиск, активизировав обработку отдельных палеоантропологических коллекций и на многие годы, как уже говорилось, предопределив основные контуры их интерпретации. Само накопление палеоантропологических коллекций пошло гораздо более быстрыми темпами, так как археологи увидели реальную историческую и этногенетическую пользу их изучения и стали внимательно относиться к сохранению и консервации человеческих скелетов во время раскопок. В то же время общий обзор палеоантропологии СССР выявил «белые пятна» на палеоантропологических картах и показал круг спорных или неполностью выясненных проблем. Заполнение этих «белых пятен» и решение этих проблем требовало специальной монографической, локально организованной работы, которая на долгие годы и заняла внимание советских специалистов. Поэтому крупных изданий, которые охватывали бы антропологию всей территории Советского Союза не появлялось после 1950-х годов, но было опубликовано большое число монографий по региональной антропологии, углубленно трактующих проблемы этногенеза и хронологической динамики антропологического состава отдельных обширных областей.

В результате многолетних исследований в разных районах России СССР и усовершенствования антропологической методики интенсифицировались способы сбора антропологических данных в полевых условиях, были разработаны методы их качественной и количественной интерпретации, расширена программа самих исследований. Описание внешних физических различий между народами наряду со сбором краниологических и остеологических данных дополняются теперь микроморфологическими наблюдениями, разнообразными функциональными характеристиками, изучением активных в адаптивном отношении белков сыворотки, гистологическим и физиологическим анализом волосяного покрова, определением многочисленных генетических маркеров⁵. Разработка проблем антропологии СССР ведется, следовательно, не только на сугубо морфологическом, но и на морфофизиологическом и популяционно-генетическом уровнях.

Прежде чем перечислять монографические работы, посвященные отдельным территориям, уместно отметить то общее, что их объединяет, и то своеобразное, что характерно для каждой из них. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в каждой работе отразилось стремление авторов к исчерпывающей полноте использованных данных. Поэтому не только суммировались результаты обработки уже хранившихся музейных собраний палеоантропологических и краниологических коллекций, но и организовывался сбор новых материалов, кроме того при изучении антропологического состава все больше внимания уделялось выбору групп и охвату локальных антропологических вариантов: антропологические особенности каждого народа получали при этом характеристику не в целом, а на основе рассмотрения вариаций многих

⁵ Методика всех этих работ более или менее стандартна и описана в ряде классических руководств. Укажу на некоторые книги, вышедшие на русском языке: Методика антропологических исследований (под ред. В. В. Бунака). М.; Л., 1931; Бунак В. В. Антропометрия. Практический курс. М., 1941; Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964; Гладкова Т. Д. Кожные покровы кисти и стопы обезьян и человека. М., 1966; Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966; Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968; Методика морфофизиологических исследований в антропологии. М., 1981.

территориальных групп. Подобный подход, несмотря на обычную рочность и фрагментарность палеоантропологических материалов, степенно проникал и в палеоантропологию, обусловив отказ (в те чаях, когда это было возможно) от использования данных по су ным сериям и преимущественное внимание к сопоставлению данн отдельных могильникам. Таким образом, популяционное богатство риториальных вариаций внутри современного населения находило тическое истолкование с помощью учета популяционных вариаций ри древних этнических общностей.

Помимо стремления к полноте использования данных не менее ь выражена в региональных монографиях и тенденция к их историч му и этногенетическому толкованию, к максимальной полноте на мации, которую можно извлечь из антропологического исследовани вопросам генетических взаимоотношений народов, их этнической ри и поздних контактов. Кроме чисто теоретической разработки проблематики на материалах по антропологии народов СССР, все исключения региональные монографии содержат либо самостоятел главы, либо отдельные параграфы, заключающие изложение и с ально освещающие происхождение народов на основе результатов тропологического исследования. Большое место занимает в них и с ставление этих результатов с историко-этнологическими, лингвист скими и археологическими данными, показавшее очень сложные мoothношения между культурными, языковыми и антропологическ характеристиками любого народа в исторической ретроспективе и е ще обогатившие картину конкретных этногенезов многими деталя о которых никто не подозревал раньше. Конкретно-историческая и торико-этнологическая роль антропологических материалов как под нему, так и по современному населению была выявлена и подчерк региональными сопоставлениями в еще большей степени, чем при риториальном сравнении в пределах всего Советского Союза.

Здесь уместно подчеркнуть, что вся эта огромная работа была невозможна, если бы речь шла лишь о столичных учреждениях. В тре внимания Отделов антропологии Института этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде и Института антропологии при МГУ стояло исследование наиболее общих проблем антропологического со ва многочисленных народов СССР, изучение древнего населения на нове палеоантропологических материалов, получаемых при раско древних могильников, эффективное использование всех этих данных, выяснения происхождения, генетических связей, исторических су современных и древних народов. Работа эта проводилась и провод сейчас в тесном контакте с археологами, этнографами и всеми спец листами, изучающими прошлое нашей страны. Непосредственно уч вуют в ней, уделяя основное внимание более локальным темам, спец листы-антропологи из антропологических центров республикан академий — в Таллине (Институт истории АН Эстонской ССР), в Р (Институт истории АН Латвийской ССР), в Киеве (Институт архе гии АН Украинской ССР), в Минске (Институт искусствоведения, эт графии и фольклора АН Белорусской ССР), в Тбилиси (Институт и рии, археологии и этнографии АН Грузинской ССР), в Баку (Инсте истории АН Азербайджанской ССР), в Алма-Ате (Институт истории археологии АН Казахской ССР), в Душанбе (Институт истории, ар логи и этнографии АН Таджикской ССР), в Самарканде (Инсте археологии АН Узбекской ССР). Успешно функционируют небольшо активные антропологические центры в Институте истории, филолс и философии Сибирского отделения АН СССР и в Томском госуда венном университете.

После появления серии работ по палеоантропологии и антропол современного населения Восточной Прибалтики их итог был подве монографией М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова⁶. Она

⁶ Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Во ной Прибалтики//Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 2 1959.

оржала оригинальные данные по современному населению, до сих пор потерявшие своего значения и составляющие основу антропологической характеристики литовцев, латышей и эстонцев. Данные эти были собраны в многочисленных экспедициях в послевоенные годы. Но кроме публикации этих данных в книге был дан обзор палеоантропологии Восточной Прибалтики, опиравшийся как на итог обработки имевшихся к тому времени краниологических коллекций с территории Эстонии и Литвы, так и на сводку литературных данных. Собранные Р. Я. Денисовой обширные материалы по соматологии современного населения остаются пока unpublished, но ее столь же обширные исследования в области палеоантропологии Латвии уже нашли отражение в двух книгах⁷. После того, как будет опубликована уже подготовленная к печати сводка А. А. Чесниса по палеоантропологии Литвы, именно эти книги и составят основу наших знаний о динамике антропологического состава древнего населения Восточной Прибалтики.

В изучении русского народа огромную роль сыграла серия экспедиций, организованных В. В. Бунаком и возглавлявшихся Т. И. Алексеевой. Написанная коллективом авторов и вышедшая под редакцией В. В. Бунака книга не только ввела в научный оборот массу данных по вариациям антропологических признаков в отдельных территориальных группах русского народа (их было исследовано более 100), но и суммировала все предшествующие материалы⁸. Главы этой книги, написанные Т. И. Алексеевой, позже были развернуты в монографию об этногенезе восточнославянских народов, содержащую исчерпывающую сводку данных по палеоантропологии восточных славян эпохи средневековья и сопоставление и сводку соматологических материалов по всем народам Восточной Европы⁹. Полностью были исследованы и суммированы в специальном издании музейные коллекции по краниологии современно-го или близкого к современности населения Восточной Европы¹⁰. Антропологии украинцев посвящена книга В. Д. Дяченко¹¹, белорусам — серия монографий белорусских антропологов¹².

Изучение современного и средневекового населения, естественно, не обходилось без всех проблем антропологии Восточной Европы. Монографии написаны и по региональным палеоантропологическим материалам, причем каждая содержит обширную сравнительную информацию¹³. Все эти работы отличает достаточно тщательное морфологическое описание палеоантропологических коллекций, потребовавших порою большой рес-

⁷ Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975; *ее же*. Этногенез латышской (по данным краниологии). Рига, 1977.

⁸ Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 88. М., 1965.

⁹ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

¹⁰ Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.

¹¹ Дяченко В. Д. Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965.

¹² Саливон И. И., Тегало Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976; *их же*. Антропология Белорусского Полесья. Минск, 1978; *их же*. Антропологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск, 1981; Тегало Л. И., Саливон И. И. Экологические аспекты в антропологических исследованиях на территории БССР. Минск, 1982.

¹³ Акимов В. П. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968; Голубин И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк). М., 1966; Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967; *ее же*. Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма. Киев, 1973; Гондурова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972; *ее же*. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973; *ее же*. Физический тип людей нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казачьего). М., 1979; Круц С. И. Население территории Украины эпохи меди — бронзы по антропологическим данным. Киев, 1972; *ее же*. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984; Акимов В. П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленем острове // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XIX. М.; Л., 1960.

таврационной работы, но основное если не по объему, то по значимости занимает в них реконструкция процессов расообразования, полученных сведений о генетических взаимоотношениях древних популяций и дифференциации. В сопоставлении с археологическими характеристиками соответствующих памятников, из которых были получены антропологические серии, решались в этих работах и вопросы этногенеза. Таким образом, весь процесс расообразования в Восточной Европе, начиная с эпохи мезолита и кончая современностью, охвачен конкретными исследованиями и нашел в них достаточно полное и адекватное отражение.

Переходя к Кавказу, отличающемуся исключительной этнической стратой, нужно подчеркнуть, что антропологическое изучение его организовано с максимальным охватом всех этнических подразделений внутри крупных народов¹⁴. Палеоантропологические материалы могли бы быть более полными, многие коллекции из хронологически различных погребальных комплексов Северного Кавказа находятся в процессе обработки и еще ждут своей публикации, но уже описаны довольно значительные разновременные серии из Самтаврского могильника и погребений в районе Мингечаурского водохранилища¹⁵. В настоящее время наличные палеоантропологические материалы с территории Грузии, включающие и повторно исследованные материалы из Самтаврского могильника, которые сейчас точно датированы, описаны в серии М. Г. Абдушелишвили¹⁷. Опубликована сводка данных по палеоантропологии и краниологии Северного Кавказа, где проводятся аналогии с закавказскими материалами¹⁸, но она, как легко понять, не содержит ряда новейших данных, частично уже опубликованных в отдельных сообщениях, а частично готовящихся к публикации.

Значительным рубежом в подведении итогов антропологических исследований в Средней Азии была трехтомная книга Л. В. Ошанина, но она к настоящему времени уже успела устареть, особенно, в антропологической части. Известным дополнением к ней была сводная работа по палеоантропологии Средней Азии В. В. Гинзбурга и Т. А. Фимовой²⁰, но и она охватила материал лишь на конец 1960-х годов. С тех пор обширные палеоантропологические коллекции были опубликованы с территории Узбекистана²¹, Таджикистана²² и Казахстана

¹⁴ Абдушелишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964. См. дополнительно исследования: Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965; *его же*. Антропология малых популяций Дагестана. Махачкала, 1971; Касимова Р. М. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975.

¹⁵ Абдушелишвили М. Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1951.

¹⁶ Касимова Р. М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Тбилиси, 1960.

¹⁷ Абдушелишвили М. Г. К краниологии древнего и современного населения Северного Кавказа. Тбилиси, 1966; *его же*. Антропология населения Кавказа в позднеантичном и раннем средневековье. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.); *его же*. Антропология населения Кавказа в раннем и эллинистическом периоде. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.); *его же*. Антропология населения Кавказа в феодальный период. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.); *его же*. Антропология населения Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

¹⁸ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974; см. еще: Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана по данным краниологии. М., 1975.

¹⁹ Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1—3. Ереван, 1957—1959.

²⁰ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1969.

²¹ Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапарал. Ташкент, 1977; *его же*. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1978; *его же*. Палеоантропология Узбекистана эпохи средневековья. Ташкент, 1987; Ходжайов Т. К., Джуракулов М. Д. Антропология Средней Азии. Самарканд, 1984; Алексеев В. П., Ходжайов Т. К., Халилов Х. Х. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент, 1984.

²² Кияткина Т. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1979.

²³ Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (антропологическое исследование). Алма-Ата, 1980.

Соматологическая характеристика народов Средней Азии может быть осуществлена сейчас на гораздо более высоком уровне, чем это было в годы выхода в свет трехтомника Л. В. Ошанина. Собраны и опубликованы обширные данные по соматологии туркмен²⁴, охватывающие практически все этнотерриториальные группы туркменского народа, собраны и опубликованы аналогичные данные по казахам²⁵, а также по населению отдельных районов Таджикистана с популяционными выборками²⁶. Средняя Азия, следовательно, в антропологическом отношении изучена также достаточно подробно.

Две книги подвели итог антропологическому изучению Сибири и Дальнего Востока на конец 1940-х годов — Г. Ф. Дебеца об антропологических исследованиях Камчатской области²⁷ и М. Г. Левина о проблемах этногенеза народов Дальнего Востока на основе рассмотрения антропологических данных²⁸. Последняя была переведена на английский язык и издана в США²⁹, получила широкое распространение и долгие годы играла роль справочника и источника сведений о советских антропологических исследованиях для американских и западноевропейских специалистов.

В последние годы были проведены сотни региональных исследований и накоплена огромная информация как в области палеоантропологии, так и соматологии. Вся эта информация до сих пор остается практически несведенной исчерпывающим образом. Частично такое суммирование проведено в издании двух авторов, опубликованном в Западной Германии и затем в более полном виде на русском языке³⁰. В него введены и некоторые оригинальные палеоантропологические материалы, но ограниченные объемом авторы смогли свести в сколько-нибудь полном виде преимущественно палеоантропологическую информацию. Краниология и соматология рассмотрены лишь в очень общих чертах и еще ждут своего обобщения.

Палеоантропологией, краниологией современного населения и соматологией не исчерпывается, как уже говорилось, спектр исследований, посвященных антропологическому составу народов СССР. Огромное место, особенно в последние два десятилетия, заняло накопление мерологической информации, то есть информации о вариациях отдельных систем человеческого тела. В первую очередь речь идет о двух системах — вариациях строения и размеров зубов и строения ладонного и пальцевого рельефов. Изучение первой из этих систем применительно к популяционному, этническому и расовому уровню получило наименование этнической одонтологии, изучение второй системы в том же аспекте — этнической дерматоглифики. Изданная под редакцией А. А. Зубова книга обобщила весь накопленный к моменту ее подготовки материал по современному населению СССР³¹. Однако данные о древних популяциях не включены в нее и еще должны быть обобщены. Информации о дерматоглифических вариациях у народов СССР посвящена книга Г. Л. Хить³². В отличие от одонтологических исследований дерматогли-

²⁴ Бабаков О. Антропологический состав туркменского народа в связи с проблемой этногенеза (исследование современного населения). Ашхабад, 1977.

²⁵ Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана (соматологическое исследование). Алма-Ата, 1982.

²⁶ Дубова Н. А. Антропологический состав населения северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона. М., 1985 (депонент: УДК 572.9/575/).

²⁷ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XVII. М., 1951.

²⁸ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XXXVI. М., 1958.

²⁹ Levin M. Ethnic Origins of the Peoples of Northeastern Siberia//Arctic Institute of North America, Anthropology of the North: Translations from Russian Sources. № 3. Toronto, 1963.

³⁰ Alexeev V., Gochman I. Physical Anthropology of Soviet Asia//Rassegeschichte der Menschheit. Lieferung 9. München — Wien, 1983; Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984.

³¹ Этническая одонтология СССР. М., 1979.

³² Хить Л. Г. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.

фика привлекала большое внимание, начиная с 1920-х годов, и кн Г. Л. Хить содержит краткую сводку ранее опубликованной информации о дерматоглифических вариациях у народов СССР.

Интенсивное развитие генетики человеческих популяций практически также падает на последние десятилетия, так как оно оказалось возможным лишь с открытием значительного числа генетических маркеров. К настоящему времени накоплено и введено в научный оборот большое число данных по эритроцитарным факторам, и сывороточным белкам ферментам в популяционных вариациях, но в этой области пока еще мало обобщающих работ и все они носят региональный характер³³. В целом весь даже уже изданный материал еще более настоятельно требует обобщения в географических рамках Советского Союза, чем данные других вышеперечисленных областей антропологических исследований.

То же можно повторить и о работах по физиологической антропологии. К настоящему времени изучено уже большое число территориальных выборок, и данные о многих из них опубликованы. Отдельные территории, как, например, Тува получили монографическое освещение. Материалы по народам СССР занимают значительное место в мировых сводках антропо-физиологических данных³⁴. Но здесь их роль все же самостоятельная, а подчиненная. Между тем при разнообразии географической и экологической в широком смысле слова ситуации в пределах СССР и полноте уже осуществленной в полевых условиях программы исследований полученные данные могут претендовать на самостоятельную сводку, тем более что сопоставление их с историко-антропологической информацией позволит наметить хронологические этапы антропо-физиологической дифференциации популяций и идущих в них адаптационных процессов.

Произведенный по необходимости беглый обзор всего сделанного в области антропологии СССР оставил в стороне многие теоретические вопросы, которые ставились и решались в ходе региональных исследований и сведения данных по обширным областям нашей страны. Между тем эти теоретические вопросы охватывают многие стороны современного расоведения и исторической антропологии. География признаков количественным выражением степени закономерности их пространственных вариаций, дисперсного или, наоборот, равномерного распределения популяционная морфофизиологическая дифференциация и пути ее перехода на более высокий таксономический уровень — уровень локальных рас, способы сопоставления соматологических и палеоантропологических данных, оценка территориальной сопряженности вариаций отдельных признаков, т. е. выделение морфофизиологических территориальных комплексов, соотношение результатов применения в антропологии географического метода и методов многомерной статистики, последовательная реконструкция генеалогических взаимоотношений между популяциями и группами популяций на разных хронологических уровнях, и, наконец, использование антропологических данных в качестве этногенетического источника — вот круг проблем, для решения которых накоплен громадный опыт при изучении антропологии СССР.

Оценивая наиболее масштабные события расогенетической истории нашей страны, следует в первую очередь сказать о тех из них, которые не фиксируются никакими видами исторических источников. Палеоантропологический материал демонстрирует нам массовое расселение

³³ См.: Шереметьева В. А., Рычков Ю. Г. Популяционная генетика народов северо-восточной Азии. М., 1978; Исмагулов О. Этническая геногеография Казахстана (антропологические исследования). Алма-Ата, 1977; Спицын В. А. Биохимический полиморфизм человека. М., 1985. Можно еще назвать книги, посвященные географически гораздо более узкой территории: Данилова Е. И. Гематологическая типология и вопрос этногенеза украинского народа. Киев, 1971; Старовойтова Р. А. Этническая геногеография Украинской ССР (гематологическое исследование). Киев, 1979.

³⁴ Антропо-экологические исследования в Туве. М., 1984.

³⁵ Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977; ее же. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.

юпеонидов на восток по степной полосе Евразии в эпоху энеолита и бронзы. Это расселение европеонидов дошло на востоке до Прибайкалья и центральных районов Монголии. Весьма вероятно, что оно началось в эпоху неолита и даже в еще более раннее время, но для доказательства этого положения в нашем распоряжении нет прямых аргументов в виде верхнепалеолитических находок. Их поиски — научная задача археологии и палеоантропологии как южных районов СССР, так и Центральной Азии. Любопытно отметить, что в свое время это масштабное расселение европеонидов на восток вплоть до эпохи бронзы постулировалось, исходя из косвенных данных³⁶, и лишь в последние годы получило конкретное фактическое подтверждение³⁷.

Изучение палеоантропологических материалов с территории СССР фиксирует и обратный процесс — широчайшее расселение монголоидов на запад от их современного ареала, начиная примерно с середины I тыс. н. э. Этот процесс нашел отражение в археологических данных и исторических источниках, но палеоантропология раздвигает его хронологические границы и позволяет достаточно точно оценить его демографический эффект в рамках взаимодействия кочевников и оседлого населения Восточноевропейской равнины. Еще несколько веков назад (XV—XVII вв.) на юге левобережной Украины мы застаем монголоидные популяции³⁸, а монголоидная примесь восточного происхождения в составе восточноевропейских и центральноевропейских народов может быть отмечена вплоть до бассейна среднего течения Дуная³⁹.

Однако значение антропологических данных в историческом отношении не исчерпывается определением направлений и масштабов древних миграций на территории СССР. В американской историко-этнологической литературе была аргументирована гипотеза циркумполярной культуры, в соответствии с которой народы арктической зоны Евразии и Америки сформировались под сильнейшим влиянием адаптации к экстремальным арктическим условиям, за счет этой адаптации можно объяснить их культурное сходство⁴⁰. Сходство это относительно и поэтому гипотеза сразу же встретила критику со стороны этнографов⁴¹. Перекопав в нашу литературу, гипотеза циркумполярной культуры модифицировалась и приобрела генетические черты, циркумполярная общность стала рассматриваться как наследие генетически общего исходного субстрата, в древности вошедшего в состав всех арктических народов⁴². В этой форме она практически вышла из-под контроля лингвистических и этнографических сопоставлений, не имеющих для северных областей глубокой хронологической ретроспективы. Антропологическое сравнение арктических народов Евразии и Америки сразу же вскрывает полную искусственность этой гипотезы: и на морфологическом, и на популяционно-генетическом уровнях они оказываются глубоко различными и относятся к разным расовым обществам⁴³. В связи со сказанным особое значение приобретают результаты популяционно-генетического исследования аборигенных народов Сибири и советского Дальнего Востока. Они показывают огромную роль изолирующих механизмов в формировании антропологических особенностей отдельных народов и эт-

³⁶ Алексеев В. П. Современное состояние краниологических исследований в расоведении // Вопросы антропологии. Вып. 30. 1968.

³⁷ Предварительная сводка данных: Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Э. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха бронзы) // Археология, антропология и этнография Монголии. Новосибирск, 1987.

³⁸ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.

³⁹ Сводка данных, теперь уже несколько устаревшая: Тот Т., Фириштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970.

⁴⁰ Обзор литературы см.: Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

⁴¹ Там же.

⁴² Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.

⁴³ Алексеев В. П. Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

нографических групп⁴⁴. В то же время низкий уровень развития проводительных сил обуславливал зависимость от достаточно жестких условий среды, что при малочисленности изолированных групп вызывало интенсивное давление отбора⁴⁵. В результате обширные ареалы фиксированы по тем или иным генам, то есть в пределах этих ареалов этнически разное население отличается нулевой или стопроцентной концентрацией соответствующих аллелей⁴⁶.

Нужно подчеркнуть, что изучение антропологического состава народов СССР в его динамике не сводится только к историко-этногенетическим итогам. Соответствующие исследования популяций, приуроченные к разным экологическим нишам, характеризующимся геоморфологическим, ландшафтно-географическим и геохимическим своеобразием, продемонстрировали тонкую адаптивную сбалансированность человеческих популяций по отношению к среде их обитания. Их адаптивные особенности складываются в локальные сочетания морфофизиологических признаков, получившие наименование адаптивных типов⁴⁷. Каждый из них выражает приспособленность к определенному зональному или азонному сочетанию экологических условий. Поэтому, строго говоря, адаптивные типы — это морфофизиологические экотипы. Будучи разработана на антропологических материалах с территории СССР, концепция адаптивных типов была затем распространена на всю ойкумену и получила подтверждение в результатах антропологических исследований многих областей земного шара⁴⁸. Они позволили наметить и хронологическую последовательность возникновения отдельных адаптивных популяций⁴⁹.

Нельзя не сказать о том, чего еще не сделано в полной мере и что еще предстоит изучить. Важнейшей проблемой является изменение физического типа человека во времени. Пути изменений устанавливаются с помощью палеоантропологических материалов, а также в результате повторных исследований современного населения, осуществляемых периодически через определенные интервалы времени. Эти исследования выявили факт кардинального значения — ускорение процессов роста полового созревания в современную эпоху, особенно интенсивное у городского населения СССР⁵⁰. Явление это имеет огромную важность для установления истинного биологического возраста человека, дозирования нагрузок в детском возрасте и, следовательно, для выработки рациональной системы физического воспитания и обучения. С другой стороны, остается абсолютно неясным, как ускорение роста и полового с

⁴⁴ Особенно много сделал в этом отношении Ю. Г. Рычков. См. серию его статей как индивидуальных, так и с соавторами на страницах «Вопросов антропологии». В известной степени итоговые работы: *Rychkov Yu., Sheremet'yeva V. The Genetic Processes in the System of Ancient Human Isolates in North Asia//Population Structure and Human Variation. Cambridge — London — New York — Melbourne, 1977; idem. The Genetics of Circumpolar Populations of Eurasia Related to the Problem of Human Adaptation//The Human Biology of Circumpolar Populations. Cambridge — London — New York — Melbourne — Sydney, 1980.*

⁴⁵ Коростылев А. П., Малютов М. Б. Об оценке коэффициентов приспособительности генотипов с помощью оценки стационарного распределения частот генов//Применение статистических методов в задачах популяционной генетики. Вып. 49. М., 1979. Рычков Ю. Г. Определение давления естественного отбора на генотипы групп крови АВО по данным о генетической структуре популяций человека в Северной Азии. Там же.

⁴⁶ См. об этом серию предварительных сообщений: Алексеев В. П. Антропологические исследования на Чукотке в 1970 г.//Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1970 году. М., 1971; *его же*. Антропологические исследования на Чукотке в 1971 году//Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1971 году. Вып. II, 1972; *его же*. Антропологические исследования на Камчатке в 1972 г. Новое в этнографических и антропологических исследованиях//Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1972 г., ч. II, М., 1974; *его же*. Антропологические исследования на Камчатке//Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР. 1974 г. М., 1975.

⁴⁷ Помимо книг, приведенных в прим. 35, см.: Алексеева Т. И. Проблема биологической адаптации человека//Природа. 1975. № 6.

⁴⁸ В этих книгах содержатся списки публикаций региональных данных.

⁴⁹ Алексеева Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека.

⁵⁰ См., например: Рост и развитие ребенка по данным антропологии. М., 1973.

ревания связано с формированием человеческой психики, не оказывает ли оно влияния на продолжительность жизни и т. д.

Проблема, которая также ввиду своей актуальности настоятельно требует скорейшей разработки и решения,— целостность человеческого организма, что в рамках антропологии отражается в учении о конституции, компонентах тела, физическом развитии. Постоянно накапливая фактический материал в этой области⁵¹, советские антропологи интерпретируют его в духе идей, система которых была развита еще 40—50 лет назад. Обновление теоретической базы в учении о конституции и увязка его с достижениями биохимии человеческого организма — настоятельное требование сегодняшнего дня, так как только это позволит вплотную подойти к пониманию наиболее интимных процессов формообразования и в то же время достаточно полно вскрыть закономерности реакций человеческого организма на воздействия среды как в общем, так и конкретно в географических рамках Советского Союза.

Выше был дан краткий обзор крупных региональных монографий, обобщавших все имевшиеся данные по тому или иному району. К нему нужно добавить, что за каждой из перечисленных выше книг стоят десятки и сотни публикаций многих авторов по частным вопросам. Как мы убедились, ряд важных материалов остается неопубликованным. Даже региональных монографических публикаций накопилось уже такое количество и в них собрана такая богатая информация, что охватить ее становится все труднее и труднее. Все это настоятельно ставит на повестку дня необходимость создания обобщающего издания, которое охватило бы на современном уровне весь накопленный материал по антропологии СССР, привело его в систему, увязало с уже достигнутыми результатами изучения народов СССР в историко-этнологическом отношении. Идея такого издания зародилась в Отделе антропологии Института этнографии АН СССР. Она сразу же реализовалась в мысли создать многотомный коллективный труд, в подготовке и написании которого приняли бы участие многочисленные специалисты не только столичных учреждений, но и Академий наук союзных республик. План и характер будущего издания неоднократно обсуждались, его проспект был утвержден сначала на совещании в Ленинградской части Института этнографии АН СССР в феврале 1985 г. и затем в дополненном виде — на совещании в Институте этнографии АН СССР в Москве в декабре 1985 г.

Если обратиться к зарубежному опыту составления крупных обобщающих работ по антропологии отдельных материков или земного шара в целом, то он невелик и насчитывает всего лишь несколько серьезных изданий. В качестве первого из них можно, пожалуй, назвать большую книгу немецкого исследователя Э. Айкштедта о расовой истории человечества⁵². Позже он выпустил огромный том, специально посвященный Восточной и частично Юго-Восточной Азии⁵³. Обилие использованных данных, широта подхода к проблеме генезиса выделяемых им антропологических типов, опирающегося не только на палеоантропологические данные, но и на иконографию и исторические сведения о физических особенностях древних народов, выгодно характеризуют эти книги. Но в теоретическом отношении они абсолютно неприемлемы — он отдал дань расистской идеологии и рассматривает в культуртрегерском плане любые формы расселения европеоидов.

В 1941 г. вышли на итальянском языке под редакцией Р. Биасутти три тома общего описания рас и народов Земли, позже выдержавшие еще два издания⁵⁴. Этот трехтомник, превратившийся в последнем издании в четырехтомник, роскошно издан, снабжен большим числом инте-

⁵¹ См., например: *Клиорин А. И., Чтецов В. П.* Биологические проблемы учения о конституциях человека. Л., 1979.

⁵² *Eickstedt E.* Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1934.

⁵³ *Eickstedt E.* Rassendynamik von Ostasien China und Japan, Thai und Khmer von der Urzeit bis heute. Berlin, 1944.

⁵⁴ *Biasutti R.* Le razze e i popoli della terra. T. I—III. Torino, 1941.

ресно выполненных фотографий лиц разных рас и национальностей; помещенные в нем карты мировых вариаций отдельных признаков неоднократно перепечатывались в разных антропологических публикациях⁵⁵. Но ему явно не хватает документальной оснащенности; для характеристики локальных антропологических вариантов использованы по большей части длина тела, черепной или головной и лицевой указатели, пиментация характеризуется не количественно, а в качественных описательных понятиях. Кроме краткого очерка истории ископаемых гоминид в первом томе почти полностью оставлен без внимания палеоантропологический материал. Место, уделенное антропологическому составу Европы, несопоставимо больше, чем объем, отведенный антропологической характеристике других материков, что может найти известное оправдание в лучшей изученности антропологии Европы, но мало приемлемо теоретической точки зрения. Таким образом, и это обширное сочинение, небезупречно во многих отношениях.

Кое-что из того, что сказано о книгах под редакцией Р. Биасутти можно повторить и о двухтомнике, вышедшем под редакцией Р. Босх-Гимперы на испанском языке⁵⁶. Качество издания и сопровождающий его цветные фотографии выше всяких похвал, но антропологический текст занимает в нем подчиненное положение. Он популярно написан, легко читается, что нужно отнести к несомненному достоинству издания, но очень облегчен и мало фундирован в научном отношении, характеристики антропологических комплексов даны в описательных терминах, без какого-либо использования количественных данных. По сути, дела это не специально антропологическое, а скорее этнографическое описание народов Европы, в котором велик удельный вес рассмотрения ее антропологического состава. Генезис и взаимоотношения выделенных на территории Европы антропологических комплексов оцениваются достаточно традиционно, в основном в рамках подходов, разработанных немецкими антропологами, палеоантропологический материал при этой оценке оставлен в стороне, как и в предыдущем рассмотренном нами издании.

Большое внимание мировой антропологической и этнографической общественности привлекли три книги американского антрополога К. Куна, посвященные антропологической характеристике Европы и затем населения всего земного шара⁵⁷. Написанные одним из крупнейших представителей антропологической науки середины века живо и интересно, эти книги основаны на огромном количестве конкретного антропологического материала, умело извлеченного из мировой литературы, и обширных собственных наблюдениях над антропологическим составом разных районов земного шара. Для народов Европы К. Кун разработал оригинальную антропологическую классификацию и попытался, используя всю полноту палеоантропологической информации, проследить генезис выделенных антропологических компонентов и их хронологические и исторические взаимоотношения. Поэтому книга его об антропологии Европы до сих пор сохраняет большое научное значение и, хотя она и устарела к настоящему времени по фактическому материалу, остается неоценимой сводкой старых данных. Этого нельзя повторить о книгах, посвященных антропологическому составу земного шара. Они связаны одна с другой по содержанию и составляют как бы два тома одного издания. Но при всем богатстве их содержания, полноте фактического материала, тонкости многих конкретных наблюдений и выводов они вызывают серьезнейшие теоретические возражения, затрагивающие самые основы идеологических течений в расоведении. Все рецензенты первой из рассматриваемых книг К. Куна (рецензии на нее были опубликованы

⁵⁵ См., например: *Lundman B. Geographische Anthropologie. Stuttgart, 1968.*

⁵⁶ *Bosch-Gimpera P. Las razas humanas. Barselona, 1945.*

⁵⁷ *Coon C. The Races of Europe. N. Y., 1939; idem. The Origin of Races. L., 1961; idem. The Living Races of Man. N. Y., 1965.*

в США, Канаде и СССР⁵⁸) единогласно отметили расистский налет на подходе автора к генеалогии рас, хотя сам автор это решительно отрицал. Поэтому книги эти и сейчас приводятся в качестве примера того, как даже объективно мыслящий исследователь при недостаточной осторожности и недостаточном внимании к своим формулировкам незаметно допускает расистские высказывания, чем дискредитирует и себя, и представляемую им науку.

Сейчас мы переходим к сегодняшнему дню, и нам остается рассмотреть два продолжающиеся издания. Одно из них «*Rassengeschichte der Menschheit*» было основано К. Заллером и продолжает после его смерти выходить под редакцией И. Швидецкой. Каждый из выпусков этого издания посвящен той или иной территории земного шара и написан, как правило, антропологами, проживающими в тех странах, которые они описывают. Территории СССР посвящены две работы: антропологии европейской части СССР — работа В. В. Бунака⁵⁹, она входит в тот же выпуск, что и антропологические характеристики Скандинавии и Исландии, азиатская часть СССР описана В. П. Алексеевым и И. И. Гохманом⁶⁰, и это описание составляет самостоятельный выпуск.

Все издание снабжено значительным числом таблиц, картами вариаций отдельных признаков и в смысле фактической оснащенности и полноты выгодно отличается от всех перечисленных выше региональных и мировых сводок, будучи сравнимо по полноте своей документальной базы с книгой К. Куна об антропологии рас Европы. Но обилие авторов привело к тому, что в теоретическом отношении оно характеризуется известным эклектизмом, и это отразилось не только в различиях авторских позиций в ряде ключевых вопросов расоведения, но даже и в подборе краниологических и соматологических признаков для характеристики, сравнительной полноте, с которой представлены палеоантропологические и соматологические данные и т. д. В целом все же это очень серьезная сводка, отличающаяся высокой тщательностью и строгой научностью в подаче материала и похвальной осторожностью в его трактовке.

Второе продолжающееся издание «*A föld népei*» («Народы Земли») принадлежит перу И. Кисели и выходит на венгерском языке. Пока изданы два тома, посвященные Европе и Азии⁶¹, а издание в целом рассчитано на пять томов. По парадности внешнего оформления, обилию многоцветных фотопортретов представителей разных расовых типов оба опубликованных тома могут сравниться лишь с книгами, изданными под редакцией П. Бош-Гимперы. Автор широко использовал античную живопись и скульптуру, а также скульптурные изображения человеческого лица в археологическом материале в целом, что составляет его несомненную заслугу. Но конкретные метрические данные представлены очень слабо, расовая классификация традиционна, проблемы генетических взаимоотношений расовых типов разобраны также в высшей степени традиционно, без учета всей сложности существующих дискуссий. Поэтому это обширное издание носит полностью популярный характер и лишено серьезного научного значения.

В предыдущем обзоре кратко охарактеризованы достоинства и недостатки основных сводок работ по антропологии мира и отдельных его крупных областей. Их список можно было бы без труда увеличить, но в этом нет необходимости. «Антропология СССР» старается вобрать в себя опыт лучших изданий и в то же время избежать их недостатков.

Каким должен быть характер издания, какие основные принципы положены в его основу и реализуются в процессе подготовки к печати? Следует отметить пять моментов, которыми неукоснительно руководст-

⁵⁸ Они были написаны выдающимися биологами и антропологами — А. Монтэгю, Л. Ошинским, Т. Добжанским, Я. Я. Рогинским и др.

⁵⁹ *Bunak V. Rassengeschichte Osteuropas/Rassengeschichte der Menschheit. Lieferung 4. München — Wien, 1976.*

⁶⁰ См. прим. 30.

⁶¹ *Kiszely I. A föld népei. 1. Europa. Budapest, 1979; 2. Azzia. Budapest, 1984.*

вуются авторы и редколлегия во всех томах предполагаемого издания.

Планируемая серия книг посвящена в первую очередь живым людям, современникам, а не древним народам СССР, хотя и оставившим потомков, но исчезнувшим с лица земли. Палеоантропологический материал привлекается широко и многосторонне, но лишь после того, как будут освещены антропологические особенности современного населения той или иной территории. Он используется для реконструкции генезиса антропологических компонентов в составе современных народов, и перехода к трактовке этногенетических проблем в свете антропологических данных.

Предполагается создать исчерпывающую сводку данных с максимально полными антропологическими характеристиками современных и древних популяций. Однако, это не означает, что в таблицах к отдельным томам будут воспроизведены все цифры, которые когда-либо были опубликованы в отдельных статьях. Исчерпывающая проработка данных предполагает их разумный отбор, с которого нужно порою начинать антропологическую характеристику любого народа. Более того — экономия в табличной информации, опирающаяся на предшествующий анализ качества данных, позволяет более выразительно и наглядно представить вариации дифференцирующих признаков, их соотношения в разных группах, а, следовательно, и их таксономический вес.

Создание сводной работы такого объема потребовало реализации всего опыта расогенетических исследований, накопленного советскими антропологами. Поэтому методологическая сторона антропологических исследований, теоретические положения, выдвинутые и защищаемые советскими антропологами, критический разбор взглядов буржуазных ученых, когда они высказывались по проблемам расогенеза на территории СССР, генезиса и динамики антропологического состава народов СССР, должны найти по возможности полное отражение во всех томах планируемой сводной работы по антропологии СССР. Теоретические принципы советской антропологической школы будут аргументированы всей совокупностью конкретных данных, рассмотренных в отдельных томах.

Ценность подобного сводного издания велика сама по себе, так как оно при масштабности территории Советского Союза, многочисленности и разнообразии населяющих его народов заполняет огромный пробел в антропологической характеристике населения земного шара. Но ценность эта еще повышается, если учесть, что вся собранная информация направлена на решение вопросов этногенеза и этнической истории. Разумеется, антропологический материал один не разрешает всех этих вопросов, но при их сложности и комплексности на это не может претендовать ни один вид исторических источников. В то же время глубокие генетические связи и истоки происхождения современных народов освещаются с наибольшей полнотой именно с помощью антропологических, в наибольшей степени — с помощью палеоантропологических данных.

Наконец, последнее касается не содержания, а формы издания, и тем не менее составляет его принципиальную важную особенность. К. А. Тимирязев еще в конце прошлого века любил повторять, что «нужно работать для науки и писать для народа». Эти слова в высокой степени справедливы для любого научного исследования. Сводное издание по антропологии СССР рассчитано на специалистов-антропологов и представителей смежных областей знания, но не в меньшей мере оно готовится таким образом, чтобы его смог прочитать любой читатель, интересующийся физическим типом современных народов, населяющих нашу страну, динамикой физических особенностей древнего населения СССР во времени, родством древних и современных народов и их генезисом. Поэтому всему изложению будет придан по возможности популярный характер, и оно построено так, чтобы сложные специальные темы могли быть пропущены при чтении без ущерба для понимания сквозных идей и выводов.

Вся серия рассчитана на семь томов. В географическом распределении материала авторы и редколлегия руководствуются теми принципами, которые были последовательно проведены в завоевавшем широкую известность монументальном издании Института этнографии АН СССР «Народы мира», в тех его томах, которые были посвящены народам СССР.

Огромная территория Советского Союза, обилие собранных данных их разработка под единым углом зрения позволяют рассматривать Антропологию СССР» как первый и необходимый шаг к обобщению антропологических данных в мировом масштабе с последующей попыткой его реализации в написанной с марксистских позиций многотомной Антропологии земного шара». Но для реализации этого плана крайне желательно было бы перенесение методики нашей работы на население зарубежных территорий: пока с соблюдением этих методических принципов и приемов изучены этнические группы Кубы, Афганистана, Монголии, Индии и Вьетнама. Абсолютно необходимо усиление мощности применяемого статистического аппарата и более совершенное приспособление его для нужд территориального антропологического исследования. На очереди стоит создание банка данных по антропологии СССР, а по мере расширения масштабов работы — и банка данных по антропологии популяций земного шара. Только после этого и можно будет приступить к созданию сводного труда по антропологии мира, о котором только что было сказано и который опирался бы на методологические принципы и исследовательский опыт советских антропологов, как они сформулированы в трудах основоположников советской антропологии — В. В. Бунака, А. И. Ярхо, Г. Ф. Дебеца и М. Г. Левина.

В. К. Бондарчик, В. Н. Белявина

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ БЕЛОРУССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

В последние два десятилетия в исследовании этнических процессов СССР все более значительное место занимают вопросы этнокультурного развития городского населения. Причины такого внимания закономерны в связи с ростом процесса урбанизации и увеличением доли городского населения во всех регионах страны.

В 1913 году горожане составляли всего 14% жителей Белоруссии, в 1940 — 21, в 1959 — 31, в 1970 — 43, в 1979 — 55, а к началу 1985 г. — уже 63%¹. Причем в послевоенный период темпы роста городского населения в БССР были значительно выше общесоюзных. Так, если в среднем по стране с 1959 по 1970 г. численность горожан возросла на 8%, то в БССР — на 12%, с 1970 по 1979 г. в СССР — на 6%, в БССР — на 26%².

На территории Белоруссии города уже с момента выделения в особый вид поселений имели обычно более сложный этнический и социальный состав, чем население в окрестных селах³. В Бресте, например, уже во второй половине XVI — первой половине XVII в. кроме коренного населения и выходцев из русских, украинских, польских, литовских земель

¹ Народное хозяйство Белорусской ССР в 1985 г. // Статистический ежегодник. Минск, 1986. С. 3.

² Народное хозяйство СССР в 1980 г. // Статистический ежегодник. М., 1981. С. 7; Народное хозяйство Белорусской ССР в 1980 г. // Статистический ежегодник. Минск, 1981. С. 7.

³ Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. Город и этнические процессы (из опыта этнографического изучения восточнославянских городов) // Сов. этнография. 1984. № 2. С. 3.

жили уроженцы Германии и др.⁴. Историческое развитие культуры горожан происходило в теснейшем взаимодействии представителей различных этносов. Однако длительное время подавляющее большинство городов составляло коренное местное население⁵. Миграционные процессы, связанные с развитием капиталистических отношений, национальной политикой самодержавия, вхождением территории Белоруссии в черту оседлости еврейского населения, привели к сокращению белорусов в национальном составе горожан. По переписи 1897 г. среди городских жителей Белоруссии белорусы составляли 14,5%, русские — 17,7, поляки — 11,6, евреи — 53,5, другие национальности — 2,7. В таких крупных городах, как Минск, белорусы составляли 9,0% населения, в Гродно — 11,6, в Витебске — 12,2, в Гомеле — 17,6%.

Примерно такая же ситуация наблюдалась и в этносоциальной структуре городских жителей. В конце XIX в. среди промышленного пролетариата и полупролетариата белорусы составляли 17,2%, русские — 10,1, поляки — 10,2, евреи — 59,9, прочие национальности — 2,6%⁷. Количественное соотношение на промышленных предприятиях белорусских, русских, украинских, польских, еврейских рабочих было различным в разных отраслях промышленности, зависело от близости города к той или иной этнографической территории.

В целом на крупных промышленных предприятиях пяти белорусских губерний России преобладали «христианские» рабочие, в то время большинство еврейского пролетариата и полупролетариата было занято в сфере мелкой и ремесленной промышленности, торговли и некавалифицированного труда, связанного с обслуживанием населения⁸.

Преобладание среди горожан иноэтничного по отношению к белорусам населения затрудняло приток в города коренных сельских жителей, усложняло их адаптацию к городской этнокультурной среде.

Функционирование белорусского языка в городах Белоруссии ограничивалось в основном семейной и бытовой сферой, а образование, наука, делопроизводство и в значительной степени литература обслуживались русским языком. Городская среда, характеризующаяся этнической пестротой, сословной и классовой дифференцированностью, в корне отличалась от той социальной основы, на которой развивалась в период капитализма духовная культура белорусской деревни. Однако, будучи во многом чуждой белорусскому крестьянину, интегрированная городская культура по мере развития капитализма оказывала все возрастающее влияние на этнокультурное развитие сельского населения.

Несмотря на незначительную долю горожан, именно города Белоруссии в период капитализма в значительной мере определяли основные стандарты культурной жизни края. Концентрация в городах школ, училищ, гимназий, театров и других культурно-просветительных учреждений способствовала формированию в крупных белорусских городах социальной и культурной элиты, которая стала оказывать все большее влияние на характер духовной жизни горожан, содействовала превращению городов в центры развития профессиональных форм белорусской культуры.

Однако доля квалифицированных специалистов в Белоруссии, даже в масштабах дореволюционной России, была незначительной. В частности, на территории белорусских губерний было сосредоточено всего 0,8% инженерно-технических кадров страны⁹, хотя по переписи 1897 г. жители Белоруссии составляли 4,3% населения Российской империи.

⁴ Копыцкий З. Ю. Города Белоруссии во второй половине XVI — первой половине XVII в. // Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Минск, 1967. С. 19—20.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Бич М. В. Национальный склад прамысловага пралетарыату Беларусі ў першай палове XIX — пачатку XX ст. // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1972. № 4. С. 33.

⁷ Бич М. О. Развитие социал-демократического движения в Белоруссии в 1890—1903 гг. Минск, 1973. С. 20—21.

⁸ Там же. С. 17, 20.

⁹ Барановский Я. И. За дружбу народа. Минск, 1972. С. 180.

По сравнению с сельским населением уровень грамотности горожан был значительно выше, хотя и в городах среди лиц мужского пола неграмотные составляли более 40%, а среди женщин — свыше половины¹⁰. «Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, — писал Ф. Энгельс, — то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам»¹¹. Учиться рабочим и ремесленникам было некогда. Книг и газет большинство из них не читало¹². Оставшееся от работы время рабочие-мужчины проводили в домашних хлопотах: заготавливали на зиму дрова, ремонтировали жилище, изготавливали мебель и мелкую домашнюю утварь, обрабатывали огороды. Значительную часть свободного времени занимало внесемейное общение в уличных компаниях, посещение трактиров и игра в карты.

Обычным видом досуга молодежи были гулянья, воскресные выезды за город, вечеринки, которые в различных социальных слоях горожан имели свои традиции.

Культурными центрами крупных городов Белоруссии в период капитализма являлись театры, но они были доступны далеко не каждому городскому жителю. Так, дневной заработок фабрично-заводских рабочих в начале XX в. в среднем составлял около 80 коп.¹³, а билет в театр даже на галерку стоил 50 коп.¹⁴ Постоянными посетителями городских театров были только интеллигенция и учащаяся молодежь, для которой театр был еще и местом знакомств.

Низкий образовательный уровень подавляющего большинства горожан, их эстетическая неподготовленность к восприятию театрального действия, усталость после длительного рабочего дня, материальная необеспеченность приводили к тому, что основная масса городских жителей считала театр господским развлечением. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции духовная культура широких слоев трудящихся белорусского города сохраняла в значительной мере традиционный характер, а приобщение к профессиональным формам культуры было привилегией господствующих классов.

Если проживающие в городах Белоруссии русские, белорусы, украинцы и поляки (среди последних преобладали белорусы-католики) имели сходные обычаи, обряды и были близки по языку, то между названными группами и еврейским населением, составлявшим большинство городских жителей, существовали весьма значительные культурно-бытовые различия. Быт еврейского населения в период капитализма до мелочей регламентировался национальными и религиозно-сословными традициями. С раннего возраста дети помогали родителям в торговле, ремесле, а с 6—7-летнего возраста посещали начальные еврейские школы («хедеры»). После их окончания дети из зажиточных семей поступали учиться в еврейскую школу повышенного типа («ешибот»), а затем в гимназии. Дети бедноты, не имевшие возможности посещать школу, непродолжительное время учились дома у учителя-самоучки («бакаляра» или «меламеда»), где получали элементарные сведения о счете, грамматике, еврейских религиозных догмах.

Для еврейской молодежи были характерны общегородские формы досуга (вечеринки, гулянья, пикники), но носили они национально-замкнутый характер. В некоторых городах у нее были даже особые места гуляний¹⁵. Влияние родителей на знакомство и общение детей у евреев

¹⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./Под ред. Тройницкого Н. А. СПб., 1900. Т. IV. Тетр. 1. С. 29; 1903. Т. V. Тетр. 3. С. 9; 1904. Т. XI. С. 13; 1903. Т. XXIII. С. 13

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 343.

¹² Архив Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР (далее — АИИЭФ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 296. Тетр. 6. Л. 6, 12.

¹³ Центральный государственный исторический архив БССР в Минске. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7885. Л. 187.

¹⁴ Дунец К., Лукашенко И., Пепеляев В. Витебская обл. за 50 лет Советской власти (материал в помощь лектору). Минск, 1967. С. 5.

¹⁵ АИИЭФ. Ф. 6. Оп. 12. Д. 86. Л. 2—3.

в мелкобуржуазной среде было более сильным, чем у других национальностей. Свадьбы, именины, похороны проводились с полным соблюдением религиозной обрядности. Случаи национально-смешанных браков перехода в православие сурово осуждались.

Основными местами общения мужчин были еврейские клубы и нагоги. Там узнавали новости, обменивались мнениями и предсказаниями колебания цен на рыночные товары, заключали торговые сделки¹⁶.

Культурно-бытовые и конфессиональные особенности, разделение на городскую территорию представителей отдельных национальностей (татарские, белорусские, русские, старообрядческие и другие слободы, улицы и кварталы) обуславливали сохранение значительной этнической замкнутости духовной культуры городских жителей. Национально-бытовые особенности духовной культуры горожан дифференцировались еще и социальными различиями, что формировало культурные стереотипы поведения отдельных этносоциальных групп.

Однако, несмотря на сохранение этнокультурных особенностей, взаимоотношения представителей различных национальностей как в производственной сфере, так и в быту были дружественными. Особенно касалось трудящегося населения. Рабочие различных национальностей нередко дружили между собой, ходили друг к другу в гости¹⁷. Наиболее тесные межэтнические контакты сложились у белорусов, украинцев и русских.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции впервые открыла доступ к культуре широким массам трудящихся. Уже с первых лет социалистического строительства экономические проблемы в республике решались параллельно с социальными. При этом первоочередное внимание уделялось развитию народного образования. В начале 30-х годов в БССР в основном была ликвидирована неграмотность среди трудоспособного населения, что существенно изменило возможности приобщения к достижениям отечественной и мировой культуры и расширило участие горожан в различных видах общественной и культурной деятельности. Особо следует подчеркнуть, что именно в советское время просвещение народных масс Белоруссии впервые проводилось с учетом их национальной принадлежности. Школы и пункты по ликвидации неграмотности работали на белорусском, русском, украинском, польском и польском языках. Гражданам каждой национальности была предоставлена возможность выбирать язык обучения¹⁸.

Одновременно с ликвидацией неграмотности и развитием сети школ в городах БССР велась огромная работа по созданию системы высшего и среднего специального образования. Для вовлечения рабочей и крестьянской молодежи в высшие учебные заведения были созданы различные факультеты. К 1940 г. в Белоруссии, до революции не имевшей государственности и национальной школы, было 22 вуза, в которых обучалось 15 425 студентов¹⁹, среди которых белорусы составили 76,6%²⁰.

Успешное решение в стране задач социалистического строительства, постоянный рост образовательного и культурного уровня населения также создание благоприятных условий для рационального использования досуга вызвали перераспределение бюджета свободного времени трудящихся, появление форм, не имевших места до революции. Все большее число рабочих и служащих стало принимать участие в общественной работе, заниматься самообразованием и различными видами художественного и научно-технического творчества. Уже в начале 1930-х годов важное место в досуге горожан заняло посещение клубов и библиотек.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ АИИЭФ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 82. Л. 137.

¹⁸ Школа и культура Советской Белоруссии. Минск, 1921. № 1—2. С. 28.

¹⁹ Культурное строительство БССР. Минск, 1940. С. 32.

²⁰ Красовский Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии. 2-е изд. доп. М.: 1972. С. 108.

Интенсивное индустриальное развитие БССР обусловило качественные изменения этносоциальной структуры и культурного облика городского населения. В республике вырос национальный рабочий класс, сформировалась национальная научно-техническая и творческая интеллигенция. К концу 1930-х годов завершилось становление белорусской профессиональной художественной культуры, был создан национальный профессиональный театр, начали развиваться национальные опера и балет. Повысился интерес населения к ценностям культуры, расширилось его участие в культурной деятельности.

Наряду с качественными изменениями городского населения в годы первых пятилеток заметно выросло и его количество. К 1939 г. по сравнению с 1913 г. оно увеличилось более чем в 2 раза. Лишь в восточных областях Белоруссии в предвоенные годы возникло 11 новых городов и 50 поселков городского типа ²¹.

Иная социально-культурная ситуация существовала в это время в Западной Белоруссии, до 1939 г. входившей в состав буржуазной Польши. Там не только не было ни одного высшего учебного заведения, но из года в год росло число детей, не охваченных школьным обучением. В начале 1930-х годов в Западной Белоруссии были закрыты белорусские гимназии, за исключением Виленской, а к концу десятилетия и все белорусские школы.

После воссоединения Западной Белоруссии с БССР там была создана широкая сеть школ, вузов и техникумов, в которые были направлены тысячи высококвалифицированных учителей и преподавателей из восточных районов республики. В 1940/41 учебном году в западных областях уже функционировало 5 вузов и 25 средних специальных учебных заведений ²².

В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками была почти полностью разрушена материальная база культуры, республика понесла огромные людские потери, по численности населения она достигла довоенного уровня только к 1970 г. Однако с помощью братских народов Советского Союза к 1950-м годам Белоруссия ликвидировала нанесенный фашистами ущерб народному хозяйству и культуре.

Современная культура белорусского народа выступает как органическая часть духовной культуры новой социальной и интернациональной общности — советского народа. Огромную роль в развитии культурной среды городов БССР стали играть средства массовой информации, активно содействующие вовлечению в культурную жизнь самых широких масс населения.

При описании современной этнокультурной ситуации в белорусских городах мы будем ссылаться на данные этносоциологических обследований городского населения, проведенных отделом этнографии ИИЭФ АН БССР в 1976, 1982 и 1986 гг. Обследование 1976 г. осуществлялось в рамках государственной темы «Современные этнокультурные процессы в городах Белоруссии и их роль в развитии советского образа жизни». Опрос населения проводился в 17 городах республики, а выборочный массив составил 4147 человек.

Обследование 1982 г. осуществлялось в рамках межреспубликанской государственной темы «Полесье». Опрос выборочно охватил население 6 полесских городов, максимально близких по типу и этническому составу к структуре населения региона. Целью изыскания было получение данных о современных культурно-бытовых процессах в этом регионе республики. Объем выборки составил 1533 человека.

Целью обследования 1986 г. было изучение духовной культуры, обычаев и обрядов белорусов, проживающих в городах республики. Выбо-

²¹ Богданович А. Сегодня и завтра белорусских городов//Коммунист Белоруссии. 1971. № 11. С. 57.

²² Браим И. Н. Рост уровня образования населения Белоруссии в годы Советской власти//Вопросы этнографии и фольклористики/Под ред. Бондарчика В. К. Минск, 1979. С. 20.

Процент горожан коренной национальности республик, читающих художественную литературу (независимо от интенсивности чтения) и посещающих театр, по данным обследований 1970-х годов *

Республика	Читают художественную литературу	Посещают театр
Белоруссия	92,4	84,1**
Эстония	91,8	82,6
Молдавия	72,7	56,7
Грузия	87,7	73,6
Узбекистан	66,7	60,0

* Арутюнян Ю. В. Национально-региональная специфика процессов сближения городов и деревни в СССР // Сов. этнография. 1987. № 1. С. 6.

** Данные по БССР относятся к посещению театров и концертов.

рочный массив составил 2058 человек. Опрос проводился в 11 городах, которые отражали типы городских поселений и степень урбанизации республики.

В основу всех обследований населения городов Белоруссии была положена многоступенчатая районированная выборка с механическим делением из генеральной совокупности лиц, подлежащих опросу. Генеральной совокупностью в обследовании 1976 г. являлось все экономически активное городское население БССР, в 1982 г. — та же категория населения полесского региона, в 1986 — только работающие горожане белорусской национальности.

Вследствие строгого контроля на всех этапах выборки статистические данные достоверны. Полученные материалы обработаны на ЭВМ в ВЦ АН БССР и хранятся в архиве ИИЭФ АН БССР.

Материалы этих исследований свидетельствуют о том, что у городского населения при проведении досуга наибольшее распространение получили занятия, связанные с восприятием культуры и научно-технической информации. В 1986 г. в городах БССР телевизионные передачи смотрели 99,7% опрошенных белорусов, радиопередачи слушали — 98,3%, газеты читали — 98,5%, кинотеатры посещали — 94,2%.

Процессы, связанные с распространением культурных ценностей, социокультурной информации, характерные для всех советских народов, в различных регионах страны имеют свои особенности, обусловленные своеобразием культурно-исторического прошлого каждого народа (табл. 1).

В 1986 г. в городах Белорусской ССР художественную литературу читали уже 95,2% опрошенных городских жителей белорусской национальности, посещали театры и концерты — 88,0%.

Горожане, отнесшие себя к группе не читающих художественную литературу и не посещающих театры и концерты, в подавляющем большинстве пожилые люди, по состоянию здоровья или в силу других причин не имеющие возможности пользоваться данными источниками получения культурной информации.

Социалистическая урбанизация и рост промышленного строительства в республике повлекли за собой изменения как в социально-профессиональной структуре горожан, так и в их этническом составе. Если в 1926 г. доля белорусов в городском населении республики (в границах до 17 сентября 1939 г.) составляла 39,3%²⁴, то по переписи 1970 г. — 69,3%²⁵. При том, что белорусы составляют более 2/3 городских жителей

²³ АИИЭФ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 142—476 (1976); Ф. 6. Оп. 12. Д. 130—238 (1982). Ф. 7. Оп. 1. Д. 521—708 (1986).

²⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. X. Белорусская Советская Социалистическая Республика. М., 1928. С. 10—12.

²⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973. С. 193.

**Рост уровня образования занятого населения в СССР и в БССР
по данным переписей населения ***

	На 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование			
	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
СССР	123	433	653	805
БССР	113	331	594	763

* Составлено по кн.: Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981. С. 27; Народное хозяйство Белорусской ССР в 1980 г. С. 11.

БССР, в республике живут и трудятся представители более 80 наций и народностей²⁶, что создает широкие возможности для этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний.

Формирование новой этнической структуры городского населения, расширение сети театров, кинотеатров, музеев, средств массовой информации и пропаганды, развитие учебно-издательской базы, а также возникновение новых профессиональных видов белорусской художественной культуры содействовали превращению городов в центры современной национальной культуры и духовной жизни белорусского народа.

Количественный и качественный рост городской культуры, повышение уровня использования ее ценностей различными категориями трудящихся способствуют преодолению узконациональных рамок духовной культуры всех этнических групп горожан. Процессу интернационализации культуры жителей городов БССР содействует и то, что наиболее многочисленные инонациональные группы, представленные русскими, украинцами и поляками, имеют сходные с коренным населением культурно-бытовые традиции и язык.

В межнациональном общении городского населения БССР велика роль русского языка. По переписи 1979 г. 81,9% населения республики свободно владело русским языком²⁷. В 1986 г., по данным этносоциологического исследования, им свободно владели уже 94,2% горожан-белорусов, а 27,4% из них назвали его своим родным языком.

В послевоенный период темпы роста образовательного уровня населения в Белоруссии несколько выше, чем в среднем по СССР, однако средний уровень образования в республике все еще несколько отстает от среднего общесоюзного (см. табл. 2).

Согласно данным переписей, для городского населения БССР в целом характерна тенденция сокращения численности лиц с начальным образованием и увеличения доли лиц с высшим, средним специальным и общим средним образованием. Однако сохраняется еще довольно значительное отставание белорусов и поляков от евреев, украинцев и русских по численности лиц с высшим и средним специальным образованием в расчете на 1000 человек (табл. 3).

В настоящее время в республике имеется 33 вуза, в которых занимается 181,9 тыс. студентов и 139 средних специальных учебных заведений, в которых насчитывается 160,4 тыс. учащихся²⁸.

Рост образовательного и культурного уровня городских жителей ведет к осознанию ими своей национальной культуры во взаимосвязи с мировыми культурными достижениями, и в первую очередь с общесоветской культурой. Происходит расширение диапазона интересов горожан к различным видам искусства, лучшим образцам культурных ценностей других народов. В сравнении с ориентацией на общесоветскую культуру предпочтение только своих национальных ценностей незначительно. Так, по данным обследования 1976 г., среди белорусов — представителей не-

²⁶ Народное хозяйство Белорусской ССР в 1985 г. С. 6.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 198.

**Уровень образования представителей наиболее многочисленных национальностей
в возрасте 10 лет и старше в расчете на 1000 человек
городского населения БССР в 1959 и 1970 гг. ***

Националь- ность	Образование									
	высшее		среднее спе- циальное		среднее общее		неполное среднее		начальное	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
Белорусы	24	47	64	87	99	183	274	282	314	25
Русские	64	106	1120	141	133	209	256	231	252	16
Поляки	10	29	28	65	61	156	210	276	374	28
Украинцы	65	110	112	157	125	210	262	238	246	16
Евреи	106	163	108	142	136	180	223	189	237	16

* Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. М., 1973. С. 480—483.

квалифицированного и малоквалифицированного труда — народные песни разных народов любили слушать 50,0% опрошенных, а только «свои» белорусские народные песни — 10,3%, среди квалифицированных рабочих — соответственно 35,6 и 7,5%, в группе работников высококвалифицированного умственного труда с высшим образованием — 32,8 и 6,3%, среди руководителей трудовых коллективов — 43,2 и 2,7%.

В то же время, как показали материалы проведенных в республике этносоциологических исследований, белорусская профессиональная культура в процессе развития становится все в большей степени способной удовлетворять вкусы и запросы различных возрастных и профессиональных групп не только белорусов, но и других национальностей.

Городское население республики в настоящее время характеризуется высоким уровнем развития духовных потребностей, многообразием сложной дифференциацией культурных запросов. Постепенное сближение социально-профессионального состава этнических групп городского населения, всеобщая приобщенность к прессе, телевидению, радио, участие большинством горожан учреждений культуры свидетельствуют о глубоких процессах этносоциальной интеграции в городах республики.

Как показывают наши материалы, в одинаковых по уровню образования и соответствующих социально-профессиональных группах у белорусов и русских наблюдается большое сходство. Так, среди горожан различных национальностей, имевших общее среднее образование, в 1976 г. регулярно читали художественную литературу 50,4% белорусов и 51,1% русских, а в группе лиц с высшим образованием — 67,8% белорусов и 65,2% русских.

В этой же группе театры и концерты несколько раз в год посещали 56,6% белорусов и 54,7% русских, не реже одного раза в месяц — 20,7% белорусов и 22,7% русских. Среди лиц, имевших высшее образование, театры и концерты несколько раз в год посещали 69,7% белорусов и 62,1% русских, не реже одного раза в месяц — соответственно 22,6% белорусов и 29,2% русских.

По данным этого же исследования, в группе работников со средним специальным образованием регулярно читали художественную литературу 76,7% белорусов и 75,3% русских, общественной работой занимались 12,1% белорусов и 9,2% русских, любительскими занятиями — 14,3% белорусов и 10,7% русских.

Среди опрошенных специалистов с высшим образованием регулярно читали художественную литературу 86,1% белорусов и 79,6% русских, занимались общественной работой 15,4% белорусов и 12,3% русских, любительскими занятиями — 12,9% белорусов и 20,3% русских.

В числе своих основных занятий в свободное время в группе работников неквалифицированного труда чтение назвали 32,5% белорусов и 33,3% русских, общественную работу — 2,0% белорусов и столько же русских, любительские занятия — 10,0% белорусов и 8,3% русских.

**Зависимость национально-культурных ориентаций белорусов, проживающих
в городах БССР от родного языка (1986 г.), %**

Национально-культурные ориентации	Родной язык	
	белорусский	русский
предпочтение белорусской художественной литературе	8,1	5,5
любят произведения белорусских писателей преимущественно на белорусском языке	12,9	6,8
любят слушать: белорусскую народную музыку	20,9	14,2
белорусские народные песни	14,4	10,1

Таким образом, наиболее значительное влияние на духовную культуру многонационального населения современных белорусских городов оказывают не этнические, а социальные и квалификационные различия. Влияние национального фактора на показатели культуры горожан невелико. Если, например, между регулярностью чтения художественной литературы и социально-профессиональной принадлежностью коэффициент статистической взаимосвязи Чупрова (T) в 1976 г. составлял 0,181, то между этим же видом культурного потребления и национальностью — 0,085; регулярностью чтения газет и образованием — 0,285, а национальностью — 0,071.

Важную роль в развитии процессов интернационализации играет и сложившаяся в белорусских городах социокультурная ситуация. Данные этносоциологического обследования 1976 г. выявили среди подавляющего большинства горожан разных национальностей, различных возрастных и социальных групп положительные установки на межэтнические контакты в быту и производственной деятельности. Так, в 1982 г. 29,1% жителей полесских городов ответили, что в многонациональном коллективе работать интереснее, 62,6% — что для них национальный состав работающих не имеет значения, 3,7% затруднились ответить на данный вопрос, и только 4,4% опрошенных ориентировались на внутринациональное общение. Опрос показал, что больше половины белорусов и подавляющее большинство представителей других национальностей имеют среди близких друзей лиц иной национальности. Таким образом, как в трудовом, так и в бытовом дружеском общении главное внимание горожане обращают не на национальную принадлежность, а на идейно-нравственные и деловые качества человека.

Среди факторов, значительно влияющих на культуру горожан, следует остановиться на таком показателе, как место рождения и связанное с ним усвоение характеристик той социально-культурной среды, где в основном происходила социализация личности опрошиваемого. В последние 10 лет в число горожан республики вливается приблизительно 80 тыс. человек ежегодно. В настоящее время каждые шесть из десяти городских жителей являются мигрантами, из которых каждый второй переселился в последнее десятилетие²⁹. По данным этносоциологических исследований, выходцы из сельской местности даже после длительного проживания в городе сохраняли более прочную приверженность традиционным формам культуры. Так, в 1986 г. среди горожан-белорусов отдавали предпочтение белорусским народным песням 9,9% опрошенных коренных жителей республики, среди уроженцев сельской местности — 16,5%, белорусской народной музыке соответственно 15,5 и 22,9%. При этом у белорусов, считающих родным язык своей национальности, в 1986 г. в городах БССР прослеживалась не только более сильная ориентация на ценности своей национальной культуры (см. табл. 4), но и более глубокие знания национальных традиций, обычаев, обрядов.

²⁹ Касперович Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы. Минск, 1985. С. 6.

Обследование 1976 г. показало, что белорусы несколько больше других этнических групп городских жителей ориентированы на традиционную народную культуру и свои национальные ценности. Это объясняется тем, что белорусы проживают на своей давней этнической территории, в них довольно прочно сохраняются связи с сельским населением, а города, являясь ареной всесторонних межэтнических контактов, в то же время выступают и центрами развития современной белорусской профессиональной культуры.

При высоком уровне национального самосознания и любви к своей национальной культуре во всех этнических группах городского населения преобладающей стала ориентация на общесоветские и мировые ценности профессиональной культуры. Так, по данным 1976 г., с одинаковым интересом читали произведения писателей различных народов СССР и зарубежных авторов 51,0% белорусов, 48,9 русских, 36,2 украинцев, 44,3 поляков, 45,7% евреев. Произведения современной многонациональной советской литературы предпочитали другим 31,0% белорусов, 30,3 русских, 41,3 украинцев, 37,5 поляков, 36,7% евреев. В первую очередь свои национальные ценности в художественной литературе ориентировались только 4,7 белорусов, 3,7 русских, 4,5 украинцев, 2,6 поляков, 3,1 евреев.

Любят слушать с одинаковым интересом народные, современные советские и зарубежные песни 69,5% белорусов, 73,2 русских, 59,1 украинцев, 80,3 поляков, 89,2% евреев. Предпочитали песни своей национальности 7,5% белорусов, 5,2 русских, 8,0 украинцев, 5,3 поляков, 2,2% евреев.

Разные возрастные группы неодинаково активно участвуют в культурной жизни городов. Зависимость между возрастом и культурной активностью проявляется во всех видах культурной деятельности, но всегда с одинаковой силой. Наиболее тесная связь во всех этнических группах горожан наблюдается между возрастом опрошенных и частотой посещения кино, домов и дворцов культуры, клубов, театров, концертов.

Городская молодежь, вне зависимости от национальной принадлежности, предпочитает современные, урбанизированные формы профессиональной культуры, не имеющие четкой этнической окраски. Для нее характерен расширенный набор форм и видов культурной деятельности, а также типов поведения и общения в сфере культуры. Это объективная исторически закономерная тенденция в развитии духовной культуры городского населения.

У горожан среднего и пожилого возраста прослеживаются более прочные установки на традиционные народные формы культуры. Так, если среди молодежи 20—24 лет на народные песни своей национальности в 1976 г. ориентировались всего 21,5% белорусов, 10,3 — русских, 26,7 украинцев, 13,2% поляков, то среди горожан в возрасте 60 лет и старше предпочитали их песням современных советских и зарубежных композиторов 76,0% опрошенных белорусов, 66,7 — русских, 66,7 — украинцев, 33,3% — поляков.

Внутри республики этнокультурные процессы в отдельных историко-этнографических регионах и даже отдельно взятых городских поселениях имеют свои особенности, детерминированные близостью тех или иных этноконтактных зон, размером и типом города, национальным составом его жителей.

Таким образом, обусловленные объективным ходом развития социалистического общества современные этнокультурные процессы в белорусских городах содействуют все более тесной межэтнической интеграции городских жителей, формированию у них большей культурной однородности. Вместе с тем в условиях всестороннего расцвета белорусской профессиональной культуры, обеспечивающей сохранение и дальнейшее развитие ее прогрессивных традиций, они ведут не к унификации, а усложнению культурной жизнедеятельности горожан, образованию качественно новых элементов, которые вливаются в русло общесоветской культуры.

О «КАПЛЕ КРОВИ» В СТРАНАХ АМЕРИКИ**(расовая принадлежность:
социальный и биологический аспекты)**

Нации в странах Америки сформировались, как известно, в процессе физического и культурного смешения людей, представлявших все три основные человеческие расы: монголоидную, европеоидную и негроидную. Однако и результаты самого этого процесса, и характер современных расовых отношений в этих странах оказались различными. Сложилась даже поговорка о том, что в США достаточно иметь человеку «каплю черной крови», чтобы считаться негром, а в Латинской Америке — «каплю белой крови», чтобы считаться белым. На вопрос, почему так случилось, ответить совсем не просто. Попытаемся осветить хотя бы некоторые факторы, обусловившие такую ситуацию.

В первой половине XVI в. конкистадоры и их солдаты, испанские чиновники и многие колонисты приезжали в Новый Свет, будучи неженатыми либо оставив жен в Испании. Результатом было сожитительство, а иногда и брак с индейками. Со второй половины XVI в. в этом процессе мисцегенации — физического межрасового смешения населения Нового Света — активное участие приняли и африканцы, миллионы которых были ввезены сюда в качестве рабов. Их ввозили почти во все колонии европейских держав в Западном полушарии и в возникшие там независимые государства, причем начиналась мисцегенация еще перед отправкой черных рабов из Африки и во время перевозки их в Америку, поскольку белый персонал работорговцев имел доступ к рабыням как в факториях и компаундах на африканском побережье, так и на работорговых судах ¹.

В Новом Свете черные рабы использовались прежде всего в рудниках и на тяжелых полевых работах, поэтому женщин и детей, считавшихся менее ценным «товаром», среди рабов было меньше: обычно привозили одну африканку на два-три африканца. Неудивительно, что последние, оказавшись перед той же проблемой, что и испанцы, — нехваткой женщин «своей расы», вынуждены были искать выход в сексуальных отношениях с индейками. А поскольку индейки и родившиеся у них дети считались свободными, то в испанских и португальских колониях негры даже стремились жениться на индейках, чтобы их дети от таких браков — самбо — были свободными. Черные женщины также сожительствовали с индейцами.

Католическая церковь и местные власти в колониях всячески боролись как с конкубинатом испанцев, так и особенно жестоко с сожительством негров и индейцев. Но все усилия властей и церкви оказались тщетными. Х. Хуан и А. де Ульоа, морские офицеры, посетившие в XVIII в. вице-королевство Перу, в своих «Секретных записках об Америке» сообщали, что межрасовый конкубинат распространен там очень широко, и темнокожих конкубин, почти не скрывая этого, содержат даже монахи и священники ².

В связи с тем что соотношение полов среди ввозимых в Новый Свет рабов-африканцев в XVII—XVIII вв. в среднем почти не менялось, нехватка негритянок лишь увеличивала масштабы афро-индейских связей. Результатом этого происходившего различными путями, но чаще в форме внебрачных связей, интенсивного процесса расового смешения был такой быстрый рост гибридного, или «цветного», в основном свободного населения, что уже к XVIII в. во многих частях континентальной Испанской

¹ Myrdal G. An American Dilemma. N. Y., 1944. P. 123—124; Mörner M. Race Mixture in the History of Latin America. Boston, 1967. P. 36.

² Juan J., Ulloa A. de. Noticias secretas de América. Buenos Aires (далее — В. А.), 1953. P. 375.

Америки оно превысило число рабов³. Однако социальный статус представителей разных групп смешанного населения был неодинаков. Дети негров от индейцев по-прежнему рождались свободными и были главным источником пополнения группы самбо. Такова же была и судьба метисов — детей испанцев от индейцев, остававшихся с матерью. Дети же чуждой рабыни от индейца рождались рабами. Дети рабыни от хозяина испанца — мулаты — также рождались рабами, но с шансами на более мягкие условия рабства, а в отдельных случаях (если отец любил ребенка) — и на свободу.

В Испанской Америке, как и в других колониях Нового Света, сформировалось огромное по численности расово-смешанное население — большей или меньшей от региона к региону гетерогенности в его расовой композиции. А поскольку в Испанской Америке уже с XVI—XVII вв. расовая принадлежность была теснейшим образом связана с социальным статусом, то в колониальном обществе возник так называемый «режекаст», т. е. детально разработанная иерархия расовых категорий (каждая со своими отличиями и оттенками) — от «чистых» негроидов или индейцев через множество различного рода смешанных категорий вплоть до «американских испанцев» (креолов) и лиц «чисто» испанского происхождения⁴. В Новой Испании, в частности, эта иерархия насчитывала 46, а в вице-королевстве Перу — 14 таких категорий⁵. И церковь и церковники в конце концов вынуждены были признать сложившееся положение и соответствующим образом приспособиться к нему⁶.

В Бразилии процесс расового смешения в XVI — начале XIX в., несмотря на запрещение брака португальца с рабыней, охватил почти все слои рабовладельческого общества и происходил столь интенсивно, что появился даже термин «бразильская раса», означавший «смесь негра и белого с примесью индейца»⁷. Однако тут не было столь жесткой системы «каст», как в Испанской Америке.

Во Французской Вест-Индии, в отличие от испанских и португальских колоний, индейцев в XVII в. уже не было, но нехватка белых женщин также вела к широкому, преимущественно внебрачному, межрасовым связям. В Сан-Доминго, несмотря на суровый режим рабства, конкубинат французов с негритянками и мулатками, в основном рабынями, принял как и в испанских и португальских колониях, широкие масштабы. Менее чем за один век — с 1697 г., когда колония формально перешла от Испании к Франции, до 1791 г. — там сложилось достаточно многочисленное «промежуточное» по своему физическому типу и социальному статусу мулатское население. Хотя дети рабынь и здесь рождались рабами, мулаты считались ближе к европейцам, чем к африканцам, что, по-видимому, с самого начала давало большие шансы на обретение в будущем свободы. Поскольку мулаты были тут в основном отпрысками плантаторов-рабовладельцев либо чиновников колониальной администрации, последние нередко стремились обеспечить своим «незаконным» детям свободу и образование. Результатом было создание в Сан-Доминго также в принадлежавшей Франции до 1803 г. Луизиане «цветовой иерархии», включавшей ряд категорий в зависимости от доли негритянской крови⁸.

³ Aguirre Beltran G. La población negra de México, 1518—1810. México, 1946. P. 1; Foner P. S. History of Black America. Westport, 1975. P. 165, 170.

⁴ Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 34—37, 123; Hispanic American Historical Review (далее — HAHN). August 1944. V. 24. № 3. P. 375.

⁵ Rosenblat A. La población indígena y el mestizaje en América, 1492—1950. T. B. A., 1954. P. 173—179; Aguirre Beltran G. Op. cit. P. 175—178; Varallanos J. Chol el Peru. B. A., 1962. P. 66—70.

⁶ Aguirre Beltran G. Op. cit. P. 253; Mörner M. Op. cit. P. 39.

⁷ Zelinsky W. The Historical Geography of the Negro Population of Latin America. J. Negro History. April 1949. V. 34. № 2. P. 170—171; Foner P. S. Op. cit. P. 173, 179.

⁸ Neither Slave Nor Free. Baltimore, 1972. P. 7; Beard J. R. The Life of Thous L'Ouverture, the Negro Patriot of Hayti. L., 1853. P. 324; McCloy S. T. The Negro in French West Indies. Kentucky, 1966. P. 33; Hall G. M. Social Control in Slave Plant Societies. Baltimore, 1974. P. 142, 146.

В Британской Вест-Индии межрасовые браки были еще более редким явлением, чем в Сан-Доминго. Однако не только случайные, но и регулярные внебрачные связи были также широко распространены. В большинстве случаев отцами отпрысков черных и «цветных» конкубин (свободных и рабынь) были плантаторы и их сыновья либо чиновники колониальной администрации, поэтому и тут возникла значительная группа свободных мулатов. Так, на Ямайке в середине XVIII в. они составляли более $\frac{2}{5}$ всего свободного населения⁹.

В североамериканских колониях Англии законодательство строго запрещало не только межрасовые браки, но и внебрачные связи, однако как на плантациях, так и в городах последние были широко распространены. Поскольку нехватки белых женщин здесь не было, а рабы и рабыни никогда не составляли большинства населения, то относительные масштабы мисцегенации были не столь велики, как в Бразилии и многих других колониях, но социальный статус мулатов тут, а позже и в США был иным. Во-первых, большинство мулатов оставались рабами, и, по официальным данным, даже накануне Гражданской войны (1861—1865 гг.) лишь четверть их были свободными. Во-вторых, социальный статус свободных мулатов здесь в отличие от колоний Испании и Португалии в Новом Свете не отличался (за редким исключением) от социального статуса свободных негров. Объяснения этому феномену даются различные. Одно из них, в частности, состоит в том, что в Британской Северной Америке большинство мулатов было «продуктом» браков и внебрачных связей между белыми сервентами — кабальными слугами на срок — и черными рабынями (либо между неграми и белыми служанками). Именно этот изначальный низкий статус белого отца обусловил пониженное социально-расовое положение группы свободных мулатов там, а затем, с конца XVIII в., и в США. Между тем в Британской Вест-Индии, где белых женщин было мало, группа свободных мулатов состояла в значительной части из сыновей плантаторов и других привилегированных белых, что обусловило с самого начала более высокий социально-расовый статус ее по сравнению с группой свободных негров¹⁰.

Другое объяснение — наличие в Британской Северной Америке, а затем и на Юге США большой (превышавшей по численности класс рабов) группы «белых бедняков», конкуренция которых помешала группе свободных мулатов занять там такое же положение в социально-расовой структуре рабовладельческого общества, как в остальных колониях и странах Америки¹¹.

Таким образом, межрасовое смешение в форме институционализированного конкубината между женщинами подчиненных социальных и расовых групп и мужчинами господствующей социальной и расовой группы было повсюду принято последней как одна из ее прерогатив и форм эксплуатации. Отпрыски таких внебрачных союзов либо ассимилировались подчиненной группой (часто с некоторым привилегированным положением внутри нее), либо постепенно образовывали отдельную промежуточную группу как по расовому происхождению и облику, так и по своему социальному статусу, качественно отличному от статуса и рабов, и хозяев. Иногда потомкам представителей этой группы удавалось приобрести полные гражданские права, а в отдельных случаях даже вся группа достигала статуса, гораздо более близкого к статусу рабовладельцев, чем рабов (в XVIII в. — «свободный цветной народ» в Сан-Доминго, а в конце XVIII—XIX в. — свободные мулаты в голландском Суринаме).

Если в ряде колоний нехватка белых женщин и способствовала внебрачным связям белых мужчин с небелыми женщинами, то к полному социальному приятию последних белыми мужчинами в британских, французских, голландских, датских колониях это не привело. Социальная приемлемость брачного партнера даже из светлых «цветных» явно

⁹ Hoetink H. *Slavery and Race Relations in the Americas*. N. Y., 1973. P. 12.

¹⁰ Horowitz D. L. *Color Differentiation in American Systems of Slavery*//J. *Interdisciplinary History*. 1973. V. 3. № 3 (Winter). P. 526—529.

¹¹ Hoetink H. *Op. cit.* P. 14—15, 36—37.

различалась в колониях иберийских и неиберийских стран. На вы- того, кто должен был родить социально признанных детей, влияли бо- глубокие, сокровенные соображения, в том числе и такой социаль- определяемый эстетический фактор, как различное восприятие того, является белым, разное представление о соматической «норме». Мно- лица, определяемые как мулаты в британских или голландских колониях в испанских или португальских рассматривались бы как социально р- ные и приемлемые в качестве брачного партнера, соответствующи- представлению о соматической норме «белого человека». К тому же п- вначале белый испанский или португальский образ неизбежно д- жен был со временем потускнеть благодаря длительному процессу погл- щения «белой» группой в иберийских колониях светлых «цветных».

«Логическим следствием латиноамериканской концепции,— писал этой связи пуэрториканский исследователь Э. Седа Бонилья,— являет- то обстоятельство, что, хотя социальная дистанция между такими про- противоположными группами, как белые и черные, является огромной, со- альная дистанция между смежными промежуточными категориями: столь заметна... Она гораздо меньше, чем между двумя полюсами в эт- цепочке... Как результат „терпимости“ в отношениях между смежны- категориями существует заметная тенденция к расовому смешению ме- ду лицами смежных категорий таким образом, чтобы отпрыски бы более приемлемы в обществе. И эта обусловленная существованием р- совых предрассудков гипогамия направлена на „побеление“»¹³.

Расовая эндогамия белого населения в колониях иберийских стр- была, таким образом, гораздо менее жесткой, и поэтому там со време- возник своего рода «альянс» между белыми и светлыми «цветными» сделавший невозможной открытую дискриминацию группы «цветных» в целом. Что же касается колоний неиберийских стран и США, то рас- вая эндогамия белого населения здесь была весьма жесткой, и в меж- совые браки белые вступали очень редко¹⁴.

Рабовладельцы в Латинской Америке терпели освобождение раб- в индивидуальном порядке — манумиссию, поскольку испанское и бр- зильское законодательство в XVI—XVII вв. разрешало ее, а церковь даже поощряла. Сложился обычай освобождать завещанием. В Бразили- ребенок рабыни мог быть освобожден при крещении, если кто-либо през- лагал установленную за младенца цену. В отличие от испанской и пор- тугальской традиций раннего колониального периода английская с само- го начала препятствовала манумиссии. Тем не менее рабовладельцы Британской Вест-Индии и английских колониях Северной Америки ин- гда освобождали своих наложниц, а отдельным рабам удавалось вык- питься на свободу либо получить ее за участие в войне на стороне Англии. Многие острова в Карибском море по несколько раз переходили от одних держав к другим, и там, где колонизаторы были поглощены борьбой между собой, группам рабов (а на Ямайке в XVII в. даже почти всем им) удавалось добиться свободы¹⁵. Масштабы манумиссии в ра- ных колониях и в разное время менялись. На Юге США, где они и ран- были невелики, законодательные собрания 7 штатов в 30—50-х годах XIX в. приняли законы об изгнании всех фридменов — свободных негр- и мулатов, а 13 штатов — о запрещении въезда их¹⁶.

¹² Hoetink H. Op. cit. P. 103.

¹³ Seda Bonilla E. Dos Modelos de Relaciones Raciales: Estados Unidos y América Latina//Revista de ciências sociais. Diciembre 1968. V. 12. № 4. P. 577. Гипогамия браков, в котором жена имеет более высокий социальный статус (в данном случае бо- светлый цвет кожи), чем ее муж.

¹⁴ Neither Slave Nor Free. P. 154—155; Hoetink H. Op. cit. P. 31—32; Нуробург Э. Негры США. М., 1979. С. 18, 111.

¹⁵ Rout L. B. African Experience in Spanish America. N. Y., 1976. P. 167—172. 1; Berlin I. Slaves Without Masters. N. Y., 1976. P. 138—143, 203, 222; Klein H. S. Slaves in Americas: A Comparative Study of Cuba and Virginia. Chicago, 1967. P. 200—21; Patterson O. Slavery and Social Death. Cambridge, 1982. P. 246, 255, 290—291; HAF 1974. V. 54. P. 610—611; 1979. V. 59. P. 261, 278—279; Neither Slave Nor Free. P. 8—

¹⁶ Нуробург Э. Л. Указ. раб. С. 141, 150; Berlin I. Op. cit. P. 149; Patterson O. cit. P. 259; Lowenthal D. West Indian Societies. L., 1972. P. 45.

Хотя «свободные цветные» появились в Новом Свете почти с самого начала атлантической работорговли, пути становления, темпы роста, относительные размеры этой социально-расовой группы в каждом рабовладельческом обществе и в разное время значительно варьировали. На двух полюсах в этом отношении были, в частности, Пуэрто-Рико, Бразилия, Кюрасао — с высокой долей «свободных цветных» и британские Барбадос, Ямайка, Северная Америка, а позже Юг США — с низкой долей их ¹⁷.

В отличие от рабов и белого населения «свободные цветные» были единственной группой, способной увеличиваться прежде всего путем естественного прироста: в Вест-Индии они в конце XVIII — начале XIX в. составляли уже от 5 до 25% населения. К 1820 г. на Ямайке было свободно около 12% негров и мулатов, в Бразилии — 23, на Пуэрто-Рико в 1812 г. — 80, в Новой Гранаде в 1798 г. — 84% ¹⁸. Однако контраст между характером роста численности «свободных цветных», с одной стороны, и белой группы, а также рабов — с другой, конечно, был менее заметен в районах с умеренным климатом, и прежде всего в Северной Америке, где численность белых переселенцев из Европы росла гораздо быстрее.

Следует отметить также, что если в ранний колониальный период подавляющее большинство освобожденных от рабства составляли мулаты, то с появлением новых путей освобождения (выкуп себя, награда за героизм в военных действиях и т. д.) в группу «свободных цветных» постепенно вошло и немало негров. Тем не менее тенденция предпочтения светлого оттенка кожи, или «соматически нормативного образа», продолжала сохраняться. Например, в таких районах концентрации негритянского населения Бразилии, как Мараньян и Минас-Жераис, в 20—30-х годах XIX в. свободны были 3/4 всех мулатов и лишь от 1/8 до 1/6 негров. По данным первой федеральной переписи 1872 г., уже 3/4 всех негроидов в Бразилии были свободны, однако мулатов среди них было намного больше, чем негров ¹⁹.

Некоторые авторы утверждали, что в испанской и португальской Америке (в отличие от британских колоний) свободный негр почти не испытывал дискриминации и не встречал особых препятствий для достижения более высокого экономического статуса. Однако в действительности и здесь свободные негры подвергались дискриминации во многих сферах жизни. Их обязывали жить с известным властям хозяином без права покинуть его либо перейти к другому хозяину. Нередко им запрещалось заниматься определенной работой, чтобы не лишить ее белых. Для свободных негров существовали многочисленные ограничения в отношении одежды и украшений, брака, похорон, образования, поведения вне дома и т. д. ²⁰

Тем не менее с течением времени и в Испанской Америке, и в Бразилии свободные негры, большинство которых жило в городах, сумели преодолеть некоторые экономические и социальные барьеры; они зарабатывали на жизнь ремеслом, торговлей, искусством, служили в армии, милиции (ополчении), на флоте. В Испанской Америке сначала именно в милиции негров стали называть морено (*morenos*), а мулатов — пардо (*pardos*) ²¹.

В Британской Вест-Индии, несмотря на противодействие манумиссии, численность свободных негров также росла. Но укоренившееся убеждение в неполноценности африканцев способствовало отношению к свободным неграм как к деградирующей группе людей, стоящих лишь немного

¹⁷ Neither Slave Nor Free. P. 4, 10, 14; Patterson O. Op. cit. P. 273, 275.

¹⁸ Lowenthal D. Op. cit. P. 46; Foner P. S. Op. cit. P. 171; Comparative Perspectives on Slavery in New World Plantation Societies. N. Y., 1977. P. 6.

¹⁹ Foner P. S. Op. cit. P. 179.

²⁰ Race and Slavery in the Western Hemisphere: Quantative Studies. Princeton, 1975. P. 354; Knight F. W. The African Dimension in Latin American Societies. N. Y., 1974. P. 43; Foner P. S. Op. cit. P. 167, 169.

²¹ McAlister L. H. El Fuero Militar in New Spain, 1764—1800//Gainsville. 1957. Ch. IV.

выше рабов. Они были лишены политических и многих других гражданских прав²².

В южных штатах США свободные негры формально не подчинялись бывшему хозяину, но в глазах большинства белого населения их не в обществе от этого не изменилось. Они в основном были заняты в личном хозяйстве, находились в отчаянном экономическом положении фактической зависимости. Неслучайно американский исследователь А. Берлин называет их «рабами без хозяев»²³.

Статус и фактическое положение свободных мулатов в рабовладельческих обществах Нового Света также имели свои особенности и менялись во времени. Они зависели от многих факторов: динамики расовой специфики происхождения и доли этой группы жителей во всем населении, численного соотношения с рабами и белыми, характера хозяйственной данной колонии и т. д.

В Испанской Америке свободные мулаты хотя и не отождествлялись со свободными «чистыми» неграми, но также страдали от многочисленных унижений и ограничений. Однако при всем этом допускалась определенная социальная мобильность, а некоторые из светлокожих мулатов, получивших благодаря материальной поддержке белых отцов образование и добившихся экономической независимости, сумели даже купить себе доступ в белую группу населения со всеми юридически и практически связанными с этим привилегиями²⁴.

Быстрый рост свободного расово-смешанного населения в условиях численного преобладания рабов над белыми довольно рано побудил колонизаторов использовать свободных мулатов как своего рода буферную группу. Ей вменялось в обязанность выполнение не только определенных экономических и трудовых функций, которые не могли поручить рабам, но и ряда военных задач. Именно свободные мулаты составляли наиболее надежную часть «цветной» милиции, игравшей из-за малочисленности испанских войск важную роль в борьбе с симарронами, поддержании порядка в городах, а также в обороне колоний от пиратов и враждебных держав. Военная зависимость белого населения от свободных мулатов естественно, заставляла испанцев идти на определенные уступки им.

Однако на Кубе положение свободных мулатов отличалось от положения их в Санто-Доминго (испанская часть о-ва Гаити) или в Пуэрто-Рико, где «свободных цветных» в 1775 г. было в 4,6 раза, а в 1820 г. почти в 5 раз больше, чем рабов, в том числе мулатов среди «свободных цветных» — соответственно в 11 и в 4 раза больше, чем негров. В связи с этим в Пуэрто-Рико переход светлых мулатов в «белые» осуществлялось было значительно легче, чем на Кубе²⁵. Тем не менее численность свободного мулатского населения на Кубе увеличивалась, и, как показывает кубинский исследователь В. Мартинес Альер, тенденция к «побелению» его в XIX в. продолжала развиваться, поскольку сохранялся старый негативный соматический образ, и поэтому светлый цвет кожи, облегчающий социальную мобильность, определял выбор брачного партнера²⁶.

В Бразилии, как и в испанских колониях, свободным мулатам, несомненно, было легче подниматься по социальной лестнице, чем неграм: они были здесь мелкими фермерами, владельцами лавок и мастерских, торговцами, квалифицированными ремесленниками, солдатами, актеми, учителями и т. д. А поскольку в результате длительного процесса расового смешения границы между черными и белыми делались все менее отчетливыми, какой-то части светлокожих мулатов удалось преодолеть «цветной» барьер и занять место на нижних ступенях «белого общества».

²² Knight F. W. Op. cit. P. 41—42; Lowenthal D. Op. cit. P. 46; Foner P. S. Op. cit. P. 142—143.

²³ Berlin I. Op. cit. P. XIII, 224.

²⁴ Knight F. W. Op. cit. P. 43; Hoetink H. Op. cit. P. 23; Foner P. S. Op. cit. P.

²⁵ Neither Slave Nor Free. P. 335; Knight F. W. Slave Society in Cuba during Nineteenth Century. Madison, 1970. P. 179—191.

²⁶ Martinez Alier V. Color, clase y matrimonio en Cuba en el siglo XIX//Revista Biblioteca Nacional José Martí. Año 59. № 2. La Habana, 1968. P. 68—69, 74—95.

ства». В XIX в., уже в независимой Бразилии, некоторые из них вошли в креольскую аристократию, прославили бразильскую литературу, добились высокого положения при дворе, заняли официальные посты в стране и за границей²⁷.

На Французских Антилах в XVIII в. были приняты меры против освобождения рабов с целью уменьшить численность свободных негров и мулатов. Однако поскольку власти не препятствовали приобретению «свободными цветными» собственности (а многие из них были детьми богатых плантаторов, пользовались их поддержкой, получили хорошее образование), то в Сан-Доминго к 80-м годам XVIII в. свободные мулаты (*affranchis*) владели и управляли сотнями плантаций и десятками тысяч рабов, причем обращались они с ними обычно не менее жестоко, чем плантаторы-французы. По некоторым данным, «свободное цветное» население, насчитывавшее в 1789 г. около 25 тыс. человек, владело в Сан-Доминго третью земли и 20—25% всех рабов²⁸.

Полное отсутствие политических прав при почти равной с белым населением численности и близком к нему экономическом положении вызывало у свободных мулатов стремление к самоутверждению и побуждало к борьбе за равные с белыми гражданские права, за участие в управлении колонией. В конечном счете все эти противоречия привели к тому, что под влиянием идей буржуазной революции, развернувшейся во Франции, «свободные цветные» Сан-Доминго восстали против правления белых, положив начало гаитийской революции, завершившейся как революция рабов.

В Британской Вест-Индии свободным мулатам и их потомкам гражданских прав не давали почти до самой отмены рабства. Правда, на разных островах положение их было неодинаково, однако в XVIII в. оно заметно отличалось от положения свободных мулатов в испанской и португальской Америке. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что хотя Лондон, получив (1797—1802 гг.) от Испании Тринидад, и согласился подтвердить существовавшие там при испанцах права «свободных цветных», британские власти стали немедленно эти права всячески ограничивать²⁹.

Тем не менее и в Британской Вест-Индии свободные мулаты сумели занять промежуточные социально-расовые позиции. Однако здесь не сложилось, как в Сан-Доминго, группы богатых, влиятельных и политически активных мулатов-плантаторов³⁰.

В особом положении оказались свободные мулаты в США, где в отличие от остальных рабовладельческих обществ Нового Света так и не сформировалась промежуточная по своему положению между классами рабов и плантаторов социально-расовая группа «свободных цветных». Правда, в Луизиане в XVIII в., когда она принадлежала Франции, такая группа возникла, а в конце XVIII — начале XIX в. она стала складываться и в южных штатах США, но к 1860 г. повсюду, кроме Луизианы и отдельных анклавов Старого, или Верхнего, Юга (Виргиния, Северная Каролина, Мэриленд), исчезла. Выше уже отмечалось, что одной из основных причин этого была демографическая и социально-экономическая ситуация, существовавшая на Юге США во второй четверти XIX в. Рабы там никогда не составляли более трети населения. Поэтому господствовавшая белая верхушка не нуждалась в промежуточной буферной группе, как это было в вест-индских колониях. Кроме того, быстрое расширение с конца XVIII в. на Юге плантационной системы повлекло за собой вытеснение мелких фермеров с их земель и постоянный рост числа белых бедняков, в социальном восприятии которых главной при-

²⁷ Knight F. W. *The African Dimension...* P. 43; Neither Slave Nor Free. P. 17; Klein H. S. *The Colored Freedman in Brazil Slave Society*//J. Social History. V. 3. Fall, 1969, P. 30—32, 41.

²⁸ Mintz S. W. *Caribbean Transformations*. Chicago, 1974. P. 49, 312; Leyburn J. G. *The Haitian People*. New Haven, 1966. P. 18.

²⁹ Horowitz D. L. *Op. cit.* P. 518—519.

³⁰ Ibid. P. 513, 522; Mintz S. W. *Op. cit.* P. 312.

чиной их бедствий стал черный раб. В отличие от колоний Карибского региона именно белые бедняки, а не «свободные цветные» монополизировали в XIX в. промежуточные социальные позиции на сельском Юге США. В городах же Юга, где сконцентрировалось большинство свободных мулатов и негров, они столкнулись с наплывом туда в 30—50-х гг. XIX в. не только местных белых бедняков, но также ирландцев, немцев и других иммигрантов из Европы. И те и другие видели в мулатах и неграх экономических конкурентов и в ожесточенной борьбе за рынок труда использовали белый расизм³¹. В результате положение свободных мулатов там постепенно ухудшалось. Они, как и свободные негры, вынуждены были довольствоваться низкооплачиваемым неквалифицированным трудом, который ассоциировался с трудом темнокожих — «негритянской ботой».

Следует иметь также в виду, что в Британской Северной Америке сегрегация уже в XVII в. сурово каралась законом. И хотя на Юге США как и в других рабовладельческих обществах Нового Света, сексуальная эксплуатация рабынь, освобождение конкубин и их детей от рабства были обычным явлением, в брачных отношениях здесь соблюдалась абсолютная расовая эндогамия. И поскольку разграничение тут шло по линии «белый» — «небелый», то мулатов обычно идентифицировали с неграми³².

Ввоз африканцев в те или иные районы Нового Света определялся прежде всего экономическими факторами — размещением плантационного хозяйства, рудников и т. д. И к XX в. негроидное население оказалось сконцентрировано главным образом в Вест-Индии, на карибском атлантическом и тихоокеанском побережьях Латинской Америки и Юге США. В середине XX в. на долю Вест-Индии приходилось 95% негров и мулатов Мезо- (или Средней) Америки, а на долю Бразилии 76% негров и мулатов Южной Америки. Из 33 млн. негров и мулатов насчитывавшихся в 1950 г. в Латинской Америке, 27 млн. проживали в этих двух регионах³³.

Необходимо, однако, сразу же подчеркнуть, что физический критерий, определяющий понятие «негр», и основанное на нем социальное определение этого понятия в разных странах Западного полушария различны. Поэтому статистикой используется обычно социальное определение негра как человека, рассматриваемого в данной стране в качестве принадлежащего к явно отличимой негроидной группе. Именно из этой социальной категории исходят переписчики при проведении переписи населения. Кроме того, неадекватны и сами данные переписей, ибо в них фигурируют термины «негры», «цветные», «черные». Еще менее надежны данные о расово-смешанном и белом населении. Во всяком случае, когда речь идет о Латинской Америке, то доля последнего нередко бывает преувеличена, число мулатов также неуклонно растет, а негров — сокращается. Вот почему ценность этих переписей относительна. Они дают лишь примерное представление о количественных параметрах и соотношениях белого, негритянского, индейского и смешанного населения. Что же касается США, то процесс миссегрегации после ликвидации рабства протекал здесь намного слабее, чем в остальных странах Америки, поэтому же потомки негров от смешанных браков постоянно переходили в группу мулатов, а светлые мулаты — в группу «белых».

Дело в том, что расизм оказался одним из самых живучих последствий работорговли и рабства негров в Западном полушарии. В первые десятилетия колонизации захваченных испанцами и португальцами районов Нового Света в сознании завоевателей и колонистов из

³¹ Patterson O. Op. cit. P. 258—260; Hoetink H. Op. cit. P. 11, 14—19, 33—36; *Her Slave Nor Free*. P. 16, 260; Sullivan P. Catholic Irish in the Deep South//*Ecum* 1981. V. 13. P. 42—49; *Нитобург Э. Л.* Указ. раб. С. 138—152.

³² Hoetink H. Op. cit. P. 17; Knight F. W. *The African Dimension...* P. 45—46; *Patterson O.* Op. cit. P. 260—261.

³³ Reports and Speeches of the Ninth Yale Conference on Teaching of Social Studies April 3—4. 1964. New Haven, 1964. P. 3.

«афикации между расой и принудительным трудом еще не было. И только по мере расширявшегося ввоза из Африки рабов-негров для работы в рудниках и на плантациях статус порабощенного работника стал все более ассоциироваться с негроидами. Поскольку темнокожие прибывали в страны Америки в качестве рабов, взаимосвязь между цветом кожи и положением раба все жестче закреплялась в сознании белых жителей колоний. На протяжении нескольких веков рабство юридически ставило сам свои жертвы на самую низкую социальную ступень, и с течением времени цвет кожи стал символизировать самый низкий социальный статус, исторически обусловив социальное восприятие людей с темной кожей как рабов или их потомков.

Совпадение в течение длительного времени классовых различий между рабовладельцами и рабами с расовыми различиями обусловило появление в рабовладельческих обществах Нового Света уже в первые века развития расовых предрассудков, расистских представлений и стереотипов. В XVII — начале XVIII в. церковники в британских колониях, как известно, оправдывали рабство «проклятием Хама и его потомков». Однако первые известные нам попытки «научно» обосновать расистский тезис о «превосходстве белого человека» относятся лишь к последней четверти XVIII в. В первой половине XIX в. политические лидеры рабовладельцев США, оправдывая рабство негров, уже опирались на труды таких североамериканских философов и социологов, как Т. П. Дьюи, Г. Юз, Д. Фитцхью. Идеологи рабства использовали и утверждения некоторых ученых (С. Мортон, Д. Хант, Г. Клемма) о том, что человеческие расы неравноценны и черная раса на зоологической лестнице стоит гораздо ниже белой. В 50-х годах XIX в. они взяли на вооружение труды европейских расистов Ж. А. Гобино и А. Вутке, также развивавших теорию биологической неполноценности черной расы³⁴.

Запрещение в США межрасовых браков, так называемые рабские кодексы и связанное с ними законодательство провели четкую социальную грань между черным и белым населением. Расизм стал там идеологией правящей верхушки, старавшейся внушить белым американцам мысль об извечной «расовой неполноценности» черных. Рабство и расизм, оказавшие глубокое влияние на самих американских негров, наложили свой отпечаток и на психологию всей молодой североамериканской нации. Хотя отмена рабства в результате Гражданской войны 1861—1865 гг. принесла неграм свободу, однако в период с 1890 по 1910 г. в южных штатах, где проживало тогда 9/10 негритянского населения США, были приняты новые конституции и законы, лишившие его основных гражданских прав, узаконившие расовую сегрегацию и дискриминацию. Почти 2/3 штатов вновь запретили межрасовые браки.

Расистская концепция «превосходства белого человека» была положена в основу политики правительства, а определения расовой принадлежности имели здесь не биологическое, а социальное, классово-политическое основание. Ведь ввезенные в США африканцы, принадлежавшие к разным племенам и народам, в Америке смешивались не только между собой, но в процессе более чем трехвековой миссегенации — с белым и индейским населением. Поэтому те, кто называют себя сейчас афроамериканцами США, не были и не стали представителями генетически однородной, или гомогенной, общности либо группы. Они в основном — люди расово-смешанного происхождения. Следовательно, это — общность, связанная скорее социальными и культурными чертами. Она не является расой в антропологическом смысле, но восприятие расовых различий (наряду с искусственно в основном созданными стереотипами и предрассудками) большинством населения создает в США такое представление об афроамериканцах. Принадлежность к социально-расовой категории в этой стране решительно доминирует над уровнем социального положения человека, и, скажем, преуспевающий врач или адвокат афроамериканец рассматривается сначала как черный, а профессиональ-

³⁴ Нитобург Э. Л. Указ. раб. С. 114—118; Расы и общество. М., 1982. С. 221.

ные и «деловые» успехи определяют его положение на социально-экономической шкале только в рамках афроамериканской общности.

С 1950 г. Бюро переписей США относит к неграм «всех лиц, принадлежащих к смешанным бракам между белыми и неграми». Категория «мулаты» из статистики исчезла, и «неграми», или «черными», стали считаться многие люди, принадлежавшие скорее к белой, чем к черной расе³⁵. Принятые в 1960-х годах законы о гражданских правах мало изменили в экономическом положении большинства афроамериканцев, ибо они продолжают подвергаться фактической расовой дискриминации и сегрегации.

Расовые предрассудки и стереотипы расистского характера в эпоху рабства существовали, конечно, не только в британских колониях, но и во владениях других держав в Новом Свете. Рабы, освобожденные в индивидуальном порядке (а в XIX в. и в результате отмены рабства), включались в уже сложившуюся социально-расовую структуру колониального общества: бывшие рабы-негры оказывались обычно на нижней ступени, а бывшие рабы-мулаты — на промежуточной ступени данной структуры. При этом господствующие белые группы, заинтересованные в существовании такой социально-расовой структуры, использовали для сохранения ее расистские принципы социального отбора, что нашло, в частности, выражение в предпочтении, отдаваемом ими мулатам перед неграми в разных сферах жизни, в том числе в столь существенной, как межрасовые брачные отношения.

Разумеется, отношение белого населения к межрасовым бракам и к брачным связям в разных колониях варьировало. Как уже отмечалось, это было обусловлено рядом факторов, среди которых важную роль играло различие в социальном определении понятия «белый человек». В частности, в британских колониях критерий в данном случае не «генеалогический» характер — был основан на том, что известно о происхождении человека, и безусловном исключении любого лица с какой-либо примесью африканского происхождения из числа белых. В испанских же колониях и португальской Бразилии критерием служил прежде всего фенотип — физический облик человека. И поскольку испанцы и португальцы в отличие от белых в британских колониях с самого начала отнюдь не избегали брачных союзов с мулатками, в испанских колониях и Бразилии очень рано сложилась весьма дифференцированная социально-расовая стратификация общества с «промежуточной» группой, включавшей ряд подчас почти неуловимо переходящих один в другой «цветовых» оттенков (и соответственно социально-«цветовых» градаций) — от почти чернокожих до самых светлокожих мулатов с европеоидными характеристиками чертами. Бразильский социолог Ж. Гарсия-Самор отмечает, что в Бразилии «часто очень трудно, основываясь на физических характеристиках, отличить негра от мулата или мулата от белого»³⁶. И это его замечание можно с некоторыми оговорками отнести почти ко всей Латинской Америке. Такая структура в специальной научной литературе определяется как социально-расовая «непрерывность», тогда как социально-расовая структура, сложившаяся в Британской Вест-Индии, а также во французских и голландских колониях, отличалась отсутствием этой «непрерывности».

В результате, хотя в обеих названных группах колоний (исключая британские владения в Северной Америке) сложилось как будто одинаковое в основном деление на белых, мулатов и черных, социальное определение того, кто приемлем как белый, в этих группах колоний было различным. В частности, существующая в первой группе иерархия неуловимо переходящих одна в другую градаций между белыми и черными привела к тому, что люди, которых в британских, голландских и французских колониях сочли бы светлыми мулатами, в Испанской Америке и Бразилии обычно считались белыми. Естественно, это способствовало

³⁵ Груботин Л. Э. Белые негры // Новая и новейшая история. 1985. № 1. С. 202—212.

³⁶ Garcia-Zamor J. C. Social Mobility of Negroes in Brazil // J. Inter-American Studies and World Affairs. April 1970. V. 12. P. 246.

частоте браков белых со светлыми мулатами и вообще браков между лицами смежных или близких социально-расовых категорий, а тем самым — дальнейшему развитию процессов мисцегенации.

О расистском характере стереотипов и установок новых правящих слоев в странах Латинской Америки после отмены рабства, в XIX — начале XX в., свидетельствуют высказывания их политических деятелей и видных представителей интеллигенции, в которых выражена тревога по поводу «смешанного расового состава» населения. Полагая, что именно это обстоятельство — причина отсталости их стран, и следуя доктринам европейских и североамериканских апологетов концепции «превосходства белого человека», правительства Бразилии, Аргентины, Уругвая, Венесуэлы и ряда других республик в XIX—XX вв. и по этой причине всячески поощряли иммиграцию «чисто белых» переселенцев из Европы.

Однако после второй мировой войны, в обстановке распада колониальной системы и создания «цветными» народами десятков независимых государств в Азии и Африке, ситуация постепенно меняется. Многие местные ученые и политики стали гораздо благоприятнее оценивать историю расовых отношений в странах Латинской Америки, сравнивая ее с историей расовой нетерпимости и дискриминацией людей с темной кожей в США и других районах капиталистического мира.

Но хотя немало мулатов и черных в некоторых из этих стран продвинулись достаточно высоко, сложившиеся ранее социально-расовая стратификация и расовые предрассудки, правда в несколько модифицированной форме и в разной степени, все еще сохраняются. Это обусловлено классовым характером и самой социальной структурой капиталистического многорасового общества, постоянно воспроизводящей традиционные расовые предрассудки и групповые стереотипы. Все еще существующая, особенно у «средних слоев», в большинстве латиноамериканских стран тенденция к «побелению» (*Blanqueamiento*) свидетельствует, что такое соматическое предпочтение едва ли было бы возможным в обстановке, абсолютно лишенной каких бы то ни было расовых предрассудков.

Как показал в свое время опыт Гаити, а ныне — молодых государств англоязычной Вест-Индии, даже свержение или исчезновение белой господствующей расовой группы необязательно автоматически ведет к ликвидации ее норм соматического предпочтения, которые могут поддерживаться оказавшейся у власти небелой группой. Такое, на первый взгляд, парадоксальное явление — результат международной многорасовой стратификации, созданной и все еще сохраняющейся в рамках капиталистической общественной системы.

Треть всего негроидного населения стран Америки в середине XX в. приходилась на долю Бразилии, и около 3/4 его там составляли мулаты и самбо. Как показали работы бразильских и иностранных исследователей, расовые предрассудки и стереотипы, фактическая закамуфлированная расовая дискриминация, а также система ценностей, ориентированная на превосходство всего «белого» в стране, сохранились. И хотя конституция 1946 г. повторно запретила всякую расовую дискриминацию, федеральный конгресс в 1951 г. вынужден был признать, что она существует, и принять еще один, очередной запрещающий ее закон о гражданских правах³⁷.

Отдельных афробразильцев в Бразилии можно встретить на высоких постах в правительстве и местной администрации, в армии, но большинство черного населения все еще занято малоквалифицированным трудом и живет в бедности.

Рассказывая в 1986 г. о своих встречах с «величайшим футболистом всех времен» — бразильцем Пеле, знаменитый западногерманский спортсмен Франц Беккенбауэр приводит слова, сказанные ему Сизиньо — бра-

³⁷ Knight F. W. The African Dimension... P. 47, 84—92; Hoetink H. Op. cit. P. 25; Race and Class in Latin America. N. Y., 1970. P. 136, 140—142, 292, 295, 299; Garcia-Zamor J. C. Op. cit. P. 242—254; Racial Tensions and National Identity. Nashville, 1972. P. 29.

том Пеле: «...В нашей стране живут белые и черные, мулаты и индейцы, португальцы, немцы и японцы. Любой политический деятель будет отрицать, что у нас есть расизм. Но он существует в скрытом виде, в мелких бытовых проявлениях, и многие страдают от дискриминации. Гости были белыми и остаются белыми, а черный останется черным. У Пеле темная кожа, и только слава и деньги делают ее чуть-чуть светлее». Один из соотечественников Пеле оценку расовых отношений в своей стране выразил короткой фразой: «В Бразилии не существует никаких расовых предрассудков, — негры знают свое место». Североамериканский социолог Ф. Найт убежден в том, что «ликвидация дискриминации побуждает радикальную перестройку структуры бразильского общества»³⁸.

Неизжитая до сих пор и неподвластная законодательству скрытая расовая дискриминация еще более способствовала традиционному стремлению зажиточных и образованных мулатов перейти в число «белых» богатых негров — в группу мулатов. Проведенное в 1940 г. обследование 500 лиц, называвших себя «белыми», показало, что треть из них мулаты и метисы европейско-африкано-индейского происхождения. В 1872 г. негры составляли 20, мулаты — 38% населения Бразилии, а в 1970-х годах, — соответственно 11 и 29%⁴⁰.

Пятая часть всех негров и мулатов Западного полушария проживает в 1950 г. на Больших и Малых Антильских островах. Население этих островов, несколько веков являвшихся колониями разных европейских держав, находилось под влиянием культуры своих метрополий. В результате тут сложилось четыре этнокультурных субрегиона: испаноязычный (Куба, Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико), англоязычный (Ямайка, Тринидад, Барбадос, Багамы, Гренада, Сент-Винсент, Сент-Люсия и др.), франкоязычный (Гаити, Мартиника, Гваделупа и др.) и голландскоязычный (Кюрасао, Аруба, Бонайре и др.), причем в трех последних субрегионах черные составляют большинство, а вместе с мулатами — не менее 9/10 всего населения, тогда как число белых крайне незначительно. В XIX—XX вв. в Вест-Индию ввели сотни тысяч индейцев, и в наше время половина жителей Тринидада — их потомки. На Кубе и в Пуэрто-Рико сейчас преобладает белое, а в Доминиканской Республике — мулатское (преимущественно светложее) население. В целом же различное африканское происхождение имеют 3/4 жителей Вест-Индии⁴¹.

Ныне большинство народов Вест-Индии уже освободилось от колониального гнета и создало независимые государства. Однако между этнокультурными субрегионами и отдельными странами Карибского архипелага существуют значительные, обусловленные историческими причинами факторами различия в расовых отношениях. Благодаря тому, что в испанских колониях Вест-Индии белые не отделяли себя так жестко от светлых мулатов, здесь гораздо дальше, чем в остальной Вест-Индии, зашли процессы биологической гомогенизации. В результате идеология расового смешения получила толчок от самой действительности. Поэтому и восприятие перспективы окончательной расовой интеграции, во всяком случае в XX в., было совершенно иным, чем у белого населения британских, голландских и французских колоний. В Доминиканской Республике и Пуэрто-Рико разделение между белыми и мулатами было гораздо менее жестким, чем в остальной Вест-Индии. В связи с образованием здесь цветовой «непрерывности» определение того, кто является белым во всяком случае в отношении светлых мулатов, было более эластичным. Так, бежавших из Республики Гаити мулатов в соседней Доминиканской Республике принимали как белых. В 1950-х — начале 1960-х годов более 10% всех браков в ней заключались между белыми и мулатами⁴².

³⁸ Stern. 17. April 1986. № 17. S. 44.

³⁹ Garcia-Zamor J. C. Op. cit. P. 248, 251; Foner P. S. Op. cit. P. 183; Knight F. The African Dimensions... P. 92.

⁴⁰ Knight F. W. The African Dimension... P. 47, 85, 87, 92; Foner P. S. Op. cit. P. 171, 182.

⁴¹ Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982. С. 10—11.

⁴² Hoetink H. Op. cit. P. 102, 105; Seda Bonilla E. Op. cit. P. 569, 597.

Неслучайно поэтому основное различие в расовых отношениях между испаноязычными и остальными странами Вест-Индии голландский социолог Г. Хутинк видит «в большей степени смешения между белыми и другими социально-расовыми слоями, а также в связанном с этим обстоятельством самом определении „белизны“»⁴³. В другой своей работе он справедливо, на наш взгляд, замечает, что «одно и то же лицо может считаться белым в Доминиканской Республике или Пуэрто-Рико..., „цветным“ (т. е. мулатом.— Э. Н.) на Ямайке, Мартинике или Кюрасао ... (и) может называться „негром“ в Джорджии»⁴⁴.

По-видимому, это отличие испаноязычного субрегиона было важной, хотя и не единственной, разумеется, причиной более быстрой этнической и национальной консолидации его населения, а также отсутствия там в последние полвека причин, способствовавших «расовой окраске» движений социального протеста, как это имело место в англоязычной (движение «Назад — в Африку!», растафаритов, «Власть — черным!») и Французской Вест-Индии (негритюд).

Наконец, с той же особенностью расовых отношений в испаноязычной Вест-Индии, а отнюдь не только с европейской иммиграцией связано этносительно быстрое «побеление» населения. Во всяком случае, на Кубе и в Доминиканской Республике масштабы иммиграции из Европы после середины XIX в. были численно в значительной мере «нейтрализованы» притоком в XX в. негроидов из Гаити и Британской Вест-Индии. Поэтому зафиксированное в переписях испаноязычной Вест-Индии неуклонное «побеление» населения некоторые авторы объясняют продолжительным переходом светлых мулатов там в качестве брачных партнеров в социально-расовую группу «белых», а также продолжающимся численным ростом мулатского населения вследствие процесса физического смешения (необязательно на основе социального равенства и брака) между самыми темнокожими и более светлокожими группами. И в этой связи Г. Хутинк приводит слова американского социолога В. Кэнмена, полагающего, что «главное практическое различие между англоамериканской и латиноамериканской позицией по расовому вопросу заключается скорее в отношении к мулатам, чем к неграм» (курсив наш.— Э. Н.)⁴⁵.

В Доминиканской Республике крупного плантационного хозяйства в колониальный период не было, а рано начавшийся процесс мисцегенации зашел весьма далеко еще в XIX в. Поэтому уже тогда и особенно в XX в. доля негров (не говоря уже о мулатах) в правительстве и армейской верхушке, среди общественных деятелей и лиц свободных профессий была там значительно большей по сравнению с другими испаноязычными странами или Бразилией. Но и среди доминиканцев, этой «единственной мулатской нации мира», как назвал ее А. Перес Кабраль, соматическим нормативом все еще считается облик белого европеоида⁴⁶.

Пуэрто-Рико четыре века был испанской колонией и без малого век является фактической колонией США. Рабы никогда не составляли здесь более 1/7 населения, а доля негров и мулатов сократилась в процессе мисцегенации с 53% в 1802 г. до 20% в 1960 г. Еще в конце XIX в. в их руках находилось более трети всей собственности в Пуэрто-Рико⁴⁷. «Вероятно, нигде,— по признанию Ф. Найта,— негативный результат влияния США на расовые отношения не был более резко выражен, чем на маленьком карибском острове Пуэрто-Рико. Хотя он никогда и не был расовым раем, это было место, где вопрос о расовой принадлежности имел минимальное значение до тех пор, пока в начале XX в. остров не оказался под прямым политическим и экономическим контролем США»⁴⁸.

⁴³ Hoetink H. Op. cit. P. 31.

⁴⁴ Hoetink H. The Two Variants in Caribbean Race Relations. L.; N. Y., 1967. P. XII. См. также Mintz S. W. Op. cit. P. 315.

⁴⁵ Hoetink H. Op. cit. P. 100—101, 113.

⁴⁶ Mejia Ricart M. A. Las clases sociales en Santo Domingo. Ciudad Trujillo, 1953. P. 27—38.

⁴⁷ Mintz S. W. Op. cit. P. 34; Knight F. W. The African Dimension ... P. 100—102.

⁴⁸ Knight F. W. The African Dimension... P. 100; Hoetink H. Op. cit. P. 105.

Расовые предпрассудки стали тут неотъемлемой частью жизни, и различия в цвете кожи играют важную роль в общественной деятельности и семейно-брачных отношениях. А поскольку в США даже «белых» эмигрировавших туда пуэрториканцев рассматривают как «негров», то не только они сами, но и многие пуэрториканцы на родине отказываются от «ибероамериканского» соматического норматива в пользу господствующего североамериканского⁴⁹.

Что касается Кубы, то переход ее на рубеже XIX и XX вв. под политический и военный, а позже также экономический и идеологический контроль империализма «янки» тоже радикально повлиял на дальнейшее развитие там расовых отношений. Формально кубинские законы запрещали дискриминацию по расовому признаку, однако при всем этом хотя официально это отрицалось, скрытые формы ее существовали. Вслучайно именно черные кубинцы составляли всегда большинство беглецов и безработных в стране. Отмечая, что к концу 1950-х годов темнокожее население оказалось забытой частью кубинского общества, Н. Ф. Найт в середине 1970-х годов писал: «Тенденции развития социально-расовых отношений на Кубе можно было изменить только путем революционной перестройки общественной структуры, которая бы открыла беднякам и черным возможности для социального и культурного подъема. Это и есть то, что попытался сделать Фидель Кастро»⁵⁰. Уверен, что революция обеспечила всем кубинцам независимо от цвета кожи равные и реальные гражданские, политические, социально-экономические права. Найт далее констатировал, что «кубинский социализм создал или, по крайней мере, пытаясь создать новое общество, эффективно устранил традиционные разграничения, основанные на расовой принадлежности, цвете кожи и экономическом положении»⁵¹.

В отличие от Кубы или Пуэрто-Рико в Британской Вест-Индии к концу эпохи рабства белое население было крайне малочисленно и в последующие полтора века продолжало сокращаться. Как и в период рабства эндогамия в семейно-брачных отношениях, а также социально-расовая изоляция белой элиты в XIX—XX вв. оставались там практически безупречными. Но поскольку в белом населении заметно преобладали мужчины, то внебрачные союзы их с темнокожими женщинами немало способствовали дальнейшему росту мулатского населения.

После отмены рабства негры и темнокожие мулаты по-прежнему оставались на нижних ступенях социальной лестницы. Однако светлокожие мулаты и теперь занимали привилегированное положение. В этом отношении социально-расовая структура населения в Британской Вест-Индии была гораздо ближе к испаноязычной Вест-Индии или Бразилии, чем к США. Вплоть до обретения британскими колониями в Карибском регионе в 1960—1970-х годах независимости крошечная группа белых, опираясь на светлокожее и «коричневое» мулатское меньшинство, представители которого рекрутировались чиновники среднего и нижнего звеньев колониальной администрации и полиции, господствовала над темнокожим большинством населения. По свидетельству североамериканского этнографа М. Смита и ямайского ученого Ф. Энрикеса, «высший класс» на Ямайке и Британских Малых Антилах состоял в первой половине XX в. из «белых и светлокочих мулатов», «средний класс» — из коричневых и отчасти черных, «низший класс» — из черных⁵².

Нельзя не заметить, таким образом, что расовые отношения и процесс интеграции потомков ввезенных в Западное полушарие африканцев развивались в разных странах Америки после отмены там рабства различно. В странах Латинской Америки освободительные движения и отмена рабства

⁴⁹ Mintz S. W. Op. cit. P. 56—57; Hoetink H. Op. cit. P. 198; Knight F. W. The African Dimension... P. 104—105; Этнические процессы в странах Карибского моря. С. 180—199.

⁵⁰ Knight F. W. The African Dimension... P. 99.

⁵¹ Ibid. P. 99, 100; American Sociological Review. February 1966. V. 31. № P. 43—48.

⁵² Smith M. G. Stratification in Grenada. Los Angeles, 1965. P. 16; Race and Class in Post-Colonial Society. UNESCO. P., 1978. P. 63, 69, 122.

ства наряду с некоторыми другими рассмотренными выше факторами способствовали ослаблению расовых барьеров, что даже в условиях буржуазного общества в большей или меньшей мере облегчило для их темнокожего населения сложный процесс ассимиляции и интеграции в состав нации. Между тем в США этого не произошло. Наоборот, вскоре после Гражданской войны и отмены рабства расовые барьеры были не только восстановлены, но и подкреплены соответствующим законодательством, получившим название «системы Джим Кроу». А с переселением в XX в. миллионов афроамериканцев США в северные и западные штаты расовая сегрегация и дискриминация утвердились во всей стране. Только в результате длительной и потребовавшей многих жертв борьбы за гражданские права афроамериканцы США добились к концу 1960-х годов законодательной ликвидации «системы Джим Кроу». Однако это не помешало сохранению там и поныне фактической расовой дискриминации, сегрегации афроамериканцев в черных гетто, засилья белого расизма, сознательно поддерживаемого правящими в стране кругами.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ, М. В. КРЮКОВА «ЭТНОГРАФИЯ: МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК, ШКОЛЫ, МЕТОДЫ

Г. В. Старовойтова

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ ЭТНОГРАФИИ *

Статья Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова свидетельствует о выходе этнографической науки на следующий уровень обобщения, для которого характерно внимание к вопросам методологии, к определению соотношения онтологического и гносеологического аспектов предметной области этнографии. Необходимость такого разговора давно назрела, так как последние десятилетия предметная область нашей науки заметно трансформировалась, прежде всего благодаря увеличению удельного веса исследований современных урбанизированных народов и расширению арсенала применяемых методов. Обсуждение этой темы необходимо потому, что в последний раз объект и границы этнографии так или иначе рассматривались в ходе известной дискуссии о нации, т. е. 20 лет назад. Не случайно участники недавнего обсуждения методики полевых исследований (1985 г.) временами стремились выйти за рамки обозначенной темы и говорить не только о том, *как*, но и о том, *что* нужно исследовать в поле.

Естественно, что все методологические вопросы нельзя решить сразу. Статья оставляет ряд вопросов открытыми для дальнейшего обсуждения. Прежде всего, коренной вопрос об определении предмета и предметно-объектных отношений в этнографии. Авторы считают, что «...предмет каждой науки определяется далеко не произвольно и прежде всего зависит от вычленения из всей совокупности присущих объекту свойств именно тех, что исследуются данной наукой. Следовательно, типичный для данной науки угол зрения создается благодаря наличию объекта специфических свойств» (с. 46). Однако здесь можно усмотреть некоторую тавтологию, которая становится заметнее, если сохранить в определении только субъект и предикат: «...предмет ... науки ... зависит от вычленения ... свойств ... что исследуются данной наукой». Невольно вспоминаются известные в истории науки аналогии дефиниций, сконструированных сознательно-конвенционально: «Математика — это та наука, которой занимаются математики»; «интеллект — это то, что измеряется тестами интеллекта» и т. д.

Бесспорно предпосылкой вычленения предмета науки (но не более чем предпосылкой) является существование специфических свойств у объекта, которые, впрочем, сами по себе еще не создают «типичный для данной науки угол зрения» (с. 46). Предмет науки определяется также в зависимости от научной традиции, накопленных знаний, разработанности смежных теорий, возможного прикладного значения дисциплины и т. д. И все-таки до известной степени он конвенционален: о нем можно ус-

* Ссылки на исходную статью даются в тексте.

ить, как условились мы сейчас считать, что наш предмет — «компоненты этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций» (а на прежних этапах развития этнографии эти соглашения были иными). Конечно, конвенционализм не означает полной свободы выбора состава эмпирического базиса науки; он скорее распространяется на «договоренность о терминах», в частности о смысле такого термина, как «этнография», и других ключевых понятий нашей науки (в обсуждаемой статье, к примеру, уточняется соотношение понятий «этнография», «этнология», «культурно-социальная антропология», употребляется условное понятие «отставшие народы» и т. д.). Условность терминов неизбежна, если мы хотим однозначности их понимания, но категориально-понятийный аппарат любой науки, ее теоретические построения и ее эмпирические материалы (допустим, полевые) взаимозависимы.

Поясняя свою точку зрения на предмет, авторы статьи говорят, что ядром предметной области этнографии (этнологии) следует считать традиционно-бытовую культуру (далее — ТБК), поскольку она выполняет «этнические функции». Последние, как можно понять из дальнейшего изложения, это элементы ТБК, которые в свою очередь выполняют функции межэтнической дифференциации и внутриэтнической интеграции. Но для кого эти элементы ТБК являются этноспецифическими — для этнофора, для исследователя? Отражается ли эта специфика в этническом сознании или существует только объективно? Возможна ли ситуация, когда она, напротив, существует только в обыденном сознании (предрассудок)?

Продолжая рассуждение о неизбежной условности терминов развитой науки (неразвитая использует слова естественного языка), хотелось бы остановиться на допускаемом в статье (кажется, впервые) представлении о синонимичности понятий «этнография» и «этнология». Конечно, мы можем договориться считать эти понятия тождественными, а понятие «культурно-социальная антропология» принадлежащим к другому семантическому ряду. Но этимология этих слов и в русском словоупотреблении напоминает об их смысловом различии: ориентации на описательный (идиографический) и теоретический (номотетический) методы исследования. Оба уровня нужны нашей науке — не сохранить ли и оба термина с учетом их различия? Ведь по мере развития этнологической теории может снова возникнуть нужда в соответствующем понятии, а оно будет уже занято. Нет ничего страшного в том, что этнология пока несет печать своего зарубежного происхождения; слова «этнос», «этникос», «этнография» тоже родились не в недрах русского языка. К сожалению, многим читателям эти соображения покажутся схоластическим спором о словах. И все-таки думается, что конвенционализм в терминотворческой деятельности способствует достижению не только однозначности понимания (в противовес многозначности обыденной речи), смысловой отъединенности терминов от понятий естественного языка, но и достижению более высокого, модельного уровня обобщения результатов научной мысли.

Но вернемся к предмету этнографии/этнологии. Во-первых, думается, что в категории предмета раскрывается гносеологический статус объекта. Во-вторых, предмет всякой науки, на наш взгляд, представляет собой *процесс* применения исследовательской процедуры к объекту. Действительно, эмпирический результат не может быть независим от методов его получения. Универсальность принципа дополнительности для естественных и гуманитарных наук, постулированная еще его первооткрывателем, ясно продемонстрирована на материалах социологии, но пока не очень отчетливо осознается в этнографии, хотя этнографы-полевики постоянно сталкиваются с проблемой культурно-ролевого расстояния, остаточного возмущения поля и т. д.¹

¹ Подробнее о принципе дополнительности применительно к этнографии нам пришлось высказываться в отклике на статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна о методике полевых исследований (Сов. этнография. 1985. № 4).

Значение, которое приписывается методам исследования при определении его предмета, привело специалистов в области теории познания к убеждению в необходимости широко трактовать предмет, включая в него саму эмпирическую область исследования, исследовательские средства и процедуры и даже задачу исследования². Справедливость этой позиции становится понятной, скажем, при сравнении описанных результатов этнографического наблюдения и материалов этносоциологического исследования, выполненных в одном регионе. Иногда может показаться, что это данные разных наук о разных объектах, хотя в самом деле у них большая общая предметная зона.

Авторы обсуждаемой статьи напоминают, что опросные методы этнографии предшествовали развернутому наблюдению и не являются изобретением этносоциологии. Однако то обстоятельство, что Л. Г. Морган не учитывал принцип культурного релятивизма при конструировании анкет, не может рассматриваться в качестве «органического недостатка» опросных методов. Типичным недостатком современного использования (и не только в этносоциологии) является неграмотность в сфере методики и техники и недостаточное предварительное знакомство с предметом исследования — об этом написано уже достаточно. На погрешности присущи любой исследовательской процедуре — и опросу и наблюдению. Не надо думать, что наблюдатель не задает вопросов. Он задает их себе — и сам дает ответы в меру своих представлений об этнокультурных координатах того исследовательского пространства, в котором находится. В привычных нам земных координатах явственно наблюдается ежедневное движение Солнца вокруг Земли, но в другой координатной системе эта очевидность оказывается нетождественной истинности. И еще раз отметим, признавая всю важность наблюдения, что многие реалии современного предмета этнографии не поддаются наблюдению (этническое самосознание, этнокультурные ориентации и др.).

При определении предметной области нашей науки Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков поставили отчетливый акцент на этноспецифических чертах ТБК и выделили «этнические функции» в качестве критерия для суждения о том, «наш» ли это предмет исследования (с. 46). Вероятно, обозначенная зона исследований для нас важнейшая, но не ограничиваем ли мы тем самым собственные перспективы? Ведь область этноспецифического у всех современных народов сужается; к тому же такой выбор предмета по сути дела ориентирует на преобладание сравнительного метода исследований. Хотя в статье и упомянута необходимость «раскрывать весь облик этноса — не только его отличия, но и черты, общие с другими этносами», но эта задача тоже не выходит за рамки определения сходства-различия при сравнительном рассмотрении. Между тем, как нам кажется, и сегодня остается актуальным выдвинутое Ф. Боасом требование изучать каждый *отдельно взятый* народ во всей совокупности особенностей его культуры, о чем говорят авторы обсуждаемой статьи.

Согласно мнению лауреата Нобелевской премии, специалиста по прогнозированию будущего мировой экономики В. Леонтьева, сравнение вообще не является научным методом, так как оно доступно и обыденному сознанию. Высказывание это чересчур категорично, но оно подтверждается строгим эмпирическим материалом: В. Ламберт и О. Клайнберг, изучая формирование этнических представлений у детей, убедились, что осознание этнических различий достигается проще, нежели осознание внутриэтнической общности, поскольку различия доступны восприятию уже на чувственном уровне, а представления о единстве требуют обобщения и концептуализации, т. е. более сложных мыслительных процедур³. Естественно, что наша наука, пока только

² См., например, Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.

³ Clinberg O., Lambert W. Children Views of Foreign Peoples: A Cross-National Study. N. Y., 1967; см. также Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч. Т. 2. М., 1982.

начинающая обсуждать собственную методологию (между прочим, в числе исторических наук одной из первых) и осваивать точные методы, обращается поначалу к более очевидной сфере — сравнительному исследованию этнической специфики культур (и последующей типологизации). Но стоит ли забывать о другой возможной области этнологических работ, методика которых пока не столь очевидна? Исследовательское значение этой сферы растёт по мере сужения зоны этнической специфики.

Я имею в виду вопрос о функционировании культуры этноса в повседневной жизнедеятельности его членов безотносительно к этнической специфике, в форме регулярно повторяющихся стереотипов бытового поведения, передаваемых в диахронии между поколениями и трансформирующихся со временем. Когда говорят о стереотипах поведения, подразумеваются прежде всего регулярно повторяемые формы (или элементы образа жизни), которые хотя и обладают известной социальной значимостью, однако являются внесобытийными⁴ и не осознаются носителями этих форм как «поступки». Стереотипы поведения «одной своей стороной коренятся в сфере обыденного сознания, другой — в эмпирически наблюдаемом пласте традиционно-бытовой культуры»⁵, но и не только в этом ее пласте. Сюда входят, как нам кажется, также те неписанные, но общепринятые нормы повседневного поведения, которые являются важным объектом конкретно-социологического изучения современности⁶. Большое внимание таким «летучим» культурным формам придается в зарубежных этнографических исследованиях городского населения, например в публикациях журнала «Urban Life. The Ethnography Studies», до 1978 г. выходившего в Сан-Франциско. Каков же критерий выделения этой части предметной области этнографии? Чем она должна отличаться от предмета исследования других наук?

Исходя из сформулированного принципа: предмет — это процесс и результат взаимодействия объекта и приложенной к нему исследовательской процедуры, нам кажется возможным ограничиться указанием на способ передачи информации, благодаря которому интересующие нас поведенческие формы существуют. Этот способ сам по себе должен быть предметом исследования, и одновременно он служит критерием выделения той части этнографических исследований (современности или прошлого), для которой этническая специфичность явлений не представляет главного исследовательского ядра. Тут, по-видимому, нет необходимости изобретать что-то новое, так как в ряде выступлений Ю. В. Бромлея и некоторых других авторов уже обращалось внимание на необходимость этнографического изучения культурных форм, передаваемых устно-зрительным (или аудиовизуальным) путем. Здесь видна и общая зона интересов с социологией, где внимание ученых привлечено к «неписанным» нормам поведения. Не совсем понятно, почему этот важный критерий выделения предметной области обойден молчанием в такой всесторонней по охвату информации статье, как обсуждаемая. Вот какие размышления, сомнения и вопросы порождает знакомство с публикацией Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова.

⁴ Подробнее см. *Старовойтова Г. В.* К вопросу об этносоциологическом изучении «образа жизни» // *Этнографические аспекты изучения современности.* Л., 1980. С. 85—92.

⁵ *Байбурин А. К.* Предисловие к книге «Этнические стереотипы поведения». Л., 1985. С. 5.

⁶ О задачах изучения таких норм пишет *В. А. Ядов* (Социологическое исследование. Методология, процедура, техника. М., 1972. С. 113).

Объект этнографии — народы (этноты), причем как ранее существовавшие, так и современные, как отсталые, так и развитые, а в ее предметную область входят компоненты этноса в аспекте своих этноформирующих и этнодифференцирующих функций. Это положение четко сформулировано на первых же страницах обсуждаемой здесь статьи Ю. В. Бромлей и М. В. Крюкова.

Не приходится сомневаться, что этнография всегда изучала и должна изучать прежде всего современные исследователю этноты и их компоненты, и именно на такое изучение нацелены основные методы этнографии. Между тем в результате большинства полевых исследований действительно проводится анализ компонентов культуры, ограниченных концом XIX — началом XX в. Еще лет 10 тому назад можно было, хотя и с трудом, найти информантов, сохранявших живые знания об этом отрезке времени. Но сегодня это уже невозможно, воспоминания сегодняшнего информанта в лучшем случае доходят до 20 годов XX в. Это тоже нужные для науки сведения, но все же, видимо, не основные.

Значит ли это, что «чем дальше от первобытности и ближе к современности, тем уже предмет, содержание этнографической науки», как это писал И. И. Потехин в 1953 г. и что считают справедливым Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков сегодня? Значит ли это, что с каждым десятилетием предмет этнографии будет все более сужаться?

Как пишут сами Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков (с. 58), объектом исследования этнографа в наши дни выступает урбанизованная культура, не представляющая собой чего-то единого для всех членов этнической общности. Но это означает, что такая культура состоит из множества субкультур. Часть этих субкультур принадлежит различным классам и социальным прослойкам общества, но множество их этим исчерпывается. Субкультуры образуются по принципу полового и возрастного деления (например, молодежная субкультура), по формам расселения (субкультура микрорайонов новостроек), по интересам увлечениям (субкультуры автомобилистов, любителей музыки, болельщиков спорта и т. д.) и по многим другим показателям. Если признаем задачей этнографии современности изучение этих субкультур, а представляется, что это необходимо сделать, то станет ясно, что по мере усложнения общественной жизни предмет этнографии не сужается, бесконечно расширяется.

Характеристика специфики этноса не может быть получена посредством экстраполяции данных по одной субкультуре на весь этнос. Но она не может быть получена и этносоциологическим статистическим анализом данных репрезентативных выборок, хотя бы и охватывающих тысячи респондентов, притом грамотно разбитых на группы. Ведь в этом случае мы получаем количественные различия по тем относительно немногим наиболее общим характеристикам, которые показательны для всех этих групп, тогда как суть дела состоит именно в выявлении качественных межгрупповых различий, форм межгруппового взаимодействия и, наконец, образующихся при этом взаимодействии связей, которые в совокупности и дают неповторимый облик этноса.

В этом отношении пока что делается еще очень мало, а то, что делается, не встречается, как кажется, должного внимания и понимания. Между тем именно такое, ориентированное на субкультуры большинства урбанизованного этноса исследование одно только и может, на наш взгляд, дать подлинный практический выход этнографическим разысканиям, поставить этнографию на действенную службу в решении epochальных задач перестройки нашей общественной жизни.

Наблюдение (в том числе включенное, которым у нас почти не поль-

зуются) и опрос (интервью) остаются ведущими методами исследования.

Никак нельзя согласиться с тезисом, что сообщения информантов менее ценны, чем непосредственное наблюдение (с. 57). Дело в том, что наблюдение позволяет зафиксировать различия явлений, отмечаемые на этном уровне, когда категоризация их производится в сознании наблюдателя. Различия же эмного характера, проводимые в сознании самих этнофоров, как правило, фиксируются только путем их опроса. А ведь само собой понятно, что код культуры может быть понят только на эмном уровне. Это различие (или, во всяком случае, упоминание) не проводится в той части статьи Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова, которая посвящена методическим вопросам, что является, на наш взгляд, существенным упущением авторов.

А. М. Решетов

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова «Этнография: место в системе общественных наук, школы, методы» имеет две задачи: первая — обсудить основные идеи очередного раздела словаря этнографических понятий и терминов, который готовится советскими и немецкими учеными; вторая — оценить сложившееся соотношение этнографии со смежными науками, ее методiku с позиций нынешнего уровня этнографических исследований с учетом исторических уроков, а также наметить перспективы дальнейшего развития этнографической науки. Таким образом, статья представляет попытку рассмотреть ряд принципиально важных вопросов. Учитывая дискуссионный характер публикации, хотелось бы обратить внимание на спорные или неточные трактовки.

В качестве основного ядра предметной области этнографии авторы выделяют слой культуры в широком смысле этого слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовую культуру. Вместе с тем удивляет сильно зауженное понимание традиционно-бытовых компонентов культуры: обычаи, обряды, народное искусство, устное творчество и т. п., особенности которых отличают один этнос от другого (с. 46).

Об этой статье порой трудно говорить прежде всего в силу некоторой ее фрагментарности. Вот один небольшой, но показательный, с моей точки зрения, пример. Авторы приводят точку зрения известного советского этнографа Д. К. Зеленина: «...эту современную картину мы стремимся осветить историческими данными и в своих разысканиях идем от настоящего к прошлому, пытаемся, так сказать, раком в глубь истории»¹. И тут же, хотя и в сноске, добавляют, что «спустя более полувека после этого тот же вывод был сформулирован Ян Кунем» (с. 47). Как будто, на первый взгляд, здесь все правильно. Но уверены ли авторы, что до Д. К. Зеленина никто не высказывал этой мысли или по крайней мере фактически не придерживался такой методики, и уж во всяком случае между 1913 и 1984 г., когда Ян Кунь опубликовал свою работу. Скорее, в поле зрения Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова попали работы этих двух крупных ученых.

¹ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных. СПб., 1913. С. 4; *его же*. Очерки русской мифологии (Введение). Пг., 1916. Вып. I. С. 16; Гаген-Торн Н. И., Васина А. И. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина // Тр. Ин-та этнографии АН СССР (ТИЭ) М., 1971. Т. 95. С. 171—180.

Авторы справедливо отмечают, что в начале 1930-х годов полу распространение взгляда на этнографию как на историческую дисциплину, критикуют появившееся тогда определение этнографии «вспомогательной исторической дисциплины» (с. 45). И вместе с это не совсем так. Директор Музея антропологии и этнографии Петра Великого АН СССР, один из признанных лидеров этнографической науки того времени Н. М. Маторин писал по этому поводу следующее: «Совещание 1929 г. провозгласило, что этнография есть наука историческая. Но оно все же не дало окончательно отточенных формулировок, и последующие два года этнографы неизменно возвращались к вопросу о предмете и методе своей науки»². Вот как характеризует деятельность Н. М. Маторина С. М. Абрамзон в своей статье «Советская этнография в начале 30-х годов (из записок этнографа)»: «Можно с полным правом сказать, что Н. М. Маторин в начале 1930-х гг. был душой всех начинаний в области этнографии в Академии наук СССР. Обладая блестящими организаторскими способностями, чутко улавливал „пульс времени“, имел глубокую теоретическую подготовку Н. М. Маторин — энтузиаст, влюбленный в науку — сумел сплотить вокруг себя всех, кто считал себя этнографом или хотел им стать»³.

Следует иметь в виду, что этнографы исходили из положения К. Маркса о существовании лишь одной науки — истории, которая должна была расширительно как история природы и история человеческого общества⁴. Именно в таком понимании этнографы видели один из путей решения задачи «перестройки этнографического исследования на основе марксистско-ленинского метода и в тесной увязке с социалистическим строительством среди многочисленных народов Советского Союза»⁵. В резолюции Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 г. прямо утверждалось: «Построение этнографии как самостоятельной науки, с особым предметом и методом изучения противостоящей или равноправной истории, противоречит марксистско-ленинскому учению о диалектике исторического процесса, который представляет закономерную смену ряда общественно-экономических формаций»⁶. Но тут же в статье «От редакции», подводящей итоги этнографического совещания, категорически утверждается: «Будущее советской этнографии обеспечено, но нужно работать, работать и работать!»⁷. В феврале 1933 г. в Ленинграде был создан Институт антропологии и этнографии, в 1935 г. переименованный в Институт этнографии АН СССР. Вопрос о месте этнографии среди общественных наук был животрепещущим; делались попытки подробно проанализировать ее предмет и метод, определить границы ее размежевания с родственными дисциплинами⁸. Редакция журнала «Советская этнография» в своем первом номере⁹ писала: «Необходимо скоординировать работу этнографов усилиями специалистов *сопредельных дисциплин* — истории, археологии, лингвистики, фольклора, антропологии»¹⁰ (курсив мой. — А. Р.). Это высказывание я привожу для того, чтобы показать, что в 1930-х годах эпохе дискуссий, поисков, утверждения марксистско-ленинского метода в науке, не было по крайней мере всеобщего отождествления этнографии и истории.

² Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 8. В этой работе, правда, с позиций того времени, дан обзор различных точек зрения по рассматриваемому вопросу.

³ См. Сов. этнография. 1976. № 4. С. 90.

⁴ Там же.

⁵ От редакции // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 1.

⁶ Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 года (По докладам С. Н. Быковского и Н. М. Маторина об археологии и этнографии) // Сов. этнография. 1932. № 3. С. 12.

⁷ Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания. От редакции Сов. этнография. 1932. № 3. С. 3.

⁸ Подробнее см.: Маторин Н. М. Указ. раб. С. 8, 11—24.

⁹ До этого журнал назывался «Этнография».

¹⁰ От редакции // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 1.

В обсуждаемой статье нет четкости в вопросе о времени формирования тенденций изучения современности в советской этнографической науке. Едва ли верно утверждение, что после дискуссий конца 1920-х — начала 1930-х годов изучение морфологии и динамики первобытной культуры человечества стало доминировать в советской этнографии (с. 55). В упоминавшемся выше номере «Советской этнографии» писалось о необходимости и возможности расширения связей советских этнографов с массами для конкретной помощи социалистическому строительству. Был провозглашен лозунг: «За марксистско-ленинский метод в этнографическом исследовании! За перестройку рядов советских этнографов для выполнения задач социалистической стройки!»¹¹. Признавая необходимость перестройки советской этнографии, Н. М. Маторин специализировал задачи советских этнографов в связи с конкретными задачами воплощения национальной политики в нашей стране, изучения быта рабочих и колхозников¹². Отнюдь не утверждая, что советская этнография все 70 лет своего существования, с первых лет после Великой Октябрьской социалистической революции занимает правильную позицию в этом вопросе, хотелось бы привлечь внимание к тому бесспорному факту, что это направление и утверждалось, начиная уже с 1920-х годов, и сделано в свое время было немало¹³.

Не могу согласиться с утверждением авторов обсуждаемой статьи, солидаризовавшихся с китайским этнографом Ян Тиншо, о правомерности и необходимости разграничения «*Volkskunde*» и «*Völkerkunde*» (с. 54). С. А. Токарев в свое время поставил в заслугу видному немецкому ученому В. Штейницу то, что он в ГДР «особенно много сделал для сближения обеих разошедшихся ветвей этнографии — родиноведческой и общей»¹⁴.

Положение Ян Тиншо о невозможности механического использования при исследовании иноэтнической культуры методики, применяемой для изучения своего собственного народа, верно. Более того, можно утверждать, что любую методику механически применять совсем нецелесообразно и даже вредно для науки. Это, по-моему, аксиома для каждого советского ученого, но это вовсе не означает нашей приверженности идее разграничения «*Volkskunde*» и «*Völkerkunde*». Утверждение о том, что подобное деление свойственно и Китаю, верно лишь отчасти. Я не знаю общеупотребительных китайских терминов, в которых бы закрепились это разграничение в китайской науке. Может быть, прежде всего в 1930-е годы, очевидно, под влиянием японской науки для этнографии собственно ханьцев употреблялся термин *миньцусюе*, а для этнографии всех остальных народов — *миньцзусюе*. Мне представляется, что в Китае этнография прежде понималась как наука, которая изучает не китайские народы (т. е. всех неханьцев), стоящие на более низкой ступени развития, чем ханьцы¹⁵. В Китае поэтому по традиции этнографы занимались преимущественно неханьскими народами. В современных китайских ведущих этнографических изданиях «Исследование народов» («*Миньцзу яньцзю*»), «Исследования по этнографии» («*Миньцзусюе яньцзю*») и др. нет статей о ханьцах (китайцах); опубликованы только статьи о других народах Китая. Если бы китайский термин *миньцзусюе* (этнография, этнология) можно было перевести на немецкий язык, то целесообразнее использовать, как мне думается, термин «*Völkerkunde*» с учетом существующего разграничения двух

¹¹ Там же С. 2.

¹² Маторин Н. М. Указ. раб. С. 24—34.

¹³ См., например: Комсомол в деревне. Л., 1926; см. также общие статьи: Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н. Полвека советской этнографии // Сов. этнография. 1967. № 5. С. 13—16; Антропова В. В. Участие в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.) // Сов. этнография. 1972. № 6. С. 19—27.

¹⁴ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 340; Штейниц В. Некоторые вопросы немецкой этнографии // Сов. этнография. 1955. № 2. С. 54—65.

¹⁵ Об этом см.: Чебоксаров Н. Н. Основные этапы развития этнографии в Китае // Сов. этнография. 1959. № 6. С. 131.

терминов в немецком научном лексиконе. Едва ли всю этнографию Китая периода до образования КНР в 1949 г. правомерно рассматривать как «китайскую этнографическую школу У. Вэньцзяо — Фэй Суня» (с. 50). Кстати, оба эти действительно крупные ученые испытали на себе довольно сильное влияние функционализма¹⁶. Особняком стояли такие крупные китайские этнографы, как проф. Ян Чэнчжи, возглавлявший факультет антропологии Университета им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу, проф. Ян Кунь, проф. Ся Каннун, проф. Цю Пу и многие другие. Попутно замечу, что в таком анализе школ и методов в мировой этнографии, как в обсуждаемой статье, невозможно не говорить об этнографии Китая, Японии, Индии, Индонезии, становлении новых методов, новом понимании этнографии в социалистических странах. Марксистская этнография может существовать не только в СССР и социалистических странах, поэтому фразу «в странах социализма исторически сложились различные исследовательские традиции» (с. 39) едва ли можно считать достаточной, соответствующей характеру и цели статьи¹⁷.

В свое время в «Советской этнографии» прошла оживленная и плодотворная дискуссия по проблемам полевых исследований. Это был один из самых широких обменов мнениями, чувствовалось, что проблема по-настоящему острая, наболевшая, равнодушных здесь не было. Я позволил себе тогда напомнить, что многократно и на протяжении значительного времени в соответствующих ситуациях давались щедрые обещания действительно решить проблему совершенствования методов полевых этнографических исследований¹⁸. Как важно это сделать сегодня в условиях перестройки! Ведь не ради красного словца, не для формальных отчетов она должна произойти и в науке, в том числе в этнографии. Это был бы наш ответ на требование жизни — определить, как мы должны работать сегодня, какой должна быть наша методика изучения этнографических аспектов современности. Кстати, редакция журнала, завершая упоминавшуюся выше дискуссию, поддержала идею совершенствования методик полевых исследований. В частности, отмечалось: «Участники дискуссии справедливо говорили о необходимости проведения серии совещаний (всесоюзных и, разумеется, до этого республиканских и региональных), которые помогли бы всесторонне обсудить принципы разработки планов полевых исследований на ближайшее будущее... Весьма целесообразно было бы подумать о тщательном согласовании создаваемых в центре и на местах программ и вопросов, чтобы обеспечить сопоставимость получаемых материалов». После дискуссии прошло около двух лет, а воз и ныне там. Невольно вспоминаются слова одного из персонажей бессмертной комедии А. С. Грибоедова: «Шумим, братцы, шумим...».

В статье неоднократно говорится о средствах получения информации об этнических свойствах изучаемых объектов, о полевых исследованиях, о методе непосредственного наблюдения, о роли стационарных и т. д. Эти вопросы обсуждались многократно, в том числе и на страницах «Советской этнографии», причем метод непосредственных наблюдений, изучения живых общественных явлений рассматривался как частный метод²⁰. У авторов обсуждаемой статьи не чувствуется опре-

¹⁶ Можно предположить, что деление этнографии на две части — родоноведение и общую этнографию, распространилось или могло иметь распространение вслед за Гумпловичем в тех странах, где были сильны представления об исключительности основного этноса. В качестве примера можно привести Японию.

¹⁷ См., например, *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 270—283. По итогам IX МКАЭН отмечалось: «Выступившие на теоретических секциях конгресса свидетельствовали о несомненном распространении влияния марксизма-ленинизма на этнографическую науку капиталистических стран», см. *Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В.* IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук//Сов. этнография. 1974. № 1. С. 14.

¹⁸ *Решетов А. М.* [Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований]//Сов. этнография. 1985. № 6. С. 56—60.

¹⁹ От редакции//Сов. этнография. 1986. № 1. С. 70.

²⁰ *Маторин Н. М.* Указ. раб. С. 24.

целенного отношения к этому вопросу. Внеочередной выгодой констатация общей тенденции последних десятилетий, которая заключается в постепенном переходе от стационарной полевой работы к кратковременным групповым или индивидуальным поездкам, как справедливо отмечают авторы, «осуществляемым к тому же преимущественно в течение летнего сезона» (с. 32). Высоко оценивая опыт организации полевой работы этнографами «Ленинградской этнографической школы» (да, такая школа существовала в 1920—1930-е годы!) ²¹, следует привлечь внимание к тому, что важной задачей этнографии как науки является разработка на современном уровне исследования методов систематизации, обобщения и анализа материала, полученного в поле, в архиве, в библиотеке и т. п. ²² Необходимы методические разработки, помогающие в собирании и употреблении этнографического материала, особенно из смежных с этнографией наук, новое осмысление понятий «этнографический факт», «этнографический источник».

Очевидно, целесообразно было бы обменяться мнениями по этим вопросам. Мне представляется, что выяснение содержания понятия «этнографический источник» поможет и лучшей, более точной применительно к современным условиям интерпретации понятия «этнографический факт». В последние годы сделано немало в практическом плане для расширения понятия «этнографический источник». Благодаря работам С. С. Лисициан, Э. Х. Петросян, Ж. К. Хачатрян, М. Я. Жорницкой, Э. А. Королевой и др. в отечественной этнографии мы можем уверенно говорить о хореографическом искусстве как об этнографическом источнике ²³. Но, к сожалению, мало привлекаются в качестве этнографического источника народная медицина, музыкальное искусство ²⁴ и т. д. Этнографическим источником можно полагать любой источник, несущий в себе этнографическую информацию. Сам по себе источник может принадлежать истории, филологии, искусству, религии, архитектуре и т. д. ²⁵. Этнограф может использовать выводы любых других наук как этнографический источник. Например, произведение изобразительного искусства — это источник для искусствоведения, но при соответствующем критическом подходе к нему он может быть и интересным этнографическим источником ²⁶. В свое время много сделал для того, чтобы фотографию превратить в полноценный этнографический источник, С. М. Дудин ²⁷.

В гуманитарных науках в последние годы усиливается интерес к проблеме исторического факта в широком смысле слова ²⁸. Объектом изучения этнографии является этнос, поэтому любой факт, характеризующий жизнь и деятельность этноса, при критическом подходе через проверку другой информацией может быть использован как этнограф-

²¹ Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии)//Сов. этнография. 1971. № 2. С. 134—145; *ее же*. Левковлевич Штернберг. М., 1975.

²² Еще в начале 1930-х годов отмечалось, что «среди этнографов вообще чрезвычайно силен эмпирический подход к материалу» (См. Маторин Н. М. Указ. раб. С. 10).

²³ См. Карабанова С. Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как источник этнографический источник. М., 1979; Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения северо-востока Сибири. М., 1983.

²⁴ В мировой этнографии можно найти примеры использования их как этнографического источника. См., например, Чекановска А. Музыкальная этнография. Методология и методика. М., 1983.

²⁵ Этнографическим источником может быть, например, почва. См. Лисициан Г. Н., Костюченко В. П. Почва как источник информации при изучении древнего жилища (по материалам работ в аридных районах СССР в 1969—1973 гг.)//Сов. археология. 1976. № 1. С. 23—41.

²⁶ Решетов А. М. Произведения русских художников XVIII—начала XX в. как источник для изучения культуры и быта населения Петербурга (к постановке вопроса)//Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 171—189.

²⁷ См. Бартольд В. В. Воспоминания о С. М. Дудине//Сборник МАЭ. Л., 1930. Т. IX. С. 348—353; Ольденбург С. Ф. Памяти С. М. Дудина//Там же. С. 353—357.

²⁸ См., например, Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

фический факт. Явления производственного и общественного бытия, в частности, можно рассматривать и как этнографические факты, а они выявляют этническую специфику, способствуют более полной развернутой характеристике этнографического объекта. Важно установить достоверность факта. Например, для того чтобы свидетельство информатора стало этнографическим фактом, позволяющим делать обоснованные выводы, надо, чтобы это были одинаковые массовые свидетельства, а не одиночные показания. Этнографические факты — это совокупность взаимно проверенного материала в самом широком смысле этого слова. Чем более факт проверен, тем увереннее можно полагаться и на конечный результат этнографического исследования — выводы, которые целиком определяются использованием тщательно отобранных проверенных этнографических фактов.

Очень жаль, что в такой обобщающей статье не упомянута как бы даже будет признательна С. А. Токареву за его научный подвиг — содействие серии работ по истории этнографии в нашей стране и за рубежом. Но достойно сожаления, что институт не ведет эту работу систематически, планомерно, целеустремленно. Каждая наука, если она хочет успешно развиваться, должна заниматься проблемами своей истории.

Можно было бы назвать много славных имен крупных русских и советских ученых, внесших крупный вклад в развитие этнографической науки своими трудами, способствовавших своей научно-организаторской деятельностью ее успешному функционированию. Как это ни парадоксально, но нет сколько-нибудь развернутых работ о В. В. Радлова, В. Г. Богоразе, П. Г. Богатыреве, С. Н. Быковском, Н. М. Маторина, И. Н. Винникове, А. А. Попове, С. П. Толстове, С. М. Абрамове, Н. А. Кислякове, В. Н. Чернецове, С. А. Токареве, М. Г. Левинской, С. И. Руденко, Н. И. Воробьеве, Л. Н. Терентьевой, Г. М. Василевской, С. В. Иванове... К сожалению, этот список можно еще продолжить. В статье справедливо, например, обращается внимание на вклад в этнографию русского ученого С. М. Широкогорова, после революции переехавшего в Китае. Можно предполагать, что появление китайского термина *цзутуань* в значении «этнос», употребленного, в частности, в одной китайской исследовательницей Ван Тунхуэй²⁹, трагически пошедшей в экспедиции, произошло под влиянием, правда, не столько изданных хотя и в Китае, но на русском языке, сколько под влиянием профессорско-преподавательской деятельности С. М. Широкогорова в Пекинском университете Цинхуа³⁰. Очень жаль, что до сих пор в нашей стране нет ни одной статьи о научной деятельности этого крупного этнографа. Недостаточно вошло в отечественную науку открытие М. С. Дольниковой (Бутиновой) о том, что теория «остатков» К. Д. Кавелина исторически предвосхитила учение Э. Тайлора, на что справедливо обращают внимание авторы статьи.

Завершая отклик, хочу сказать, что статья Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова не только дает суммарное представление о месте этнографии в системе общественных наук, ее школах и методах, но заставляет задуматься прежде всего о совершенствовании исследовательских методов этнографии как науки нашего времени.

²⁹ Ван Тунхуэй. Социальная организация хуаланьяо. Шанхай, 1936. С. 42 (на китайском языке).

³⁰ В начале 1930-х годов по рекомендации известного китайского антрополога Цзи С. М. Широкогоров (китайское имя Ши Луго) был приглашен на должность профессора факультета социологии и антропологии этого университета. Среди его учеников — многие китайские этнографы, социологи, антропологи, в том числе крупный китайский этнограф и социолог, известный общественный деятель проф. Фэй Сянь

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСВЕЩЕНИЯ
ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Предложенная нашему вниманию статья состоит из двух неравных по объему частей. В первой из них в краткой тезисной форме излагаются взгляды Ю. В. Бромлея на содержание этнографической науки и ее связь с другими дисциплинами, излагавшиеся ранее более полно. В этой части статьи фигурируют ссылки преимущественно на работы Ю. В. Бромлея и его взгляды со ссылкой на учебник «Этнография», вышедший в издательстве «Высшая школа» в 1982 г. под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова, сказано, что они уже стали хрестоматийными. Хрестоматийные взгляды и обсуждать нечего, поэтому я сразу же перехожу ко второй, большей по объему части статьи, посвященной кардинальным вопросам истории этнографической науки — времени ее выделения из других наук и оформления в качестве самостоятельной дисциплины, а также роли различных этнографических школ и направлений в разработке теории и методики этнографических исследований.

Не могу не отметить ряда интересных моментов, во многом по-новому заставляющих нас взглянуть на привычные явления; это относится к высокой оценке трудов С. М. Широкогорова, на протяжении многих лет либо замалчивавшихся, либо подвергавшихся лишь критическому рассмотрению (пионером переоценки научного наследия С. М. Широкогорова, пожалуй, выступил А. П. Деревянко¹, но она касалась только специальной сферы изучения прародины и этногенеза унгусо-манчжурских народов); к выявлению интересных мыслей И. К. Зеленина на методику этнографической работы; к признанию известного значения работ К. Уисслера в разработке советскими специалистами гипотезы хозяйственно-культурных типов; к содержательным и глубоким характеристикам многих деятелей этнографии и т. д. Три проблемы с точки зрения автора этих строк заслуживают первостепенного обсуждения: время сложения этнографии как науки, принципы характеристики научных направлений внутри самой этнографии и роль структурализма в современной системе этнографического мышления.

Любая книга по истории науки начиналась до недавнего времени с анализа античного наследия: уже в рамках дошедших до нас текстов на древнегреческом языке выделены трактаты по медицине, зоологии и анатомии, геометрии, физике, астрономии. В настоящее время оформились такие самостоятельные области истории научного знания, как история древнеегипетской и вавилонской медицины и астрономии, древнеиндийской медицины и грамматики. Последнее интересно в том отношении, что свидетельствует об очень раннем выделении каких-то областей гуманитарного знания, на первых порах вообще более тесно связанного с философией и проникнутого синтетическими идеями. При этом это особые, и не о них сейчас речь, здесь нужно подчеркнуть лишь, что нерасчлененность предмета исследования хотя и была свойственна до какой-то степени гуманитарной науке на ранних этапах ее развития, но эта нерасчлененность носила относительный характер, и, скажем, «История» Геродота и «Анналы» Тацита не только нами воспринимаются как крупные достижения античной исторической мысли, но и современниками воспринимались как исторические сочинения.

Каково в свете всего сказанного время возникновения этнографии как самостоятельной области научного знания? Авторы совершенно справедливо выступают против предложения С. П. Толстова считать началом этнографической науки год выхода в свет книги Л. Г. Морган «Древнее общество». По-видимому, рождение той или иной науки

¹ Деревянко А. П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск, 1976.

вообще не может быть приурочено к какой-то точной дате, так как любая наука есть достаточно сложный конгломерат фактов, методических приемов и теоретических концепций, которые не могут быть созданы силами одного, даже гениального ученого. Но отказываясь от притязания Л. Г. Моргана, Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков передают В. Эдвардсу и А. М. Амперу, перенеся дату рождения этнографии на 50 лет назад. Ими, действительно, был предложен термин «этнология» (термин «этнография» известен в европейской литературе с начала XVII в.). А. М. Ампер поместил даже науку этнологию в разветвленную и детальную, хотя и очень искусственную, разработанную по системе классификации человеческого знания, опубликованную в 1822 г. в книге с модным тогда длинным названием «Опыт философии или аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний». Но в том же «Опыте» было предложено не существовавшую тогда науку об управлении именовать кибернетикой. Означает ли это, что А. М. Ампера следует считать создателем кибернетики? Э. Зюсс предложил термин «биосфера» в 1875 г.; за этим термином скрывалось даже какое-то элементарное содержание. Для иллюстрации того, как сложные пути развития науки, любопытно отметить, даже появление в 1926 г. «Биосферы» В. И. Вернадского — замечательной книги, обозначившей все контуры учения о биосфере, не стимулировало разработку этого учения, и оно начало интенсивно развиваться практически лишь с середины нашего столетия, став сейчас одним из краеугольных камней современного естествознания. Таких примеров можно было бы привести много.

Итак, появление термина, даже более или менее удачного, и начало развития самой науки — наверное, явления не обязательно хронные, более того, возникновение науки не однозначно, а имеет более или менее длительный период времени. Когда все же возникла этнография или этнология (последний термин, упраздненный в нашей стране в конце 1920-х годов, кажется мне более удачным)? Более широкий по содержанию и больше соответствующий сложившейся научной традиции: зоология, гистология, морфология, физиология, психология, палеонтология и т. д.)? Мне представляется совершенно справедливым ответ на этот вопрос, содержащийся в единственном русском языке, действительно, академически полном двухтомном труде С. А. Токарева по истории этнографии. Первый том этого труда, как известно, — «Истоки этнографической науки», второй — «История современной этнографии». Хронологический рубеж в изложении междисциплинарными — примерно XIX век, вернее говоря, третья четверть XIX в., когда возникло эволюционное направление в этнографической науке.

Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков не без оснований пишут об эволюционизме как об идейной основе многих гуманитарных наук в ту эпоху, и совершенно правильно указывают, что он не являлся специфической чертой только этнографических исследований. Скажем, один из крупнейших представителей французского литературоведения И. Тэн был последовательным эволюционистом позитивистского толка, и вообще это идейное течение под влиянием трудов Г. Спенсера и Ч. Дарвина широко распространилось в Европе. Но аргументируя свою мысль, авторы не считают Дж. Мак-Леннана и Э. Тайлора этнографами в современном понимании этого термина. Почему? Только потому, что Мак-Леннан и Тайлор мало писали о самих народах и много писали об их культуре и социальной организации? С этой точки зрения А. И. Першиц, многолетний руководитель сектора истории первобытного общества Института этнографии АН СССР и вдохновитель авторского коллектива трехтомного труда «История первобытного общества», уникального в современной мировой науке по охвату фактического материала и богатству теоретического содержания, также может считаться вполне этнографом. Между тем даже с точки зрения авторов культура народов входит в предметную сферу этнографии, поэтому трудно не считать этнографами занимавшихся ею и работавших

их во второй половине прошлого века ученых только потому, что они пользовались этнической терминологией и не вдумывались в специфику этнического: для этого тогда еще не настало время.

В дискутируемой статье верно, с моей точки зрения, отмечено, что широко используемое в истории этнографии понятие школы (эволюционная школа, функциональная школа и т. д.) носит в высокой степени двоякий характер. На этих страницах выше писалось о различных направлениях исследований, но и это узко и является больше данью традиции: речь идет о каких-то крупных идейных течениях, которые достаточно сложно переплетались в ходе конкретной истории. Не вызывает сомнения, что функционализм возник как отталкивание от эволюционизма и диффузионизма, как реакция на их крайности, но функционализм сам успел стать историей, а отголоски эволюционного подхода долго еще продолжали слышаться при исследовании истории человеческой культуры: что, как не эволюционизм, нашло свое отражение в советской археологической литературе 1920-х годов, на страницах которой господствовали автохтонизм и безудержная вера в трансформации даже контрастных форм материальной культуры друг друга. Г. Ф. Дебец неоднократно говорил автору этих строк, что основное достижение своей книги «Палеоантропология СССР» и представляющих ей работ он видит в том, что он выступил против гипотезы повсеместного автохтонизма и продемонстрировал на конкретном палеоантропологическом материале роль миграций и переселений значительных человеческих коллективов в формировании древнего населения и его культуры в разных районах нашей страны.

Но именно потому, что сам функционализм представляет собою мощное идейное течение, так же, как и эволюционизм, проникшее в разные сферы наук о человеке, небесполезно нетрадиционно взглянуть на его истоки в этом контексте и на роль его творца и идейного вождя Б. Малиновского в оформлении системы взглядов функционалистов. В серьезных трудах по истории этнографии, например в книге С. А. Токарева, признается основополагающая роль деятельности А. Р. Рэдклиффа-Брауна в развитии концепции функционализма, но и там его фигура поставлена на второе место после Б. Малиновского. Между тем это дань традиции, не вполне соответствующая исторической последовательности событий. Пафос книги А. А. Никишенкова я вижу в том, что он отчетливо показал: хотя Малиновский и напечатал больше монографических работ, но первая формулировка нового подхода, бесспорно, принадлежит Рэдклиффу-Брауну². Обычно ссылаются на то, что «Аргонавты запада Тихого океана» Малиновского и «Андаманские острова» Рэдклиффа-Брауна вышли одновременно, в 1922 г., но при этом упускается из виду, что первое издание второй из этих книг, хотя и более краткое, было опубликовано в 1908 г. Возможно, затененность фигуры Рэдклиффа-Брауна по сравнению с личностью Малиновского объясняется эксцентричностью его манеры выражения, не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что Рэдклифф-Браун весьма критически относился к последним работам Малиновского, упрекал его в биологизаторском подходе к социальным институтам, предлагал даже называть его взгляды «малиновскианизмом». Но историческая правда должна быть восстановлена: значение трудов Рэдклиффа-Брауна в разработке теоретических основ функционализма и его педагогической деятельности в Англии, Австралии, Южной Африке и США, в его распространении огромно, и он безусловно разделяет честь быть основателем этого идейного течения в этнографии и изучении истории культуры вместе с Малиновским.

Я ни в коей мере не являюсь поклонником работ К. Леви-Стросса в их совокупности; зачастую неясная логика, потребовавшая, кстати сказать, от него самого во многих случаях дополнительных литератур-

² Никишенков А. А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.

ных разъяснений; затемненность стиля, непривычная среди французских ученых; склонность к абстрактным рассуждениям, оторванным от конкретного фактического материала,— все это мешает целостному восприятию его взглядов. Многие из того, что приписано ему его учениками и горячими последователями, может быть, в менее явном виде содержится в трудах многих ученых предшествующих поколений. Проблему парных противопоставлений в обществе, занимающую большое место в концепции Леви-Стросса, Малиновский трактовал едва ли не глубже и интереснее в рамках более общего понятия симметрии, приложенного к социальным структурам. История этнографии дает много примеров своеобразного «мысленного пируэта»: при информативной недостаточности в области конкретных ли фактов или их социологической, экономической, хозяйственно-культурной, географо-этнографической интерпретации исследователи часто прибегали к психологическому объяснению. Психологизм Леви-Стросса, во многом оторванный от конкретной жизни изучаемых им обществ и опирающийся на достаточно абстрактные, в значительной мере им самим предложенные модели психологических структур, не проверенные экспериментально ни психологически, ни физиологически, также нельзя считать силой стороны его творчества.

Тем не менее отсутствие даже упоминания структуралистского направления в статье, посвященной школам и методам в этнографии, кажется не очень оправданным. Влияние структуралистов громадно во всех странах мира. В Институте этнографии АН СССР защищена кандидатская диссертация, посвященная творчеству К. Леви-Стросса, и ведутся на русском языке его работы, в наших журналах печатаются посвященные ему очерки, развиваются структуралистские исследования советских специалистов в изучении мифа, литературоведения, истории и истории, сама методология, да и методика имеют генетические корни в советской науке: «Морфология сказки» В. Я. Проппа была опубликована в 1928 г., когда Леви-Стросс был студентом. А главная интерпретационная сила структуралистской концепции в ряде областей выше, чем ее предшествующих, она предлагает более общие объяснения.

В заключение не могу не сказать, что с благодарностью отношусь к инициативе «Советской этнографии», позволившей обсудить многие актуальные проблемы как содержания, так и истории этнографической науки.

И. И. Шангина

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ ЛЕНИНГРАДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1918—1923 гг.)

Среди множества этнографических музеев нашей страны выделяют-ся два старейших, пользующиеся особой популярностью. Оба они на-ходятся в Ленинграде. Это Музей антропологии и этнографии им. Пет-ра Великого (МАЭ; преемник основанной Петром I в 1714 г. Петер-бургской кунсткамеры)¹ и Государственный музей этнографии наро-дов СССР (ГМЭ; создан в 1934 г. на базе образованного в 1902 г. Эт-нографического отдела Русского музея)². Музеи эти обладают огром-ными ценнейшими коллекциями и являются поэтому важнейшей источ-никовой базой этнографической науки. Они участвуют в разработке актуальных проблем этнографии, вносят большой вклад в формирова-ние методики этнографических исследований и музейного дела. В то же время музеи играют большую роль в пропаганде идей социализма, национальной политики партии, в борьбе за подъем идеологического, нравственного состояния общества и его культуры.

Настоящая статья посвящена деятельности этнографических музе-ев Петрограда в 1918—1923 гг. В это тяжелое время гражданской вой-ны, интервенции и послевоенной экономической разрухи были заложены основы для преобразования этнографических музеев из учреждений сугубо научных в учреждения, по словам А. В. Луначарского, «не толь-ко для ученых и художников, но для народа»³. В статье рассматрива-ются лишь те специфические стороны музейной работы, в которых чер-ты нового проявились особенно ярко. Научно-исследовательская дея-тельность музеев, а также их роль в подготовке кадров советских уче-ных, не анализируются, так как достаточно хорошо освещены в этно-графической литературе⁴.

¹ Решетов А. М., Станюкович Т. В. К 100-летию создания этнографического и ан-тропологического центра Академии наук//Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1980. С. 6—7 (Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР — да-лее: Сб. МАЭ. Т. XXXV).

² Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографиче-ских музеев Академии наук). Л., 1978. С. 136—137; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской вла-сти//Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. VII. С. 9, 40.

³ Закс А. Б. Речь А. В. Луначарского на конференции по делам музеев//Археогра-фический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 214.

⁴ Станюкович Т. В. Указ. раб. С. 117—120; Токарев С. А. Из истории этнографи-ческих исследований Академии наук//Советская этнография (далее СЭ). 1974. № 2. С. 11—19; его же. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930 г.)//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антрополо-гии. М., 1971. Вып. 5. С. 111—120 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 95); Антропо-ва В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.)//СЭ. 1972. № 6. С. 19—27; Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные тен-денции развития советской этнографии//Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975.

Первый день Советской власти для ученых хранителей Этнографического отдела Русского музея начался с экстренного заседания совета музея, собранного по просьбе большевика Г. С. Ятманова, назначенного Военно-революционным комитетом комиссаром по охране музеев дворцов и художественных коллекций. Представитель революционной власти объявил о победе пролетарской революции и решении правительства принять на себя охрану музея на случай военных действий. Вскоре к музею подошел наряд солдат революционного Павловского полка и приступил к несению караульной службы. Спустя несколько дней, 4 ноября, Г. С. Ятманов в донесении Военно-революционному комитету писал: «В музее все благополучно»⁵.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции поставила перед учеными этнографическими музеями, как и перед всей русской интеллигенцией, вопрос об отношении к Советской власти. В первые недели после Октября среди большей части научного персонала музея царил растерянность. С. Ф. Ольденбург, неприменный секретарь Академии наук, известный востоковед, заведующий секцией буддизма МАЭ, впоследствии вспоминал: «Многим не ясен был сразу смысл величайших перемен в нашей жизни»⁶, «были минуты, когда казалось — гибнет культура и связанная с ней наука, когда казалось — никому они не нужны в том великом перевороте, который так быстро совершился»⁷. Атмосферу тех дней хорошо передал Д. А. Золотарев в статье, посвященной памяти своего старшего коллеги и учителя Ф. К. Волкова, хранителя Этнографического отдела, умершего в июне 1918 года. Ученый с сочувствием описывает тяжелую драму, которую переживал старый ученый, пытаясь понять сложные революционные события, свидетелем которых он был⁸. Такое состояние части русской интеллигенции не должно удивлять, ибо, как писал В. И. Ленин, «...на самых крутых пунктах столь крутого переворота, когда кругом со страшным шумом и треском подламывается и разваливается старое, а рядом в неопределенных муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние»⁹.

В первые дни после победы Октябрьской революции хранители Этнографического отдела Русского музея, не понимая смысла происшедших событий и пытаясь быть независимыми от них, заявили народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому: «Не признавая принципов, проводимых властью, мы остаемся на посту по чувству долга»¹⁰. Обслуживающий же персонал музея, так называемые младшие служащие: фотографы, реставраторы, «служители зал», рабочие — сразу и безоговорочно признали Советскую власть.

Однако уже в декабре 1917 г. позиция большинства ученых Этнографического отдела существенно изменилась. Заведующий отделом Н. М. Могиланский, один из немногих его сотрудников, эмигрировавших из Советской России, характеризуя ситуацию конца декабря 1917 г., вынужден был констатировать: «Из оппозиции интеллигенции и шедшей на убыль интеллигентской стачки ровно ничего не вышло»¹¹.

Переход ученых этнографических музеев на сторону революционного народа был вполне закономерен: среди этнографов, хорошо знав

⁵ Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета // Сб. документов / Под ред. Белова Г. А. и др. М., 1957. С. 80.

⁶ Цит. по: Базиянц А. П. Две встречи С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным и развитие советского востоковедения // С. Ф. Ольденбург. М., 1986. С. 23.

⁷ Ольденбург С. Ф. В. А. Стеклов. Некролог // Научный работник. 1925. № 5—С. 3.

⁸ Золотарев Д. А. Ф. К. Волков. Некролог // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 356.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 78.

¹⁰ Архив Государственного музея этнографии народов СССР (далее — АГМЭ) Ф. 2, оп. 1, д. 12. л. 7.

¹¹ Варшавский С., Рест Б. Билет на всю вечность. Повесть об Эрмитаже. М., 1986. Ч. 1—2. С. 139.

ших в силу специфики своей работы жизнь народа, его нужды и заботы, было много людей с прогрессивными взглядами; некоторые из них (Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Э. К. Пекарский, А. А. Макаренко) принимали участие в революционно-демократическом движении, отбывали ссылку и заключение в царской тюрьме. На позицию этнографов Музея антропологии и этнографии большое влияние оказало также принятое в начале 1918 г. решение Академии наук о сотрудничестве с Советской властью.

В архиве Русского музея хранится документ о совещании 27 января 1918 г., на котором присутствовало 65 человек. На повестке дня стояли два вопроса: «Об отношении общего собрания служащих к Совету народных комиссаров» и «О поддержке Советской власти». Собрание единогласно постановило «оказать полное доверие во всех его (Совета народных комиссаров. — *И. Ш.*) действиях, власть народных комиссаров против контрреволюции поддерживать с оружием в руках»¹².

Победа Октябрьской революции поставила перед научными учреждениями, в том числе музеями, новые задачи. Музеи должны были организовать свою работу так, чтобы быть полезными строящему социализму государству. Эти задачи вытекали из выдвинутого в январе 1918 г. Советом Народных комиссаров и принятого общим собранием Академии наук в феврале 1918 г. «Проекта мобилизации науки для нужд государственного строительства».

В эти революционные годы одной из самых важных была задача охраны культурно-исторических ценностей. События военных лет, интервенция, гражданская война представляли опасность и для памятников культуры, сосредоточенных в музеях, и особенно для предметов старины, искусства и народного творчества, находившихся у частных лиц. Владельцы дворцов, особняков, богатых квартир, антикварных магазинов Петрограда, напуганные революционными событиями, продавали иностранцам, увозили за границу или бросали в опустевших квартирах огромные художественно-исторические ценности. Для организации работ по охране памятников культуры и управлению музеями в ноябре 1917 г. при Наркомпросе была создана Петроградская (с августа 1918 г. после объединения с московской коллегией — Всероссийская) коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины во главе с Г. С. Ятмановым, в состав которой вошли известные ученые, художники, архитекторы, музейные работники: неперменный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, академик Н. Я. Марр, И. А. Орбели, директор (с осени 1918 г.) Государственного Эрмитажа С. Н. Троицкий, художник и искусствовед Александр Бенуа, ученые этнографического отдела: академик А. А. Миллер (с марта 1918 г. — директор Русского музея и заведующий Этнографическим отделом), профессор К. К. Романов, хранитель отдела¹³. С. Ф. Ольденбург, пользовавшийся огромным авторитетом в научных кругах, и К. К. Романов, известный специалист в области средневековой русской архитектуры и народного жилища, один из деятельных членов организованного до революции Общества охраны памятников искусства и старины, занимали в коллегии посты «товарищей председателя». Активным членом коллегии был и А. А. Миллер, еще до революции уделявший много внимания вопросам музейного дела. Этнографы приняли участие в выработке двух важнейших декретов Советской власти: декрета от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и о сохранении памятников искусства и старины (как монументальных, так и вещественных), находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» и декрета от 19 сентября 1918 г. «О запрещении вывоза за границу предметов

¹² Архив Государственного Русского музея (далее — АГРМ). Оп. 6, д. 68, л. 13.

¹³ Кейрим-Маркус М. Б. Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса. Ноябрь 1917 — середина 1918 г. М., 1980. С. 131; Архив Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР (далее АЛОИА). Ф. 29, д. 829, л. 8; АГМЭ. Ф. 2, оп. 3, д. 21.

искусства и старины без разрешений, выдаваемых Народным комиссариатом просвещения». К. К. Романов участвовал, кроме того, в разработке основ деятельности одного из важнейших исполнительных органов коллегии — Комиссии по охране памятников искусства и старины, получившей в ноябре 1921 г. название Государственный музейный фонд¹⁴. Комиссия проделала большую работу по сосредоточению в зданиях и специально созданных хранилищах национализированных и оставленных уехавшими за границу владельцами произведений искусства и старины.

В работе по сохранению культурных ценностей были заняты и сотрудники этнографических музеев. Они выполняли роль экспертов при осмотре государственными органами частных коллекций, занимались отбором экспонатов в национализированных дворцах и усадьбах, обследовали рынки и антикварные магазины, куда в 1917—1919 гг. поступало много художественных и этнографических ценностей. Музейные сотрудники хорошо знали владельцев всех частных этнографических коллекций Петрограда и поддерживали с ними тесные контакты. По их совету многие коллекционеры сдали на хранение в этнографические музеи наиболее ценные предметы народного творчества. Впоследствии большая их часть волилась в собрания музеев¹⁵. В случае смерти коллекционера или отъезда его за границу оставшиеся бесхозными коллекции, благодаря оперативности музейных работников, быстро и без потерь поступали в музеи. Так, например, были сохранены огромная коллекция старинных русских костюмов и украшений художника С. С. Соломко, эмигрировавшего в 1920 г., коллекции этнографических предметов, собранные Е. М. Бем, Н. И. Кульбиным, К. Д. Долматовым, Э. Э. Ухтомским, Н. Ф. Романченко и другими известными коллекционерами¹⁶.

Трудно переоценить также роль ученых 1920-х годов в сохранении коллекционных собраний в музеях. Длившаяся почти четыре года первая мировая война, тяжелое политическое и экономическое положение страны, оказавшейся в 1918—1920 гг. во вражеском окружении, экономические трудности 1921—1923 гг. — все это самым непосредственным образом сказалось на этнографических музеях: здания их требовали капитального ремонта, экспонатам в неотапливаемых хранилищах грозила гибель из-за сырости, холода, отсутствия дезинфицирующих средств. В этих условиях сотрудники музеев делали все, что было в их силах, для спасения уникальных коллекций: сушили и чистили экспонаты, откачивали воду, попавшую в хранилища в связи с повреждением водопроводной сети, обрабатывали зараженный «оловянной чумой» материал, охраняли здание музея от ограбления, грузили поступающие в нем в большом количестве дрова. В отчете о работе Этнографического отдела Русского музея за 1922 г. констатируется: «При отсутствии средств и удовлетворение самых неотложных потребностей отдела, его личный составу, крайне малочисленному и материально совершенно не обеспеченному, стоило чрезвычайных усилий поддерживать жизнь столь сложного по своим задачам и их выполнению государственного учреждения, каким является Этнографический отдел»¹⁷.

Другой важной государственной задачей музеев, в решении которой принимали участие и этнографы, была реорганизация музейного дела в стране, являвшаяся частью начатых Коммунистической партией коренных преобразований в области культуры и науки. Эта реорганизация должна была привести к созданию сети музеев, способных стать цен-

¹⁴ В личном фонде К. К. Романова, хранящемся в АЛЮИА, имеются проекты новиков декретов и положений Комиссии, готовые тексты с исправлениями, что свидетельствует о непосредственном его участии в создании этих важнейших документов первых лет Советской власти (ф. 29, д. 832, л. 21, 49—51).

¹⁵ АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 48а, л. 77; д. 32а, л. 16об. 17; д. 11а, л. 39; д. 26, л. 76.

¹⁶ Архив Государственного Эрмитажа (далее — АГЭ). Ф. IV, оп. 1, д. 838, л. 113; АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 10; д. 40; Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее — ЛОА АН СССР). Ф. 142, оп. 1 (1923), д. 3, л. 25.

¹⁷ Отчет Русского музея за 1922 г. Пг., 1923. С. 35.

рами в борьбе за общекультурный подъем страны. А. А. Миллер, С. Ф. Ольденбург, К. К. Романов как члены Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины участвовали в разработке принципов научной организации сети музеев, в перестройке деятельности старых музеев и создании новых, в распределении национализированных коллекций между музеями. Они многое сделали и для организации первого в Советской России Музея Октябрьской революции, открытого в Петрограде в ноябре 1919 г. С их помощью в музеи были превращены дворцы Павловска, Царского Села, Ораниенбаума, Гатчины, Петергофа, открыты в 1918—1921 гг. мемориальные музеи, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского и других выдающихся деятелей литературы, искусства, науки. Важную роль сыграли этнографы и в создании сети краеведческих музеев. Д. А. Золотарев, хранитель Этнографического отдела Русского музея с 1918 г., и С. И. Руденко, заведовавший этим отделом с 1921 г., всемерно содействовали созданию местных музеев в Костромской, Ярославской, Вологодской, Тверской губерниях. В организации краеведческих музеев в отдаленных районах страны принимали участие направленные туда на практику студенты этнографического факультета Географического института, пользовавшиеся при этом ценными консультациями Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза.

Выполняя задачи, поставленные перед музеями государством, этнографы много внимания уделяли и собственно музейной работе: собирательской, экспозиционно-выставочной, просветительской. Уже в первые годы Советской власти они осознавали необходимость принципиально нового подхода к традиционным видам музейной деятельности. «В настоящее время,— говорил А. А. Миллер в апреле 1918 г. на заседании совета Этнографического отдела Русского музея,—желательно и своевременно пересмотреть все основы деятельности Этнографического отдела, а также его организации, и в переустройстве выдержать известную цельность и планомерность на основе общегосударственного музейного строительства»¹⁸. На заседаниях совета Этнографического отдела, состоявшего из хранителей музея и приглашенных в совет академиков С. Ф. Ольденбурга, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, в 1918—1919 гг. были уточнены профиль музея, основные направления научных исследований, проанализированы характер и особенности поступавшего начиная с 1902 г. материала, дана оценка применявшейся музеем методики комплектования и регистрации экспонатов, рассмотрены вопросы создания «показательной части музея», т. е. экспозиций и временных выставок¹⁹. В июле 1919 г. совет Этнографического отдела принял эти уточнения, так называемую формулу программы. В ней подтверждалось, что Этнографический отдел по-прежнему остается научным музеем, занимающимся «изучением народного быта и искусства народностей и племен России» с целью дать объективную характеристику «народных организмов во всей совокупности их бытовых особенностей»²⁰. Работа по упорядочению деятельности Этнографического отдела продолжалась вплоть до 1921 г., когда окончательно был утвержден профиль отдела, составлено новое штатное расписание, произведены переборы членов его совета и всего научного персонала. Заведующим Этнографическим отделом был избран С. И. Руденко, он же стал хранителем отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока; хранителем отделения этнографии великорусской и финской был избран Д. А. Золотарев, Украины, Белоруссии и зарубежных славян — Б. Г. Крыжановский, Кавказа и Средней Азии — А. А. Миллер²¹. Все они возглавляли работу отделов вплоть до конца 1920-х годов. Проведенная Этногра-

¹⁸ АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 11а, л. 10.

¹⁹ Протоколы заседаний совета по этим вопросам//АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 11, 11а, 32, 32а.

²⁰ Там же, д. 32а, л. 13 об.

²¹ Отчет Русского музея за 1922 год. С. 3—4.

фическим отделом Русского музея реорганизация не повлияла на основное направление его научной деятельности.

Задачи и профиль работы Музея антропологии и этнографии также остались прежними. В мае 1918 г. на заседании научного совета музея посвященного памяти В. В. Радлова, было решено «сохранять и оберегать установившиеся за время управления В. В. Радлова музеем научные и технические традиции, продолжая неуклонно работать в том же духе и направлении, в каком неизменно вел музей покойный его преобразователь и устроитель, создав из него научный институт, конечную цель которого он видел не в собирании только объектов человеческой культуры, но и в широкой научной разработке всех вопросов, связанных со статикой и динамикой культуры всего человечества»²².

Оба музея — ГМЭ и МАЭ — по-прежнему рассматривались главным образом как научные центры с программой исследований, выработанной еще до революции (совещания 1901 г.). В годы, когда советская этнографическая наука и советское музееведение делали только первые шаги, ожидать каких-либо кардинальных перемен было трудно. Однако и тогда в музеи проникало много нового, отвечавшего духу времени постепенно менявшего характер деятельности этих крупнейших в стране научных и просветительских центров.

Одним из важных разделов научной работы музеев было комплектование коллекций. Собирательской работе этнографы всегда придавали большое значение, так как считали музеи своеобразной «памятью человечества», где «запечатлены и оставлены для потомков лучшие и интереснейшие стороны исчезнувшего»²³. Особое значение, по их мнению, приобретают музеи в переломные годы истории, когда меняются привычные бытовой и хозяйственный уклады, рушатся устоявшиеся веками традиции, с особенной быстротой исчезают ценнейшие этнографические памятники, потеря которых невозможна для науки. Кроме того, ученые считали своим долгом сохранить для потомков вещественные и документальные памятники, характеризующие быт и культуру населения революционной эпохи, экспонаты, свидетельствующие о зарождении новой культуры²⁴. Именно поэтому собираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА музеев не прекращалась даже в самые тяжелые годы гражданской войны и интервенции. В период с 1 января 1918 по 1 января 1924 г. в Этнографический отдел Русского музея поступило 13 472 экспоната²⁵, в 1920—1921 гг. в Музей антропологии и этнографии было принято 1525 экспонатов²⁶. Способы комплектования коллекций в 1918—1923 гг. были разнообразными: сбор в ходе экспедиций, приобретение у коллекционеров и скупщиков редкостей. Новым важным источником пополнения этнографических собраний в эти годы были хранилища Музейного фонда, сосредоточившие памятники культуры из национализированных дворцов, особняков, помещичьих усадеб. В этнографические музеи из Музейного фонда поступали крупные, уникальные по составу коллекции. Понимая важность и необходимость использования всех способов приобретения экспонатов, этнографы все-таки предпочитали экспедиционный сбор. Они считали, что полученный специалистом-этнографом во время работы в поле хорошо аннотированный вещевой материал дает более точное представление о традиционной культуре народа, чем материал (даже уникальный!), приобретенный через посредников. Экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА в первые послереволюционные годы не могла развернуться так широко, как этого хотелось бы этнографам. Государство не имело тогда возможности выделить большие средства

²² ЛОА АН СССР. Ф. 142, оп. 1 (до 1918), д. 47, л. 5.

²³ Бенца А. Н. Дворцы-музеи//Музей. 1923. № 1. С. 24.

²⁴ Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919—1925)// Материалы этнографии. Л., 1926. Т. III. Вып. 1. С. 143—145; его же. Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л. 1926. С. V—VI; Ольденбург С. Ф. Научная работа музеев//Музей. 1923. № 1. С. 14

²⁵ АГРМ. Оп. 6, д. 351, л. 58.

²⁶ ЛОА АН СССР. Ф. 142, оп. 1 (1920), д. 1, л. 2, 4; оп. 2 (1921), д. 2, л. 2.

на экспедиционную работу музеев. Музей антропологии и этнографии в эти годы практически не занимался полевым сбором предметов. Его сотрудники, принимая участие в экспедициях Географического института и Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), собирали лишь информационный материал. Этнографический отдел Русского музея на отпущенные ему средства мог направлять в кратковременные командировки двух-трех человек в год, причем только в близлежащие к Петрограду губернии. Этнографы пытались найти выход из создавшегося положения. Одним из путей сбора материалов они считали участие сотрудников музеев в экспедициях, организуемых Академией наук для изучения природных ресурсов страны. Эти экспедиции, как правило, сравнительно хорошо финансировавшиеся, могли включить в свой состав этнографа, но при условии выполнения им определенной работы по изучению промысловой деятельности населения. В 1919 г. в такой экспедиции в районе Ладожского озера работал А. А. Миллер, в 1920—1921 гг. в составе Олонечкой научной экспедиции Гидрологического института — Д. А. Золотарев, в Северно-промысловой — ассистент отдела Л. Л. Капица. Сбор вещевого этнографического материала проводился также в экспедициях, организованных Академией наук для изучения национального состава населения страны в связи с развернувшимся в эти годы национально-государственным строительством²⁷. Однако, в такого рода экспедициях и кратковременных командировках, задачи которых были нередко далеки от задач этнографических, удавалось собрать, как справедливо писал В. Г. Богораз, только разрозненные предметы материальной культуры, представляющие для этнографов меньший интерес, чем коллекции²⁸.

Музейные работники тех лет полагали, что достаточно полные, хорошо аннотированные коллекции, отражающие реальное состояние традиционной культуры народа, можно собрать лишь во время длительных (не менее двух лет) этнографических экспедиций исследовательского характера, где сбор вещевого материала составляет только часть рабочей программы, т. е. в так называемых стационарных экспедициях. Такого типа полевая работа была хорошо известна русским этнографам, принимавшим участие в конце XIX — начале XX в. в стационарных экспедициях ученых Западной Европы и Америки. В начале 1920-х годов специалисты Этнографического отдела Русского музея и этнографы Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК, впоследствии ГАИМК) организовали первую в стране стационарную экспедицию по изучению русского и карельского населения Верхней Волги. Верхневолжская экспедиция в составе 20 человек, возглавлявшаяся Д. А. Золотаревым, работала в течение пяти лет, с 1921 по 1925 г., на территории Ярославской, Тверской и прилегающих к ним районов Вологодской и Костромской губерний. Научной задачей экспедиции было установление «на основании антропологических, лингвистических и этнографических исследований этнологических особенностей населения»²⁹, выявление этнокультурных связей русских и карел, фиксация тех изменений, которые произошли в быту и культуре населения Верхней Волги под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Этнографы, кроме того, должны были собрать вещевой материал, отражающий этнографическую ситуацию в изучаемом районе. Несмотря на тяжелые условия работы программа экспедиции была выполнена: собран огромный информационный материал и большие, хорошо сформированные коллекции³⁰.

²⁷ АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 5; Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений по антропологии, палеонтологии и этнографии за последние десять лет//Человек. 1928. № 2—4. С. 249.

²⁸ ЛОА АН СССР. Ф. 250, он. 1, д. 5, л. 1; оп. 3, д. 168, л. 92.

²⁹ Еремин С. Разряд этнографии Государственной Академии истории материальной культуры//Человек. 1928. № 4. С. 86.

³⁰ Экспонаты, собранные экспедицией, хранятся в ГМЭ, фотонегативы — в ГМЭ и ЛОИА. Список опубликованных материалов экспедиции см.: Еремин С. Указ. раб. С. 86.

Верхневолжская экспедиция сыграла очень важную роль в разработке методики стационарных экспедиций в СССР. Она показала, что и классическая форма, принятая специалистами Америки и Западной Европы, не подходит для изучения населения нашей страны. С. Ф. Ольденбург, Д. А. Золотарев и другие исследователи пришли к выводу, что систематическое этнографическое изучение народов СССР и планомерный сбор соответствующих материалов можно осуществить путем развития краеведческого движения, которым будут руководить центральные этнографические учреждения³¹. Для реализации этой идеи необходима была широкая сеть краеведческих музеев с квалифицированными кадрами, которой в те годы в стране не было.

Другую возможность проведения широких исследований и сбора экспонатов в условиях 1920-х годов этнографы видели в организации в районах, подлежащих изучению, так называемых этнографических станций, своеобразных «наблюдательных пунктов, которые, наподобие физических или астрономических обсерваторий, могли бы собирать и сообщать местные этнографические данные по вопросам, возникающим у исследователей»³². В январе 1923 года Д. А. Золотарев подал совет Русского музея «Записку по вопросу об учреждении этнографических станций на местах» и «Положение об этнографических станциях Русского музея»³³.

В записке указывалось на необходимость создания пяти станций, работники которых должны были быть штатными сотрудниками Этнографического отдела. В их задачу входило обследование каждого населенного пункта, находящегося в районе действия станций, для сбора этнографических сведений и предметов. Материал, полученный станциями, следовало передавать в Этнографический отдел для научной обработки и обобщения. Станция по мере выполнения возложенных на нее задач в одном районе, должна была перебазироваться в другой, и там продолжать сбор материала по той же программе. Тем самым, по мнению Д. А. Золотарева, обеспечивалось длительное, систематическое исследование народной культуры и квалифицированное комплектование музейных фондов. В ответ на ходатайство Русского музея Петроградское отделение Академического центра Наркомпроса, которому в 1921 г. подчинялись музеи, разрешило организацию одной опытной станции в с. Усть-Цильма Печорского уезда Архангельской губернии. Первым ее сотрудником был Д. Д. Травин, студент Географического института, где преподавали Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз. За время работы в Усть-Цильме Д. Д. Травин собрал для обоих этнографических музеев Петрограда интересные коллекции по быту и культуре русских и ненцев³⁵.

В начале 1920-х годов этнографы, занимаясь хранением, сбором и изучением вещественных памятников народной культуры, много внимания уделяли экспозиционно-выставочной работе или, как говорили тогда, «показательной части» музея. По мнению этнографов, как и других музейных работников тех лет, лишь наличие экспозиции делает музей полнокровным организмом, «создает музей как целое», ибо «во многих случаях никакая книга, никакая лекция не могут дать того, что дает самое обозрение памятников»³⁶. Экспозиционно-выставочная работа в те годы рассматривалась как одно из важных направлений научной деятельности музея. С. Ф. Ольденбург писал, что создание выставок

³¹ Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений. С. 254; Ольденбург С. Ф. Научная работа музеев//Музей. 1923. № 1. С. 15.

³² Виноградов Г. С. Этнография и современность. Иркутск, 1923. С. 21.

³³ АГРМ. Оп. 6, д. 307, л. 31—32; АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 128, л. 1.

³⁴ АГРМ. Оп. 6, д. 305, л. 8.

³⁵ Травин Д. Д. Задачи этнографических работ на Печоре. Архангельск, 1921; также Каменецкая Р. В. Предметы традиционной культуры русских старожилов долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д. Д. Травина//Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л., 1982 (Сб. МАЭ, т. XXXVIII).

³⁶ Тройницкий С. Н. Основы строительства гуманитарных музеев//Музей. 1922. № 1. С. 20.

«одни из самых в научном отношении решающих и ответственных моментов музейной работы...», здесь должно максимально проявиться научное творчество музейного работника»³⁷. Подобная точка зрения отвечает и современным представлениям об экспозиционно-выставочной работе. Однако в 1918—1919 гг. некоторые этнографы, исходя из этого положения, утверждали, что музейные экспонаты должны иметь «исключительно научный характер». Такая экспозиция должна, по их мнению, дать «ученому посетителю» возможность исследовать, опираясь на выставленные вещи, эволюцию народной культуры, ее генезис, провести сравнительный анализ культурных явлений у народов земного шара. Соответственно, основной считалась задача показать вещи «во всей их научной полноте», сериями, во всех вариантах и разновидностях, в исторической и эволюционной последовательности. «Научный музей есть лаборатория,— писал в 1919 г. теоретик музейного дела искусствовед Ф. И. Шмит,— и в нем подбирается материал, необходимый для научных работ...; туда широкую публику пускать нельзя, да и незачем — публике там делать нечего»³⁸. Большая же часть музейных работников понимала, что в стране, где так велика тяга народных масс к знаниям, музеи не имеют права создавать выставки «исключительно научного характера», доступные лишь немногим. С. Н. Тройницкий считал, что музей должен быть полезен для всех посетителей, «будь то ученый, студент высшей школы, ученик, рабочий или просто обыватель... В противном случае музей, как бы ни были обширны его коллекции и учен его персонал, теряет всякое воспитательное значение и превращается в нечто подобное закрытой лаборатории»³⁹. Этнографы стремились к созданию экспозиций, в которых бы строгая научность сочеталась с популярностью экспозиционного изложения. Первым опытом в этом направлении была открытая в октябре 1918 г. экспозиция Музея антропологии и этнографии, посвященная народам Африки, Америки, Азии и Австралии. И хотя по своему характеру это была вещеведческая экспозиция, рассчитанная в основном на образованную публику, она способствовала и просвещению того простого посетителя (рабочих, крестьян, красноармейцев, матросов), который заполнил залы музеев после победы пролетарской революции. Доступной и понятной ее делали включенные в экспозицию карты, популярные тексты, фотографии и другие материалы.

Опыт МАЭ был использован при строительстве в 1920—1923 гг. экспозиций Этнографического отдела. Ученые Русского музея хотели показать «в ярких, по возможности, образах» особенности традиционных форм хозяйства, быта и культуры народов Советского Союза в исторической перспективе (от прошлого к настоящему). Это была новая задача и для ее решения потребовались новые экспозиционные приемы, новый подход к отбору экспонатов и художественному оформлению⁴⁰.

В основу структуры экспозиций был положен этнический признак, т. е. каждая экспозиция посвящалась показу традиционной культуры того или иного народа. Внутри экспозиции материал располагался тематически — выделялись такие темы, как земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, ремесла, жилище, одежда, праздники, народное искусство, причем центральное место занимали экспонаты, показывающие наиболее важные стороны быта и культуры того или иного народа. Такой подход к распределению материала на экспозициях позволял охарактеризовать особенности народной культуры.

Авторы хотели также продемонстрировать развитие народной культуры во времени — от древности до наших дней, считая возможным даже показ археологических памятников, если в них прослеживается

³⁷ ЛОА АН СССР. Ф. 142, оп. 1 (1922), д. 1, л. 4.

³⁸ Шмит Ф. И. Исторические, этнографические, художественные музеи // Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919. С. 39—40.

³⁹ Тройницкий С. Н. Указ. раб. С. 20.

⁴⁰ Крыжановский Б. Г. Принципы экспозиции этнографического музея // Музейное дело. Л., 1926. С. 3—20.

четкая связь с культурой современных этнических групп⁴¹. Эта попытка несомненно заслуживающая внимания, однако, не увенчалась успехом. Причиной тому были как неразработанность теоретических вопросов этноархеологии, так и отсутствие необходимых экспонатов.

На экспозицию отбирались вещи, широко распространенные у населения, типичные, причем (в отличие от более ранних этнографических выставок) в небольшом количестве. «Нет нужды загромождать шкафы витрины и щиты массой предметов в ущерб показательности, когда варианты и детали в большинстве случаев интересны только специалистам, а последние имеют к своим услугам основные собрания, хранящиеся притом в условиях несравненно более удобных для изучения, чем предметы на выставке, прикрепленные к щитам или одетые на манекенах»⁴², — писали этнографы в первом путеводителе по открытым для обозрения залам музея.

Ставя перед собой задачу сделать экспозицию понятной и интересной для рядового посетителя, этнографы включили в нее кроме вещей много плоскостного материала (этнические карты, чертежи, схемы, планы, фотографии, рисунки), как бы комментировавшего, разъяснявшего смысл и назначение выставляемых вещей, раскрывавшего те стороны народной жизни, которые нельзя было показать на вещах. Особое большое значение придавалось фотографиям, позволяющим как бы воссоздать «жизненную обстановку», в которой когда-то находились выставленные в шкафах и на щитах предметы народного быта, представить духовную жизнь народа: праздники, обычаи, обряды и т. п. Для того, чтобы передать зрителю «дух обстановки, в которой живет человек», в экспозицию вводились так называемые бытовые или жизненные комплексы, т. е. группы предметов в том сочетании, в каком они находились в народном быту: интерьеры жилищ, мастерских, святилищ⁴³.

Экспозиции Этнографического отдела Русского музея, как и экспозиции Музея антропологии и этнографии пользовались большим успехом. В 1923 г. Этнографический отдел посетило (с 3 июня — момента открытия) 13 228⁴⁴, а МАЭ — 27 547 человек⁴⁵. При этом на экскурсии приходили не только специалисты, любители этнографии, студенты, но также рабочие, крестьяне, т. е. все те люди, перед которыми после революции открылись двери музеев. В отчете МАЭ за 1921 г. говорится: «За последние годы особенно заметным стал рост сознательного отношения к поучительному материалу музейных собраний. Вместо случайной публики музей стал посещаться организованными местными и иногородними экскурсиями учащихся, кружков самообразования, групп красноармейцев и матросов»⁴⁶.

Итак, этнографические музеи Петрограда в первые годы Советской власти провели работу, масштабы и значение которой трудно переоценить. Связанная с охраной художественно-исторических ценностей, развитием музейного дела в стране работа эта приобрела общегосударственное значение. Внутренняя жизнь этнографических музеев характеризовалась стремлением к совершенствованию всех видов деятельности: была начата разработка методики сбора материалов, определены основные принципы создания «монографических» экспозиций для народов, сделаны первые шаги в области просветительной работы среди трудящихся — новых посетителей музеев. Научные исследования музеев приобрели ярко выраженный практический характер. В первое послеоктябрьское пятилетие ученые этнографических музеев проявили большое гражданское мужество, самоотверженность, уважение к народу, победившему в революции, и сумели всей своей деятельностью стать полезными Советскому государству.

⁴¹ Там же. С. 12—13.

⁴² Этнографический отдел Русского музея. Пг., 1923. С. 8—9.

⁴³ Крыжановский Б. Г. Указ. раб. С. 4—5; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. И. Указ. раб. С. 17.

⁴⁴ Отчет ГРМ за 1923 г. и 1924 г. Л., 1925. С. 30.

⁴⁵ ЛОА АН СССР. Ф. 142, оп. 1 (1924), д. 1. л. 7.

⁴⁶ Там же. Ф. 142, оп. 1 (1921), д. 2, л. 13.

В. П. Кривоногов

**К СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В ТОФАЛАРИИ**

В 1985 г. этнографический отряд¹ изучал современные этнические процессы у тофаларов². По специальному опросному листу³ были опрошены все жители коренной национальности. Опросные листы в сокращенном варианте заполнялись со слов родителей на всех детей, со слов родственников — на всех временно отсутствующих. Таким образом, опросом было охвачено 596 человек — 100% коренного населения Тофаларии⁴. В сочетании с результатами бесед с информаторами и изучением статистических данных опрос дал необходимый материал, помогающий раскрыть характер этнических процессов среди тофаларов на современном этапе.

Тофалары, небольшая тюркоязычная народность, проживают в Восточных Саянах на границе с Тувой и Красноярским краем. Площадь Тофаларии — 27 тыс. км². Все три села связаны авиационными линиями с г. Нижнеудинском, расположенным к северу от Тофаларии на Транссибирской магистрали. Численность тофаларов за последние 150 лет изменялась мало, составляя примерно 0,4—0,5 тыс. чел.⁵. Данные последних переписей населения по Иркутской области таковы: 1959 г. — 429 чел., 1970 — 507, 1979 — 515 чел. (из них в Тофаларии — 476 чел.)⁶. В целом по СССР в 1979 г. тофаларов было 763⁷.

В последние годы наметилась тенденция к увеличению численности тофаларов. Только за 6 лет с 1979 г. (данные переписи) по 1985 г. (полевые материалы автора) на исследованной территории она возросла с 476 до 596 чел. при ежегодном приросте не менее 3% в год. Детей до 15 лет среди тофаларов было 38,4%, т. е. возрастная пирамида имеет широкое основание; количество же пожилых людей (60 лет и старше) невелико — 6,2%. По этим показателям тофалары приближаются к народам Средней Азии (т. е. к народам с высоким уровнем рождаемости), но природа таких показателей здесь совершенно иная. Рождаемость у тофаларов не слишком велика, семьи также небольшие — в среднем 3,9 чел. Обнаруженный нами «демографический взрыв» произошел

¹ В составе отряда работали студенты-историки Омского гос. ун-та, Абаканского пединститута и Кемеровского гос. ун-та под руководством автора статьи.

² Сами коренные жители на русском языке называют себя «тофы», так же записано в паспортах, но в научной литературе утвердился этноним «тофалары».

³ В качестве образца анкеты взят один из вариантов опросного листа, который составлен в Институте этнографии АН СССР сектором конкретных социологических исследований (ныне отдел этносоциологии) под руководством Ю. В. Арутюняна и несколько переработан применительно к условиям Тофаларии.

⁴ Тофаларии как административной единицы не существует. Однако этим термином называется вполне определенная территория, на которой расположены три села (Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара) в горной части Нижнеудинского р-на Иркутской обл. Термин широко применяется в местной прессе, используется самим населением, что оправдывает его использование и в научной литературе.

⁵ Петри Б. Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. С. 16—17; Социально-экономические изменения в жизни тофаларов. Иркутск, 1980. С. 1—10.

⁶ Социально-экономические изменения в жизни тофаларов. С. 1—10.

⁷ Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 73.

Национальность	Села							
	Алыгджер		Нерха		Верхняя Гутара		Всего	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	
Тофалары	231	42,4	144	74,6	221	65,6	596	
Русские	300	55,0	44	22,8	106	31,5	450	
Украинцы	4		2		4		10	
Татары	5				1		6	
Буряты	4		1				5	
Эвенки			1		2		3	
Немцы			1				1	
Коми-пермяки	1	2,6		2,6		2,9	1	
Лезгины					1		1	
Белорусы					1		1	
Корейцы					1		1	

* Подсчитано по [похозяйственным книгам сельских Советов.

вследствие того, что почти все выходцы из национально-смешанных семей относят себя к тофаларам, что и дало существенную прибавку естественному приросту⁸.

Немалое влияние на ход этнических процессов в Тофаларии оказывают миграции. Большинство тофаларов старше 15 лет проживают в тех же селах, в которых родились (88,1% мужчин и 79,2% женщин). Остальные сменили место жительства, переехав из одного села Тофаларии в другое. Несколько большая миграционная подвижность женщин вызвана тем, что при браках между жителями разных сел жены чаще переезжают к мужьям.

В результате перехода к оседлости и последующих миграций нарасталась отмечаемая в прошлом относительная обособленность двух территориальных групп тофаларов — восточной и западной. Все три населенных пункта расположены на территории западной группы, т. е. представители восточной переместились на запад, и сейчас потомки обеих групп живут совместно, почти забыв о былой обособленности. Таким образом, население западной группы существенно возросло: ко времени перехода к оседлому образу жизни (1927 г.) в районе Верхней Гутары кочевало 11,3% семей⁹, а сейчас там, по нашим подсчетам, проживает 37,1% всех тофаларов.

Кроме окончательно переехавших из одного села в другое, есть и такие, которые несколько лет жили в другом селе, но потом вернулись. Среди них мужчин оказалось 9,6%, среди женщин — 12,4%. Миграции коренного населения между селами Тофаларии способствовали, в частности, тому, что во всех селах, несмотря на различный национальный состав (см. табл. 1), характер этнических процессов очень сходен.

Немало тофаларов часть своей жизни прожило за пределами Тофаларии (18,7% мужчин, 41,6% женщин). Некоторые из них выезжали на учебу, но немало и тех, кто, работая и постоянно живя вне Тофаларии, все же вернулись на родину. Здесь сказались, видимо, трудности адаптации к городскому образу жизни. Одни информаторы на вопрос «Почему вернулись?» отвечали: «Потянуло в тайгу», «Соскучились в тайге». Другие ссылались на то, что в городе у них ухудшилось здоровье. В расчете на помощь родственников возвращались женщины, которых не сложилась на новом месте семейная жизнь.

Временное проживание значительной части тофаларов в городах несомненно способствует освоению ими русской и общесоветской культуры.

⁸ Нами подсчитано, что при отнесении 50% детей в смешанных семьях к тофаларской национальности естественный прирост тофаларов составил бы 1,6% в год. При отнесении же всех детей в таких семьях к тофаларской национальности прирост повышается 3%.

⁹ Петри Б. Э. Указ. раб. С. 15—17.

Соотношение численности тофаларов и пришлого населения по возрастным группам (на 1985 г.)*

Возраст	Национальность			
	тофалары, %	другие нац., %	всего, %	всего, чел.
0—9	64,9	35,1	100,0	291
10—19	59,5	40,5	100,0	153
20—29	59,9	40,1	100,0	207
30—39	52,7	47,3	100,0	169
40—49	40,0	60,0	100,0	90
50—59	39,5	60,5	100,0	76
60 и более	47,4	52,6	100,0	78

*Здесь и далее подсчитано по полевым материалам автора.

Путем опроса получены сведения и о тех, кто в настоящее время проживает вне Тофаларии. Их оказалось 114 чел. Половина из них находится в Иркутской области. Кроме того, 7 чел. живут в Краснодарском крае, 7 — в Ленинграде и Ленинградской области, 6 — в Киеве, 6 — в Красноярском крае, 5 — в Якутии, 4 — в Москве. В ряде городов проживает по 1—2 чел. (в Горьком, Воронеже, Владивостоке и др.). География миграций обширна — от Сахалина до Симферополя, и в основном они протекают стихийно. Но проводились также организованные сборы девушек на предприятия легкой промышленности городов Краснодара и Вязников Владимирской области. Многие из них вернулись, некоторые, выйдя замуж, остались в этих городах.

Хотя часть тофаларов расселена по стране, все же «центробежные» силы в миграционных процессах почти уравниваются «центростремительными». Тофалары не обнаруживают особого стремления к переезду в город. Так, 82,3% опрошенных никуда не собираются выезжать из родных сел. Это очень высокий показатель для Сибири с ее подвижным населением. 1,6% хотели бы переехать в другое село Тофаларии, 1% — в сельскую местность вне Тофаларии, 4,7% — в город, 4,3% хотели бы переехать, но не решили куда. В целом миграции существенно не нарушают компактность расселения тофаларов.

Национальный состав Тофаларии несколько раз существенно менялся. Еще до революции здесь появилось пришлое население на приисках рудниках. Его приток особенно усилился в 1930-е годы, что было связано с ростом добычи полезных ископаемых. Однако к 1950-м годам прииски стали закрываться, и к настоящему времени здесь не осталось ни одного рабочего поселка. Но тофалары никогда в них не селились, на их этническое развитие население рабочих поселков повлияло мало. Для нас важнее национальный состав тех сел, в которых осели тофалары (русские в них жили изначально). В последние десятилетия соотношение коренного и пришлого населения в этих селах было примерно равным (см. табл. 1).

Так как большинство лиц национально-смешанного происхождения является в тофаларский этнос, последний имеет более «прогрессивную» возрастную структуру, а значит, при естественном движении населения доля тофаларов должна расти. Несмотря на приток пришлого населения в период с 1979 по 1985 г. она возросла с 46,3 до 55,4%. Видно, этот процесс будет развиваться и в дальнейшем.

У тофаларов отсутствует национальная замкнутость. Опрос показал, что у 72,2% тофаларов есть друзья, а у 71,2% — родственники иной национальности. Среди молодежи эти показатели еще выше.

По данным опроса, большинство тофаларов (68,7%) работает в межнациональных трудовых коллективах (исключение составляют лишь бригады пастухов-оленоводоов), 6,3% — преимущественно русских, и лишь 25,0% — в однонациональных. Последний показатель варьирует по селам в зависимости от их национального состава: в Нер-

хе в одноподнациональных коллективах трудится 42,3% тофаларов, в ней Гутаре — 32,4%, в Алыгджере — всего 9,8%. Необходимость ты в многонациональных коллективах не вызывает каких-либо убеждений: 70,4% опрошенных считает, что национальный коллектива не имеет значения, а 11,0% даже предпочитает работу многонациональном коллективе.

Несмотря на огромные изменения, которые произошли в жизни тофаларов за советский период¹⁰, в их основных занятиях сохранились много традиционных черт. В Тофаларии, вдали от индустриальных центров и транспортных магистралей, в местности со сложным рельефом, исключая занятие земледелием, основными типами хозяйства остались оленеводство, охота и таежные промыслы. Разумеется и здесь появилось немало новшеств, облегчающих труд людей. В последние десятилетия развилось коневодство (лошадей используют для перевозки грузов, кроме того, их сдают в наем различным экспедициям). В личных хозяйствах тофаларов появились свиньи, крупный скот, домашняя птица, в каждом хозяйстве есть огород. Часть тофаларов, особенно женщины, отошла от традиционных занятий, дается в сфере обслуживания, торговли и т. д. Но у большинства все же прежнему основные занятия связаны с тайгой, охотой и оленеводством, и это накладывает отпечаток на образ жизни и культуру.

Менее всего традиционные черты сохранились в жилище. Переход на оседлость, тофалары стали жить в домах, построенных по типовым проектам и лишенных каких-либо отличительных национальных особенностей. Традиционное жилище — чум — с тех пор использовали только охотники и пастухи для временного проживания. На территории селения чумов нет. В последнее время даже в тайге, в местах оленьих пастбищ охоты, ставят срубы, а летом живут в брезентовых палатках. В них нам не раз попадались остовы тофаларских чумов — последние из их недавнего использования.

Национальная одежда у тофаларов сейчас встречается редко. Более стойко она до недавнего времени сохранялась у мужчин в виде зимней промысловой. Это традиционная шуба из оленьих шкур и унты. В последние годы их заменяют покупными тулупами и фабричными унтами. Традиционная одежда имела, по данным опроса, 37 чел. (6,2%), в основном старшего и среднего возраста: 13 шуб, 2 унта, 2 пары рукавиц, 1 шапка, 1 платье. На вопрос об одежде отвечают: «Старые отцовские унты валяются где-то в сарае». За необходимость национальную одежду часто сдают в музей; об этом сообщали во многих семьях. Летний национальный костюм не сохранился совсем. Традиционная одежда в последние десятилетия использовалась даже в качестве праздничной. Не встречается она сейчас и в художественной самодеятельности, участники которой выступают в современной одежде городского типа.

Значительно больше традиционных черт сохранилось в пище. Чем существует четкая грань между домашним питанием и питанием в тайге. Сейчас дома национальные блюда почти не готовят, в тайге их употребляет большинство. Однако и здесь традиционные продукты используются наряду с покупными и являются не основой питания, скорее дополнением. Тем не менее в качестве походной национальной пищи, видимо, сохранится в обозримом будущем. Обычно на вопрос, как часто готовят национальную пищу, многие отвечают: «В чуме, дома не готовим».

Среди опрошенных (старше 15 лет) 80,0% знают хотя бы несколько национальных блюд. Их часто готовят в 24,0% семей, изредка в 40,7%, не готовят в 35,3% семей.

Число национальных блюд, приготовляемых регулярно, сократилось. Редкими стали блюда из оленьего молока. Чаще всего готовят блюда из дичи — *шшиш*, а также традиционная лепешка — *талан*, выпекаемая в золе.

¹⁰ Подробнее об этом см. Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 536—537.

Речевое поведение тофаларов, % *

Язык	Родной язык	Основной разговорный язык	Используют при общении					
			с родителями **	с супругами	с братьями, сестрами	с детьми	с друзьями	на производстве
тофаларский	29,7	6,9	22,8	22,1	11,6	7,3	6,4	3,9
тофаларский и русский	5,1	7,0	14,1	9,1	11,6	15,1	22,3	22,7
русский	65,2	86,1	61,3	68,8	76,8	77,6	71,3	73,4

* Расчеты произведены: по родному, основному разговорному и языку общения с родителями. Число респондентов—596 чел., состоящих в браке—208 чел., имеющих братьев и сестер—509, имеющих детей—206, имеющих друзей—502, занятых на производстве—314 чел.

** Здесь не учтены лица, не имеющие родителей.

Таблица 4

Степень владения тофаларским и русским языками, %

Языки	Степень владения языками				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
тофаларский	25,0	8,7	7,7	18,8	39,8
русский	94,7	3,5	1,8	0,0	0,0

Таблица 5

Использование тофаларского и русского языков на производстве в разных селах Тофаларии, %

Села	Разговаривают на производстве		
	на тофаларском языке	на обоих языках	на русском языке
Нерха	6,3	31,6	62,1
Верхняя Гутара	3,5	21,1	75,4
Алыгджер	2,9	19,0	78,1

Существование традиционного хозяйства, в частности, оленеводства, способствует тому, что продолжают бытовать традиционные предметы, связанные с ним. Как показал опрос, в 43,3% семей есть, в частности, оленьи седла (верховые и грузовые), оленья упряжь, седельные сумки и т. д., причем не только старые, но и новые, изготовленные в традиционном стиле. Домашняя же утварь, обстановка, мебель у тофаларов купные.

Большие изменения коснулись транспортных средств. Оленей используют теперь только пастухи. Остальные чаще ездят и перевозят грузы на лошадях. В последние десятилетия большое значение приобрело национальное сообщение, связывающее села Тофаларии между собой и с внешним миром.

Радикальные изменения за советский период произошли в языковой ситуации (табл. 3 и 4, составленные по материалам опроса).

Между тремя селами, несмотря на различный национальный состав, разница в языковой ситуации незначительна (табл. 5), а в некоторых случаях вообще отсутствует.

Приведенные материалы показывают, что позиции русского языка как разговорного среди тофаларов прочнее: он лучше известен, его чаще используют во всех ситуациях, даже во внутрисемейном общении.

Если в старших возрастных группах тофаларским языком свободно владеют почти все, то среди детей таких практически нет, а 80% даже не понимают его. Это указывает на развитие процесса языковой ассимиляции, по-видимому, уже необратимой. Часть представителей старшего поколения высказывает сожаление по поводу утраты родного язы-

Родной язык тофаларов в разных возрастных группах, %

возраст	язык			итого
	тофаларский	русский и тофаларский	русский	
0—9	0,5	0,5	99,0	100,0
10—19	12,1	2,2	85,7	100,0
20—29	31,4	7,3	61,3	100,0
30—39	41,5	15,7	42,8	100,0
40—49	66,7	8,3	25,0	100,0
50—59	96,7	3,3	0,0	100,0
60 и более	97,4	0,0	2,6	100,0

Степень владения тофаларским языком в разных возрастных группах, %

Возраст	Владеют свободно	Владеют с затруднением	Понимают, но не говорят	Не владеют	Всего
0—9	0,5	1,6	11,1	86,8	100,0
10—19	3,3	16,5	38,4	41,8	100,0
20—29	13,7	33,9	30,6	21,8	100,0
30—39	47,2	28,1	15,7	9,0	100,0
40—49	63,9	25,0	11,1	0,0	100,0
50—59	90,0	10,0	0,0	0,0	100,0
60 и более	97,3	2,7	0,0	0,0	100,0

ка и предлагает ряд мер для его сохранения. Так, по мнению опрошенных взрослых, необходимо разработать письменность и преподавание тофаларского языка в школе. Но остальные относятся к этой идее скептически: «Уже бесполезно», «Поздно». Позиция не подкрепляется реальными действиями, поскольку они не учат детей тофаларскому языку.

Из-за отсутствия у тофаларов своей письменности все письменные формы культуры обслуживаются русским языком. Освоение русского языка и письменности открыло тофаларам доступ к мировой литературе. Судя по нашим данным, многие тофалары — активные читатели городских библиотек, а 71,0% имеют и свои домашние библиотеки.

Самодельные концерты и спектакли в клубах в последнее время идут только на русском языке. В прошлом, как вспоминали наши информаторы, со сцены нередко звучали и тофаларские песни, шли и спектакли в переводе с русского (например, пьесы Чехова). На наш взгляд, отказ от тофаларского языка в клубной работе произошел прежде всего из-за отсутствия интереса к фольклору и национальному искусству, среди них есть немало носителей фольклорных традиций. При опросе многие выразили желание посмотреть концерт (51,1%) или спектакль (44,5%) на тофаларском языке, а соответственно 23,8 и 21,5% предпочли бы их концертам и спектаклям на русском языке.

В домашнем кругу национальные песни еще звучат. По данным опроса, среди тех, кому за пятьдесят, тофаларские народные песни предпочитают 47,5%, а русские и советские — 25,4%.

Знают до пяти тофаларских песен 18,7% опрошенных, а более пяти — 8,6%. Всем им более 50 лет.

Такой вид устного народного творчества, как сказки, также известен в основном пожилым людям. 6,0% опрошенных знают одну-три тофаларские сказки, а 10,3% — более трех. Еще 38,8% сами сказок не знают, но слышали их в детстве. Национальные сказки знают или слышали почти все, кто владеет тофаларским языком. В последнее время появилась новая тенденция — некоторые родители читают детям сказки

Динамика одно- и национально-смешанных браков у тофаларов
в послевоенный период

Годы	Однонациональные браки, абсолютное количество	Национально-смешанные браки, абсолютное количество				Национально-смешанные браки, %	
		муж—тофалар, жена—русская	муж—русский, жена—тофаларка	муж—тофалар, жена—другой национальности	муж—другой национальности, жена—тофаларка	среди мужчин	среди женщин
1945—1949	8	4	—	—	—	33,3	0,0
1950—1954	15	7	—	—	—	31,8	0,0
1955—1959	11	2	2	1	—	21,4	15,4
1960—1964	4	—	1	1	—	20,0	20,0
1970—1974	5	3	6	1	8	44,4	73,7
1975—1979	7	7	10	—	1	50,0	61,1
1980—1984	14	11	15	—	3	44,0	56,2

сборника тофаларских народных сказок, изданного несколько лет назад на русском языке.

Быстро уходят из жизни современных тофаларов традиционные обряды, праздники, обычаи.

Похоронный обряд у тофаларов и русских сейчас одинаков. Лишь 3,6% опрошенных упомянули об элементах похоронного обряда, которые можно назвать национальными. Среди них — обычай класть в гроб еду, совершать ритуальный обход могилы и др. Остальные 96,4% опрошенных не видят никаких отличительных национальных черт.

В настоящее время тофалары отмечают общесоветские праздники. Однако в народной памяти стойко сохраняется праздник-собрание *суглан*. По воспоминаниям, в 20-е годы он еще бытовал, и о нем знает 37,0% опрошенных. На этот праздник в определенное место съезжались все кочующие тофаларские семьи, здесь разбирались судебные дела, заключались браки, взимались налоги, шла торговля, проходили игры, борьба и т. д. На собрании обсуждались важные хозяйственные вопросы.

Большое влияние на ход этнических процессов оказывают национально-смешанные браки. В недалеком прошлом такие браки были исключением. По материалам Б. Э. Петри, проводившего исследования в 20-х годах, тофалары ни с тувинцами, ни с бурятами, ни с русскими в браки не вступали¹¹. Исследователь привел лишь единственный пример брака тофаларки и бурята, который был заключен против воли отца девушки. Однако внебрачные связи девушек с инонациональным населением не встречали осуждения, и следствием этого было появление среди тофаларов немалого числа лиц смешанного происхождения.

По данным районного загса, число национально-смешанных браков у тофаларов за последние 40 лет постоянно нарастало (см. табл. 8). За последние 10 лет в такие браки вступило более половины тофаларов (52,8%), что позволяет говорить о прорыве эндогамии.

Среди опрошенных в 1985 г. в браке состояло 75 мужчин — тофаларов и 83 женщины, но образовали они лишь 47 однонациональных супружеских пар.

Доля состоящих в национально-смешанных браках оказалась 37,3% у мужчин, 43,4% у женщин. 26 мужчин были женаты на русских, один на украинке, один на бурятке. Среди женщин 30 были замужем за русскими, две за украинцами, две за эвенками, одна за немцем, одна за коми-пермяком. В возрастной группе 50 лет и старше доля имеющих супругов иной национальности составила 32,1%, в группе моложе 30 лет — 43,6%.

Если из числа однонациональных браков исключить те, в которых один или оба супруга национально-смешанного происхождения, то та-

¹¹ Петри Б. Э. Указ. раб. С. 9.

Национальность мужа	Национальность жены				
	тофаларки 1	тофаларки 2	русские	украинки	буряты
Тофалары 1	20	10	11	1	1
Тофалары 2	8	9	15		
Русские	9	21	72	1	1
Украинцы	2		2		
Эвенки	2				
Татары			5		
Немцы	1				
Коми-пермяки		1			

* Тофалары здесь разделены на две группы: 1—выходцы из однонациональных семей; 2—потомки национально-смешанных браков.

ких браков остается всего 20. В основном в них состоят пожилые люди. Лишь четыре подобных брака (три — в Верхней Гутаре, один — в Нерхе) были заключены среди молодежи. Национальный состав семей Тофаларии отражен в табл. 9.

Количество национально-смешанных семей различается в зависимости от доли тофаларов в населении каждого из трех сел. В Нерхе смешанных браках состоит 26,3% мужчин и столько же женщин; в Верхней Гутаре соответственно 28,0 и 40,0%; в Алыгджере — 51,6 и 55,9%.

Среди опрошенных взрослых тофаларов 19,3% относится к национально-смешанным бракам положительно, 66,9% считает, что национальность при вступлении в брак не имеет значения, сторонников эндогамии оказалось лишь 6,7% (7,1% при опросе не смогли определить своего отношения к смешанным бракам).

Наличие большого числа национально-смешанных браков значительно влияет на культуру и быт тофаларов, в частности на языковые процессы. Состоящие в таких браках почти не говорят на тофаларском языке. Естественным следствием межэтнических браков является рождение все большего количества детей национально-смешанного происхождения. По материалам районного загса подсчитано, что за последние 15 лет (1970—1984 гг.) в Тофаларии родилось всего 114 детей, у которых оба родителя были тофаларами, у 44 детей отец был тофалар, мать — русская, у 84 — отец русский, мать тофаларка, у 8 — отец тофалар, мать иной (кроме русской) национальности, у 23 — мать тофаларка, отец иной национальности. Всего детей из смешанных семей — 159, или 58,2% от общего числа детей, родившихся в эти годы. Фактически же новорожденных в национально-смешанных семьях еще больше, если учесть, что у 114 детей из однонациональных семей один или оба родителя были потомками смешанных браков, но уже во втором, третьем и т. д. поколениях. По опросным данным, лишь у 231 из 596 тофаларов (38,7%) не выявлено родителей или более отдаленных предков нетофаларской национальности. Возможно, их еще меньше, так как сюда включены и те, у кого не удалось выявить национальность отца, деда, причем у некоторых из них заметны европеоидные антропологические особенности. 4,8% опрошенных оказались потомками браков тофаларов с сибирскими народами — тувинцами, бурятами, эвенками и др. У 13,7% оба родителя тофалары, но один из них выходец из смешанной семьи (т. е. здесь преобладает монголоидный компонент): у 26,5% один из родителей тофалар, другой — русский. У 3,2% один из родителей тофалар, другой — представитель европейских народов (украинец, белорус, немец и т. д.). У 12,4% один из родителей русский, второй — тофалар смешанного происхождения (т. е. в данном случае преобладает европеоидный компонент). У 0,5% оба родителя были русскими (усыновленные тофаларами и их потомки).

При записи генеалогии выяснилось, что среди предков у многих тофаларов были представители трех национальностей (65 человек, или

Доля лиц национально-смешанного происхождения среди разных возрастных групп тофаларов, %

Лица национально-смешанного происхождения	Возраст						
	0—9	10—19	20—29	30—39	40—49	50—59	60 и более
преобладающим монголоидным компонентом	28,6	19,8	11,4	12,3	1,6	13,3	10,8
примерно равным соотношением европеоидного и монголоидного компонентов	32,7	35,1	40,3	28,1	13,9	3,3	5,4
преобладающим европеоидным компонентом	30,2	12,1	4,8	3,4	0,0	0,0	0,0

19%). Наиболее частые варианты: тофалары — русские — буряты (6 человек), тофалары — русские — тувинцы (15 чел.) и др. У пяти человек среди предков встретились представители четырех национальностей. Например, у Сергея и Наташи Тулаевых из с. Верхняя Гутара (и 3 года) отец русский, мать тофаларка, у которой отец тофалар, мать корейнка (но и у последней только отец кореец, а мать украинка).

Лица национально-смешанного происхождения среди тофаларов оказались: в Алыгджере 66,7%, в Верхней Гутаре 62,9%, в Нерхе 50,0%. Для смешанного населения среди стариков составляет 10—20%, а среди детей превышает 90% (табл. 10). Причем этот процент одинаков во всех трех селах, но в Нерхе относительно больше смешанного населения с преобладающим монголоидным компонентом, в Алыгджере — с европеоидным, в Верхней Гутаре те и другие представлены примерно поровну.

Итак, за последние 50 лет коренным образом изменился антропологический облик тофаларов: сейчас это в основном смешанная монголоидно-европеоидная популяция, и со сменой поколений европеоидный компонент возрастает.

У тофаларов из национально-смешанных семей по сравнению с этническими заметно убывание этнических свойств. Это отражается, в частности, в языковом поведении. Например, если среди тофаларов из этнонациональных семей 62,3% считают родным тофаларский язык, а 3% — в равной степени оба языка, то из смешанных семей — соответственно 9,0 и 4,1%; остальные считают родным русский язык. Несмотря на такое существенное различие, общие тенденции языковых процессов отражаются в том, что в младших возрастных группах тофаларский язык утрачивается. Например, в возрастной группе 50 лет и старше тофаларский язык считают родным (вместе с теми, кто считает родным оба языка) 98,2% тофаларов из этнонациональных семей и 90,9% тофаларов смешанного происхождения; в группе 20—49 лет эти показатели составили соответственно 72,1 и 27,5%, а в группе до 20 лет — 21,7 и 1%. Таким образом, изменения в языковой ситуации происходят во всех группах тофаларов, но среди смешанного населения они идут с ускорением на 15—20 лет.

Национальное самосознание у тофаларов сохраняется довольно стойко и выражается, в частности, в том, что 96,1% лиц национально-смешанного происхождения выбирают именно тофаларскую национальность. Одним из факторов, определяющих эту предпочтительность, являются меры государства, направленные на развитие малых народов Севера и Сибири, к которым относятся и тофалары. Льготы, предоставляемые тофаларскому населению, способствуют тому, что родители предпочитают записывать новорожденных тофаларами даже в том случае, если тофаларом у них был отдаленный предок и ни в культуре, ни языке, а подчас и во внешности ничто не напоминает о тофаларском происхождении.

Несмотря на тесные контакты с русскими, тофалары отчетливо знают свое родство с соседними сибирскими народами, особенно винцами. На него указало 65,4% опрошенных, особо подчеркивая зость с тувинцами-тоджинцами, непосредственными соседями тофаларов. Другие народы назывались реже. На втором месте оказались ряты (10,1% опрошенных), ближайшие восточные соседи тофаларов. На третьем — хакасы (хотя непосредственные связи с ними прекратились довольно давно, предания о былых контактах живы). Далее русские (8,7%), при этом информаторы осознают, что родство это обретенное, а не генетическое. Затем, в порядке убывания — казахи, татары, якуты, узбеки, киргизы, шорцы, эвенки и др.

Если самосознание основного таксономического уровня у тофаларов проявляется четко, то самосознание родоплеменного уровня у большинства отсутствует. Даже принадлежность к своему роду помнят только 27,1% взрослых (в основном пожилые люди). Из них 28 чел. относят себя к роду кара-йогду, 16 — к чогу, 20 — к чептей, 12 — к хаш, 10 — к сары-хаш. Род «хаш» в прошлом не отмечен исследователями¹², возможно, так сократили названия своих родов представители родов кара-хаш, тырк-хаш, тенек-хаш и др. Некоторые вместо рода сообщали название патронимии, например, тайга-аалы, хого-аалы, мухай-аалы и др.

Подводя итоги, можно сказать, что в Тофаларии идут довольно интенсивные и чрезвычайно интенсивные процессы: одни ведут к активной ассимиляции, другие способствуют сохранению этноса. К первым можно отнести прорыв эндогамии, полную смену языка у молодого поколения, отход от традиционных черт в материальной и духовной культуре и замену их русскими и общесоветскими, и др. Ко вторым, способствующим сохранению этноса, принадлежат, на наш взгляд, относительная географическая обособленность Тофаларии, удаленность от транспортных магистралей и промышленных центров, отсутствие численного преобладания пришлого населения над коренным, сохранение в обозримом будущем традиционных направлений в хозяйстве: охоты, оленеводства и таежных промыслов, государственные льготы населению коренной национальности и др.

В итоге этих взаимодействующих и противоречивых факторов этническое самосознание у тофаларов сохраняется, численность их будет расти.

¹² Вайнштейн С. И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX в.) // Сов. этнография. 1968. № 3. С. 61—63.

Н. А. Лопуленко

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И САМОСОЗНАНИЕ У ЭСКИМОСОВ США И КАНАДЫ

Межэтнические отношения, будучи существенным компонентом этнических процессов, могут повлечь за собой трансформацию в самосознании контактирующих народов. Сущность таких изменений зависит от характера и интенсивности межэтнических связей. Исследование социальных процессов развития самосознания у эскимосов США и Канады в условиях межэтнических контактов представляет собой частный случай этой проблемы.

Индейцы и эскимосы северной части Северной Америки издавна занимали разные территории, природно-климатические особенности которых во многом обуславливали различия в их культурах. Эскимосы жили в основном в прибрежных районах, занимаясь морским звероловным промыслом, в то время как индейцы — охотники и рыболовы расселились во внутренних районах материка, обживая таежную зо-

Информация об индейско-эскимосских контактах до начала XIX в. очень скудна. Однако почти все исследователи сходятся в том, что исторические связи между индейцами и эскимосами были более сложными, чем просто враждебность или добрососедство. Известно, что эти народы занимали сопредельные территории, и поэтому особенностью их взаимоотношений в древности, несомненно, был обмен элементами культуры, причем индейцы-атапаски воспринимали их более интенсивно. Это было обусловлено двумя различными процессами приспособления к окружающей среде. Эскимосы, адаптируясь к природным условиям, перерабатывали и развивали свою традиционную технику¹. Атапаски же зачастую использовали достижения эскимосов. Если происходили военные столкновения, то они чаще всего были следствием нарушения границ охотничьих угодий или похищения женщин².

В XIX—начале XX в. взаимодействие между индейцами и эскимосами на Аляске продолжало развиваться медленно. Даже находясь на одной территории, оба эти народа старались использовать разные ее части и ресурсы. Контакты между ними вплоть до 1930-х годов осуществлялись в основном на общих праздниках, во время встреч на торговых постах и носили мирный характер.

С XVIII в. на их взаимоотношения огромное влияние стало оказывать пришлое население, которое не было монолитным ни в этническом, ни в социальном, ни в культурном аспектах. Оно являлось к тому же носителем и проводником новой системы общественно-экономических отношений.

В разные периоды истории заселения европейцами севера степень их влияния на коренное население существенно различалась³. Появление торговцев и миссионеров с начала XIX в., а позже основание торговых факторий, миссий и военных постов вынуждало коренных жителей перестраивать свою экономику и социальную жизнь, приспосабливаясь к новым условиям. И хотя они теряли независимость, взаимодействие между эскимосами и индейцами продолжалось в виде набегов, браков, торговли.

С середины XIX в. началась колониальная эксплуатация ресурсов северных территорий: сначала — добыча морских млекопитающих и пушнины, затем — разработка и добыча минерального сырья, в настоящее время — нефти и газа. Рост численности белых на севере в годы китобойного промысла и во время золотой лихорадки (конец XIX — начало XX в.) усилил их влияние на многие аспекты жизни коренного населения — от материальной культуры до поведения.

Современную форму внутреннего колониализма, существующего на Аляске, американские ученые часто называют «опекой». В своих этнологических исследованиях они уделяли недостаточно внимания роли капиталистических отношений, привнесенных европейцами, в трансформации образа жизни коренных народов, не занимались исследованием этого процесса в динамике. Это не помешало им однако прийти в 1970-е годы к выводу, что капиталистическое развитие севера ведет к «ассимиляции общин коренного населения более крупной и индустриально развитой социокультурной системой»⁴. А доминирование европейцев влечет за собой полное подчинение аборигенов когда-то «временным» белым в экономической и социополитической областях.

Взаимосвязи между европейцами и коренными жителями в разные периоды имели различные формы и развивались по нескольким направлениям. Аборигены использовались как посредники (например, индейцы в торговле с эскимосами), а также в качестве охотников или провод-

¹ Nelson R. K. Relationships Between Eskimo and Alapaskan Cultures in Alaska: an Ethnographic Perspective//Arctic Anthropology. 1974. V. 11. P. 52.

² Файнберг Л. А. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М., 1971. С. 42—43.

³ Подробнее о периодизации колониальной эксплуатации Севера см. Файнберг Л. А. Указ. раб.

⁴ Graburn N. Indian-Eskimo Relations//Arctic Anthropology. 1979. № 2. P. 193.

ников. Если заинтересованности в аборигенах как в рабочей силе не было, то они или удалялись из завоеванных районов, или гибли в вооруженных столкновениях, как было, например, во время экспедиции Мартина Фробिशера на Баффинову землю в XVI в.⁵

В XX в. во взаимоотношениях между белыми и коренными жителями севера возобладали две тенденции. Первая — сохранение общин коренных жителей в положении зависимых с минимальной экономической поддержкой, которая выразилась в создании резерваций для отдельных групп индейцев, в оказании аборигенам некоторой финансовой помощи, предоставлении возможностей получения образования. Другая тенденция — ассимиляция коренных жителей социальной и экономической системой белых, главным образом через систему образования и работу по найму. Ассимиляционные процессы на Аляске усилились в 40-е годы XX в., когда на эскимосов стали смотреть как на источник дешевой рабочей силы, хорошо приспособленной к местным условиям⁶.

Важным фактором современных межэтнических отношений на Аляске остается дальнейшее увеличение численности белого населения. Если в 1950 г. некоренное население насчитывало 94,7 тыс. человек, то к 1980 г. его численность возросла до 337,7 тыс.⁷ В 1970 г. в Фербенксе аборигенное население достигало всего 7% от общего числа жителей⁸. Белые, составляя большинство в полиэтническом обществе, являются также его экономической, политической и социальной доминантой. Большая их часть сконцентрирована в сравнительно малом числе крупных и средних городов.

В настоящее время контакты между индейцами и эскимосами Аляски наиболее интенсивны в районах, расположенных вдоль границы традиционного расселения этих народов. Однако они захватывают более широкие области по обе ее стороны, чем в начале века. Это районы интенсивного экономического развития, характеризующиеся большой численностью белого населения⁹. Важную роль в размывании этнических границ между аборигенными группами играют совместная работа, образование, особенно жизнь в школах-интернатах.

В современную эпоху экономические выгоды и практические соображения способствуют разрушению противопоставления индеец — эскимос, разделявшего некогда эти народы. Так, одним из примеров может служить сотрудничество эскимосов и индейцев-танаина в Бристольском заливе и на оз. Илиамна. Они вместе ловят рыбу, работают на консервном заводе. В их личных отношениях можно наблюдать и враждебность, и дружбу, которые не зависят от этнической принадлежности людей¹⁰. Появились даже такие формы сотрудничества, которые раньше были невозможны: участие индейцев в эскимосской ассоциации или избрание эскимоса руководителем индейской корпорации.

В других районах Аляски, где эскимосы и индейцы живут вместе (и в поселках Юкона, и в городах Фербенкс и Анкоридж), они поддерживают тесные культурные контакты. У них есть общие места сбора во время праздников, где они исполняют свои песни. О межэтнической взаимопомощи свидетельствует О. Мьюри, описывавший, как эскимосы, выходя из помещения, где проводился праздник, давали пожертвования на проведение культурных мероприятий в индейской общине¹¹.

⁵ Graburn N. Op. cit. P. 191.

⁶ Jenness D. Eskimo Administration: I. Alaska. N. Y., 1962. P. 9.

⁷ 1980 Census of Population. American Indian Areas and Alaska Native Villages. 1980. PC80-S1-13. August, 1984. Tabl. 8.

⁸ Milan F. A., Pawson S. The Demography of the Native Population of an Alaskan City//Arctic. 1975. V. 28. № 4. P. 280.

⁹ 1980 Census of Population. V. 1. Ch. A. Number of Inhabitants. Pt 3. Alaska. Washington, 1981. Tabl. 34.

¹⁰ Townsend J. B. Indian or Eskimo? Interaction and Identity in Southern Alaska//Arctic Anthropology. 1979. № 2. P. 176.

¹¹ Murie O. Winter Adventures on the Alaskan Trail//The American West. 1973. V. 10. № 1. P. 13.

Учеба и жизнь в интернатах, вне родных общин также объединяет молодых эскимосов и индейцев. Там устанавливаются в основном дружеские связи, сопровождаемые обменом подарками.

Миграции в поисках работы, получение образования в этнически смешанной среде способствуют росту числа межнациональных браков. Например, известно, что мужчины-танаина женятся на эскимосках из Бетеля¹². В Фербенксе в 1972 г. 44% жителей из числа опрошенных состояло в смешанных браках¹³.

Интересное явление обнаруживается при анализе переписи населения 1970 г. в США. Там отмечено, что довольно значительная группа индейцев (около 10%) считает своим родным языком эскимосский¹⁴. Трудно со всей определенностью сказать, что скрывается за этим явлением. Можно предположить возрастание числа индейско-эскимосских браков, дети от которых, считая себя индейцами по одному из родителей, свободно владеют родным языком другого. Однако, каким бы ни было объяснение, несомненно одно — это еще один показатель расширения и укрепления эскимосско-индейских связей. Потомки атапаско-эскимосских браков в городах и регионах с преобладанием белого населения чаще всего говорят по-английски, такие браки не ведут к двуязычию¹⁵.

Борьба за права на земли в 60-е годы XX в. сыграла определенную роль в индейско-эскимосских отношениях на Аляске. Они стали базироваться на общих экономико-политических интересах, что привело к образованию Федерации туземцев Аляски.

Таким образом, мы видим, что на Аляске во второй половине XX в. отношения между эскимосами и индейцами развиваются одновременно на нескольких уровнях. Во-первых, это дружеские отношения, возникшие во время учебы в интернатах. Во-вторых, — межличностные контакты в этнически смешанных населенных пунктах, возникшие на основе совместной работы и ведущие к смешанным бракам. В-третьих, — отношения, порожденные осознанием общих политических и экономических интересов, объединяющие всех аборигенов Аляски.

Этническое самосознание не только фиксирует принадлежность людей к определенному этносу, но и играет важную роль в его существовании. В среде евроамериканцев США широко распространено паниндейское восприятие коренных народов. Однако большинство самих индейцев все еще идентифицирует себя по племенным или даже групповым признакам. У. Баргер писал, что «те, кто определяет коренных жителей как „индейцев“, культивируют извне новый, особый этнический статус, так как если несколько народов постоянно трактовать как один, то соответственно усилится их единая самоидентификация»¹⁶. Подмечено также, что к единой самоидентификации более склонны те, кто происходит из этнически смешанных семей.

Единая самоидентификация у аборигенов Аляски издавна косвенным образом вводилась и поддерживалась правительственными органами, фактически не различавшими индейцев, эскимосов, алеутов и метисов. Последние, жившие в аборигенных деревнях и ведущие традиционный образ жизни, отождествляли себя с коренными жителями. Те же, кто жил среди белых, имели тенденцию называть себя белыми.

С ростом политического движения термин «нэйтивс» (туземцы), введенный европейцами как определение коренных жителей, начал распространяться и в среде аборигенов, подчеркивая их единство. Появилась эта идентификация еще в XVIII в. в период проникновения белых

¹² Townsend J. B. Op. cit. P. 176.

¹³ Burch E. S., Jr. Indians and Eskimos in North Alaska//Arctic Anthropology. 1979. № 2. P. 135—137.

¹⁴ 1970 Census of Population. Subject Reports. PC(2), 1F. American Indians. Washington, 1973. P. 192.

¹⁵ Burch E. S., Jr. Op. cit. P. 138.

¹⁶ Barger W. K. Inuit-Cree Relations in the Eastern Hudson Bay Region//Arctic Anthropology. 1979. V. 16. № 2. P. 73.

на Аляску как результат противопоставления белых небелым. Но тогда ею пользовалось только пришлое население, коренные жители относили себя к различным этническим и племенным группам. Во второй половине XX в. «нэйтивс» стал термином, предпочитаемым и эскимосами, и индейцами, и алеутами в связи с развитием политического и культурного движения. Сейчас он повсеместно используется как белыми, так и аборигенами.

В результате длительной политической борьбы коренные жители получили в законодательстве особый статус. Закон о правах на земли утверждает, что «туземец Аляски» (Alaska Native) — это гражданин США, который, по крайней мере на одну четверть, происходит от индейца, эскимоса или алеута Аляски или который при отсутствии твердых свидетельств об этом, обычно считается «туземцем» (Native) теми, от кого исходят правдоподобные сведения¹⁷. Таким образом, период борьбы за права на земли увенчался не только возвращением части земель и уплатой компенсаций, но и признанием возникновения новой общности, юридическим закреплением ее статуса.

Общая самоидентификация имеет, на наш взгляд, не только юридическую, политическую и социальную основу. Она поддерживается и таким явлением, как переход эскимосов на английский язык. В 1970 г. на родном языке говорило только 58% эскимосов¹⁸. При сравнении данных М. Краусса за 1974 и 1982 годы отчетливо видна тенденция сокращения его использования: при устойчивом росте численности эскимосов употребление ими своего языка неуклонно сокращается, причем заметно уменьшается доля говорящих на нем детей¹⁹.

Совместные эскимосско-индейские газеты, выходящие на севере, и еженедельный тележурнал «Туземец Аляски», наряду с выполнением важных просветительских функций, являются важным средством выявления и укрепления общего самосознания коренного населения, его «аборигенности» (nativeness). Когда же коренные жители Аляски попадают в среду жителей других регионов США, они называют себя не «нэйтивс», а «аляскинцы».

Кампании по борьбе с бедностью, движение за признание прав коренного населения способствовали не только консолидации коренных жителей и появлению у них общей самоидентификации. Они повлияли также на процесс развития собственного этнического самосознания эскимосов и, как его компоненты, — этнической гордости. С 1960-х годов отмечается усиление внимания эскимосов к своей традиционной культуре, к сохранению и переосмыслению всего ценного, заложенного в ней, поиску своего места в современном индустриальном мире. Регулярно проводятся фестивали народного искусства, пропагандирующие культурные достижения народа, сохраняется и обогащается фольклор, развиваются народные промыслы. Создание на Аляске региональных коммерческих корпораций по этническому признаку также способствовало укреплению и развитию эскимосского самосознания.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическое движение аборигенов Аляски в 1960-е годы, с одной стороны, обуславливало развитие общего для всех аборигенов самосознания, а с другой, — способствовало сохранению и усилению этнического самосознания самих эскимосов. Другими словами, оно укрепляло двойственную систему этнического группирования эскимосов, что в конечном счете тормозит их дальнейшую интеграцию. К тому же следует помнить, что нэтивистская самоидентификация во многом опирается на противопоставление белые — не белые, а не на весь комплекс составных частей этниче-

¹⁷ Burch E. S., Jr. The Land Claims Era in Alaska//Handbook of North American Indians. V. 5. Alaska. Washington, 1984. P. 659.

¹⁸ Краусс М. Э. Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее. Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 172–173.

¹⁹ Krauss M. E. Native Peoples and Languages of Alaska. Maps. Fairbanks, 1974, 1982.

кого самосознания, подкрепленный культурной основой. Поэтому наиболее выпукло эта самоидентификация проявляется в районах этнического смешения, в тех городах и поселках, где различия в материальной культуре коренных жителей менее заметны, т. е. там, где культура приобрела стандартизированные западные черты, а языком общения стал английский.

Межэтнические отношения у индейцев и эскимосов на севере Канады в XIX в. чаще осуществлялись в виде мирных контактов, хотя и случались кровавые инциденты. К западу от Гудзонова залива враждебность поддерживалась конкуренцией из-за территорий, поскольку индейцы, лишённые белыми колонизаторами своих исконных земель, были вынуждены потеснить своих северных соседей — эскимосов. К тому же в тот период последовало резкое сокращение стад оленей-карибу, на которых охотились и те и другие. Иногда военные столкновения провоцировались и служащими Компании Гудзонова залива²⁰. В Квебеке эскимосско-индейский контакт был слабым до появления торговых постов²¹. Поэтому мы можем согласиться с мнением Дж. Роберта, что индейско-эскимосские отношения имели «сложный характер смешения враждебности и мирного сосуществования»²².

История колонизации канадского Севера во многом походила на колонизацию Аляски. Однако в отличие от властей США канадское правительство долгое время вообще не обращало внимания на положение коренного населения. Это имело губительные последствия для многих групп индейцев и эскимосов, поскольку им было отказано в любых формах помощи. Возникший в 1950-е годы в среде канадской общественности бурный интерес к судьбам эскимосов явился отзвуком тех бедственных последствий, которые имел для аборигенов упадок меховой торговли в начале 1930-х годов.

Взаимоотношения эскимосов и индейцев на севере Канады в XX в., как же как и на Аляске, развивались во взаимодействии с новой этнической группой — евроканадцами. Но складывались они несколько иначе. Во-первых, в Канаде законодательно различаются две группы индейцев. Первые, так называемые статусные, имеют особые отношения с федеральным правительством, определяемые Индейским актом. Правительство взяло на себя конкретные обязательства по отношению к ним. Остальные индейцы, не имеющие формальной связи с правительством, а следовательно, и юридического признания, называются нестатусными. К ним же относятся и эскимосы (инуиты). Ничего нового в их юридическое положение не внесла и новая канадская конституция 1982 г.²³

Другим важным фактором межэтнических отношений является то, что инуиты значительно сильнее вовлечены в современную экономику. Уже в период меховой торговли у евроканадцев сложились даже особые стереотипы инуита и индейца. Первые считаются кроткими, мягкими, честными, дружелюбными, быстро адаптирующимися, трудолюбивыми. Индейцы же в глазах европейцев — гордые, вспыльчивые, хитрые, ленивые. Поэтому к эскимосам белые относятся с определенной долей уважения, которое контрастирует с негативным отношением к индейцам. Благодаря этим стереотипам у инуитов была репутация людей, доставляющих меньше хлопот, чем индейцы, что в свою очередь давало им преимущества в получении работы, а следовательно, и более высокий социальный и экономический статус. Так, в округе Маккензи

²⁰ Smith J. G. E., Burch E. S., Jr. Chipewyan and Inuit in the Central Canadian Subarctic//Arctic Anthropology. 1979. V. 16. № 2. P. 89.

²¹ Le Nouveau-Quebec: Contribution à l'étude de l'occupation humaine. Paris and The Hague, 1964.

²² Robert J. Indian and Eskimo Contact in Southern Keewatin//Ethnohistory. 1973. № 1. P. 39—54.

²³ Черкасов А. И. Политика канадского правительства по отношению к коренным народам страны//Современная внутренняя политика Канады. М., 1986. С. 172—173.

среднегодовой доход на душу населения в 1970 г. составил у эским 2613 долл., а у индейцев — 1214 долл.²⁴.

Разницу в положении эскимосов и индейцев отчетливо демонстрирует отношение евроканадцев к аборигенным группам в поселке Г-Уэйл Ривер (ныне Кууджарапик) в Северном Квебеке. Бюрократская неразбериха при реализации программ помощи аборигенам, отсутствие их централизации, различный юридический статус инуитов, кри, предрассудки белых чиновников — все это вело к дискриминации индейцев. В результате инуиты поселка пользовались большими льготами и получали большие денежные пособия, чем кри²⁵.

Различия в экономическом и юридическом статусе настолько влияли на социальное положение этих групп, что стало возможным говорить о появлении признаков социальной стратификации вдоль этнической границы. И если раньше индейцы и эскимосы, жившие в разных поселениях, были изолированы друг от друга физически, то теперь, даже в одних и тех же поселках, они изолированы социально.

Если на Аляске произошло юридическое и общественное признание «туземцев Аляски» как единой группы, то в Канаде законодательство препятствует сотрудничеству коренного населения в общих организациях. Результатом стало образование разных ассоциаций для индейцев, эскимосов и метисов, ведущих борьбу за земли и компенсации, членство в них отражает межэтническую обособленность.

Различия в социальном и политическом положении, а также негативное отношение евроканадцев наложили свой отпечаток на инуитско-индейские связи, обусловив усиление межэтнической изоляции и этногонизма. В XIX — начале XX в., когда инуиты и индейцы жили в разных поселениях, между ними существовали контакты, принимавшие различные формы. Они могли играть в мяч, ходить друг к другу в гости, помогать друг с другом. В 1970-е годы в этнически смешанных поселениях такие контакты стали редкими. Общинная деятельность резко различивалась по этнической линии. Эскимосы и индейцы состояли в разных кооперативах, причем каждая группа владела угодьями, тесно связанными с одним из сегментов поселка. Баргер сообщал, что это единение прослеживается и на уровне межличностных отношений. В кино и на танцах инуиты и кри сидят в разных местах, праздники справляются каждой группой отдельно²⁶. Совместные охотничьи экспедиции редки и вовлекают мало людей. Однако до открытой вражды дело не доходило, и наряду с предрассудками, ссорами и обидами все же оставались линии межэтнического общения. Так, например, некоторые инуитские женщины, как и в старые времена, помогали готовке погребению тела умерших кри.

В Аклавике также наблюдалось недоверие в отношениях между кучинами и инуитами, причем если появлялись негативные моменты, то именно при контактах с белыми, каждая группа старалась обвинить в этом другую, что приводило к вспышкам межэтнической неприязни. Кучины старшего возраста могли унижить эскимоса насмешками, например, за сохранившийся местами обычай есть сырое мясо²⁷. Такая же враждебность наблюдалась и между молодежными компаниями.

Однако межэтническим отношениям инуитов и индейцев в Северном Канаде свойственны не только разделительные черты. Индустриализация севера столкнула коренных жителей с таким новым для них фактором, как капиталистическая система хозяйства. Урбанизация, равно как на найму, западная система образования, распространение английского языка, воздействие средств массовой коммуникации, общеканадские

²⁴ Kuo-Chun-Yan. The Effect of Education on the Earning of Indian, Eskimo and White Workers in the Makkenzie District of Northern Canada//Economic Development and Cultural Change. 1976. V. 24. № 2. P. 397.

²⁵ Barger W. K. Op. cit. P. 68—69.

²⁶ Ibid. P. 66, 67, 70.

²⁷ Kreech Sh., III. Interethnic Relations in the Lower Makkenzie River Region//Ethnic Anthropology. 1979. № 2. P. 118.

политическая система — все это становится основой их сближения. Особенно сильно проявляется этот процесс в районах численного преобладания евроканадцев.

Главными пунктами межэтнических контактов на севере стали города Инувик, Аклавик, Фробишер-Бэй, Черчилль и др. Инувик, построенный в 1959 г., стал «олицетворением современного этапа интеграции»²⁸ коренных жителей. Однако стратификация вдоль этнической границы отчетливо проявилась и здесь. Правда, в этом случае социальное разграничение происходит между коренным населением и пришлыми евроканадцами. Различия между ними видны даже в планировке города и внешнем облике построек. При этом конфликт между образом жизни «южан» и «северян» (коренных жителей) проявляется особенно остро в возрастной группе от 25 до 50 лет²⁹.

В условиях интенсивной аккультурации в городе Фробишер-Бей, где сосуществуют два неравных общества, евроканадцам почти автоматически отводится привилегированное положение. Коренным жителям дают почувствовать, что город создан белыми, а они (аборигены) находятся под их покровительством. Социальная сегрегация общин коренных жителей наблюдается и в тех поселках, где эти общины этнически однородны³⁰.

В последние годы сближению эскимосов и индейцев способствует создание в некоторых районах Канады совместных кооперативов. Сотрудничают они и в Ассоциации по строительству домов для коренного населения, в Комитете за права аборигенных народов. Намечается сотрудничество и в политике. Примером может служить Соглашение по заливу Джеймс. Индейская и инуитские организации совместно добились от правительства компенсаций и некоторого количества земли взамен утраченных угодий в связи со строительством каскада ГЭС³¹.

Важную роль в межэтнических отношениях на севере Канады играет рост метисного населения. В Западной Субарктике — это потомки североатлантических или североалгонкинских женщин, с одной стороны, и франко-канадских или шотландско-английских торговцев мехом, с другой. Аборигенная часть предков метисов Лабрадора (сеттлеров) является почти всецело эскимосской, а белый компонент представлен чаще всего англичанами. Социальный статус метисов обычно определяется положением белого родителя, а официально их относят к коренному населению. Как и нестатусные индейцы, в переписях они не выделяются, поэтому проводить их исследование трудно.

Метисы, по выражению Ш. Креча, «разрушители культуры», часто становились предпринимателями, многие знали английский язык, рано знакомились с требованиями работы по найму и лучше к ней приспосабливались. Поэтому эту группу населения, на наш взгляд, можно называть одновременно и продуктом и проводником аккультурации. Некоторые канадские исследователи говорят о ее превращении в этническую и ее постепенной сепарации.

Сеттлеры и инуиты на Лабрадоре стали этнически идентичными из-за почти 150-летней тесной связи и смешанных браков. Они пользуются эскимосским языком и придерживаются традиционных обычаев³². Напротив, смешанные браки между инуитами и кри, инуитами и кучинами чрезвычайно редки. С другой стороны, браки между метисами и индейцами или метисами и инуитами (причем метисация включала про-

²⁸ Honigmann J., Honigman I. Arctic Townsmen: Ethnic Background and Modernization. Ottawa, 1970.

²⁹ Ervin A. Conflicting Styles of Life in a Northern Canadian Town//Arctic. V. 22. 1969. № 2. P. 95.

³⁰ Matthiasson J. S. Continuities in Inuit Social Relationships//Arctic Anthropology. 1975. V. 12. № 1.

³¹ Тишков В. А. Индейцы Канады во второй половине XX в.//Сов. этнография, 1982. № 3; Черкасов А. И. Зарубежный опыт исследования и освоения севера. М., 1985. С. 137—138.

³² The White Arctic: Anthropological Essays on Tutelage Ethnicity. Toronto, 1977.

тивоположный компонент) встречались чаще. Ш. Креч, исследовавший метисацию в низовьях р. Маккензи, привел следующий пример. Родственные связи трех метисов охватывали 254 человека, в том числе инуитов (28%), эскимосов (10%), европейцев (5%), остальные 57% — метисы. Такие факты привели исследователя к выводу, что метисация является одним из путей эскимосско-индейской интеграции³³.

Таким образом, можно сделать вывод, что межэтнические отношения на севере Канады носят двойственный характер. С одной стороны, происходит дифференциация, особенно в районах с малочисленным населением. С другой, — там, где численность белых достаточно высока (города, промышленные поселки), наблюдается процесс социализации и этнической интеграции аборигенных групп.

Несмотря на то, что к середине нашего века традиционная культура эскимосов Канады была сильно разрушена, произошло резкое сокращение, а затем увеличение их численности, переселение различных групп в новые поселки, появились новые факторы аккультурации в виде европейских систем образования и информации, в 1960-е годы они стали называть себя инуитами, сознавая свой особый этнический, лингвистический и культурный статус.

Развитие этнического самосознания сопровождается ростом этнической гордости. Они не любят, чтобы их называли эскимосами, ибо это имеет какой-то унижительный смысл вкладывают в это слово индейцы. «Мы эскимосы более, мы — инуиты», — писал один из них своей учительнице³⁴. Термин «инуит» стал официальным для обозначения канадских эскимосов во всех документах. В Квебеке они сопротивлялись принятию закона о приоритете французского языка, опасаясь за существование своего языка и культуры. Их этническая гордость выражается в том, что они носят парки с вышитыми изображениями иглу и нарт, в развитии фольклора и традиционных ремесел. В 1980-е годы инуиты добились замены европейских названий своих поселков инуитскими.

Старики-эскимосы и родители тех молодых людей, которые уезжали из родных поселков в города продолжать учебу, обеспокоены тем, что их дети потеряют уважение к своей культуре, забудут о ней. Чтобы этого не случилось, проводились специальные собрания, на которых руководители общин призывали уезжавших не забывать своих обычаев, сохранять гордость и достоинство «при вступлении на путь белого человека», изучать и сохранять культурное наследие своего народа.

Если в 1970-е годы общественные организации эскимосов делали основной упор на экономическое развитие своих общин, то в 1980-е годы стали уделять больше внимания культурным проблемам: созданию музеев, публикации научных работ на инуитском языке. В июле 1982 г. в Квебеке была организована конференция, посвященная культурному развитию эскимосов. На ней затрагивались проблемы охотничьего хозяйства, образования, передачи знаний о традиционном образе жизни, материальной и духовной культуре. Все чаще с севера приходят сведения о возвращении эскимосов к традиционной практике: собачьим упряжкам, одежде из шкур и меха, традиционной пище. И какими бы ни были мотивы этого явления, экономическими или ностальгическими, в любом случае это способствует укреплению этнического самосознания.

Большое значение в развитии эскимосского этноса имеет борьба за автономию. Еще в 1974 г. было провозглашено требование о выделении части Северо-Западных Территорий, населенных преимущественно эскимосами, в отдельную административную единицу. В результате плебисцита, проведенного в 1982 г., было принято решение, что Северо-Западные Территории будут разделены на две части: западную, где эскимосы составляют меньшинство, и восточную, заселенную главным образом

³³ *Krech S. Op. cit. P. 117.*

³⁴ *Graburn N. Op. cit. P. 193.*

³⁵ *Hall L. Great Whale River Eskimo Youth: Socialization into the Northern To Life//Anthropologica. 1973. V. 15. № 1. P. 17.*

эскимосами, которая станет административной единицей Нунавут (Наша Земля)³⁶.

Новые тенденции в развитии эскимосского этноса Канады базируются во многом на таком явлении, как сохранение ими родного языка. В настоящее время среди всех групп коренного населения Канады наиболее высокий процент говорящих на родном языке наблюдается именно среди эскимосов — 73,9%³⁷. Кроме того, средний возраст людей, пользующихся эскимосским языком в качестве родного или языка домашнего общения, в этой этнической группе самый низкий среди аборигенов Канады, что позволяет предположить сохранение его и в будущем.

Как уже говорилось, в Канаде, в отличие от Аляски, индейско-эскимосские связи очень ограничены. И хотя враждебность друг к другу проявляется слабо, говорить о них как о «нэйтивс» не представляется возможным. Концепция «нэйтивс», т. е. слияния аборигенных групп, еще не реализуется; они не ощущают себя единым коллективом. В их сближении играет большую роль школа, где они живут, учатся и играют вместе. Однако после школы их общение ограничивается хорошим знакомством, если они работают вместе, межнациональные браки редки. Более низкое по сравнению с белыми социальное положение объединяет их все же именно в этом статусе. Появился новый вид самоидентификации — «северянин», используемый в полиэтнических городах Северной Канады, где коренные жители составляют меньшинство, а также в южных районах страны. Но общее самосознание еще не выработалось, сохраняются прежние этнические стереотипы и предубеждения, раздельная этническая идентификация.

Подводя итоги, можно сказать, что процессы развития межэтнических отношений и этнического самосознания у эскимосов США и Канады, несмотря на некоторые различия, имеют, на наш взгляд, пока общие тенденции. Во-первых, происходит межэтническая конвергенция, которой способствует ряд факторов: общее образование в одних школах, восприятие в них культуры и языка белых, возникновение и рост этнически смешанных поселений, совместная работа, межнациональные браки, политическая интеграция.

Индустриализация, рост городского населения также являются важными факторами сближения. Рост численности белых на севере, а также особые социально-экономические условия ведут к усилению противопоставления белые — не белые, к социальной сегрегации коренных жителей с тенденцией к их объединению в тех местах, где они живут бок о бок с пришлым населением.

В Канаде законодательство и традиции препятствуют сближению, потому оно началось позднее и идет медленнее. В нем особая роль отводится метисному населению.

Во-вторых, в каждой из стран продолжается процесс консолидации эскимосского этноса. Сущность его выражается в исчезновении обособленности и замкнутости мелких этнографических групп.

Двойственный характер межэтнических отношений ведет к двойственности в развитии самосознания. Во-первых, отмечается усиление этнического самосознания у эскимосов, его укрепление, рост этнической гордости. Этот процесс сильнее в Канаде, его углублению способствует борьба за автономию. Во-вторых, появились новые виды самоидентификации наряду с локальной, племенной и этнической, сложившимися ранее, такие, как «аляскинец» или «северянин» в Канаде. Они используются в более южных штатах США или провинциях Канады, где коренные жители севера противопоставляют себя южанам. Другой вид — нэтивистский, сильнее развившийся на Аляске и используемый чаще в общественной жизни.

Типы самоидентификации зависят от конкретных обстоятельств и ситуаций, и в их основе — противопоставление себя как группы другой

³⁶ Dall A. J. Inuvialuit Aftalen//Grønland. 1985. № 9. S. 225—241.

³⁷ Тишков В. А. Аборигены Канады: современная этноязыковая ситуация//Сов. этнография. 1986. № 6.

группе. Наличие нескольких этнонимов у одного этноса свидетельствует о его развитии и неоднозначности этнического самосознания. Так, новясь «нэйтивс», «аляскинцами» или «северянами», эскимосы остаются эскимосами (инуитами), т. е. «в зависимости от уровня этнических контактов на передний план выступает та или иная кодовая форма этнического самосознания»³⁸.

³⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 98—99.

Т. В. Патина

КОНФЕССИЯ И ЭТНОС В КЕНИИ

В настоящей статье рассмотрена конфессиональная структура населения одной из наиболее крупных стран Тропической Африки — Кении. Исследована проблема соотношения в ней этноса и религии.

Конфессиональная структура населения современной Кении сформировалась в ходе сложного исторического процесса. До распространения в этой восточноафриканской стране мировых религий — ислама и христианства — в ней господствовали традиционные племенные верования, отличавшиеся большим разнообразием. Это было связано с тем, что общественный строй разных этносов Кении заметно варьировал, представляя разные ступени распада патриархально-родовой общины.

Местные традиционные верования сохранились в Кении до сих пор. Однако, если в начале века подавляющее большинство населения (свыше 95%, по приблизительной оценке английского религиоведа Д. Б. Барта) исповедовало племенные религии, то со временем число их приверженцев неуклонно уменьшалось. В 1948 г. традиционных религий придерживалось уже только 60% населения страны, в 1980 г. — 18,9% по прогнозам, основанным на учете тенденций изменения конфессиональной структуры, к 2000 г. последователи местных верований составят лишь 10,5% населения¹.

Тем не менее у некоторых этносов Кении традиционные культы до сих пор преобладают. Так, они распространены среди подавляющего большинства ндоробо (99%), эль-моло (97%), самбуру (97%), турканы (96%), покот (90%), среди основной массы гириама (82%), масай (78%), мбере (66%), тарака (61%) и сагала (60%), их придерживается более половины туген, элгейо, меру².

Отмеченное выше разнообразие традиционных верований сохраняется в Кении и сейчас. Для многих кенийских местных культов характерны определенные монотеистические тенденции, хотя монотеизм у них, конечно, не носит последовательного характера. У крупнейших родов страны — кикуйю, луо, лухья, а также у некоторых других этносов существует представление о верховном боге³. Обычно к нему обращаются во время общественных и стихийных бедствий (эпидемий, засух и т. д.) в форме молитв и жертвоприношений. В то же время кенийцы не очень на него надеются и делают все, чтобы помочь себе собственными силами. Кенийский монотеизм сочетается с пережитками тотемизма, которые проявляются в вере в воплощение душ умерших в различных животных.

¹ Kenya Church Handbook. Development of Kenyan Christianity, 1498—1973. Nairobi and Kisumu, 1973. P. 160; World Christian Encyclopedia. Nairobi a. o., 1982. P. 433.

² World Christian Encyclopedia. P. 433.

³ Hopley C. W. Bantu Beliefs and Magic. L., 1922. P. 22; Kibicho S. G. The Continuity of the African Conception of God into and through Christianity: A Kikuyu Case Study//Christianity in Independent Africa. L., 1978. P. 371, 373.

В системе местных верований важную роль играет также магия (лечебная, вредоносная, предохранительная и т. д.)⁴. У кикую существуют как бы два направления магической деятельности: *муду муго* (знахарство) и *муроги*⁵ (колдовство). Их соответственно можно назвать белой и черной магией⁶. Магия (особенно лечебная) занимает очень важное место и в религиозной жизни нилотов. Знахарь является уважаемым человеком в традиционном обществе.

Для племенных кенийских верований довольно характерно олицетворение сил природы. Так, у луо существует культ солнца. В религиозных представлениях большинства нилотских народов особо выделяется божество, олицетворяющее небо и дождь. Многие кенийские этносы ассоциируют божества с явлениями природы. У народа сук о луне говорят как о первом ребенке бога. А именами Асис у нанди и Эриоба у куриа называют и бога, и солнце.

В ритуале народов Кении преобладают умиловительные обряды и жертвоприношения (совершаемые главным образом для вызывания дождя). У кикую и многих других народов Кении существуют жертвоприношения как верховному богу, так и духам⁷.

Важным элементом кенийских традиционных верований является культ предков⁸. Особенно большим почитанием пользуются духи предков вождей. Считается, что умершие предки продолжают оставаться членами своего рода, не выходят из общины⁹.

Почитание духов предков наиболее характерно для бантуязычных народов. Что же касается нилотов, то, по их воззрениям, загробная жизнь свойственна лишь выдающимся членам племени — вождям и колдунам, духи которых почитаются.

В религиозной жизни ряда нилотских народов большую роль играет вождь-чародей (*оль-ойбони* — у масаи, *оркойот* — у нанди). Считается, что в его власти находятся жизнь и смерть соплеменников. Кроме того, его неотъемлемые функции — прорицание, гадание и наделение своих соплеменников предохранительными амулетами¹⁰.

Как уже указывалось, традиционные религии народов Кении были в значительной степени вытеснены христианством. Впервые оно проникло в Кению еще в 1498 г., когда Васко да Гама бросил якорь своего корабля у г. Малинди. К концу XVI в. миссионеры обратили в христианство 600 человек¹¹. Однако со временем новая религия была забыта.

Более успешной оказалась деятельность католических и протестантских миссионеров, появившихся в Кении в середине прошлого столетия. Они прибывали сюда главным образом из Великобритании, Ирландии, Италии, Франции и США.

Ставя задачу христианизации африканского населения, европейские и американские церкви имели в виду также приобщение его к христианской цивилизации, которое подразумевало в качестве необходимой предпосылки внедрение определенной идеологии — покорности европейцам и признания их превосходства¹². Миссионеры не без основания называют авангардом колониальной экспансии, так как нередко вслед за ними появлялись и сами колонизаторы. Так, в 1887 г., через 43 года после прибытия в Кению первых миссионеров, начала свою деятель-

⁴ Cripps A. S. Christian Approach to Primitive Peoples//The East and West: A Quarterly Review for the Study of Missionary Problems. V. 24. Westminster, 1926. P. 324.

⁵ От *orogi* — яд (См.: Routledge W. S., Routledge K.) With a Prehistoric People: The Aikuyu of British East Africa. L., 1910. P. 272.

⁶ Middleton J. The Central Tribes of the North-Eastern Bantu. L., 1953. P. 69, 94.

⁷ Barlow A. R. A Sacrifice for Rain//Kikuyu News. 1908. № 3. P. 1, 2.

⁸ Barrett D. B. Schism and Renewal in Africa. Nairobi a. o., 1968. P. 9.

⁹ Sutton J. E. G. The Settlement of East Africa//Zamani. 1968. P. 87.

¹⁰ Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964. С. 104.

¹¹ World Christian Encyclopedia. P. 433.

¹² Шаревская Б. И. Указ. раб. С. 237; Frazier E. F. The Impact of Colonialism on African Social Forms and Personality//Africa in the Modern World. Chicago, 1955. P. 78.

Численность христиан в современной Кении*

Конфессиональная принадлежность	Год оценки					
	1970		1975		1980	
	Численность		Численность		Численность	
	в тыс.	%	в тыс.	%	в тыс.	%
Христиане в целом	7 141,8	63,5	9 143,2	69,0	11 452,2	73,1
Католики	2 700,0	24,0	3 405,5	25,7	4 141,6	26,4
Протестанты	2 571,8	22,9	3 299,7	24,9	4 157,3	26,9
Православные	260,0	2,3	318,0	2,4	392,2	2,5

* Составлено по: World Christian Encyclopedia. P. 432.

ность по захвату местных земель имперская Британская Восточноафриканская компания¹³.

Вместе с тем нельзя не признать, что в начальный период деятельности миссионеров (до начала XX в.) объективно способствовали достижению коренным населением Кении определенных успехов в области экономического и социального развития. Многие африканцы, жившие поблизости от миссионерских станций, научились читать и писать на своих родных языках (письменность в ряде случаев была создана миссионерами). Некоторые из них овладели языками суахили и английским. Немало кенийцев приобрели навыки разнообразных ремесел, познакомились с элементарными правилами гигиены¹⁴.

Свою прозелитическую деятельность многие миссионеры совмещали с различными коммерческими операциями. Например, римско-католическая миссия «Отцы святого Августина» занималась выращиванием кофе¹⁵.

Как правило, служители культа весьма враждебно относились к чуждой им бытующей культуре кенийских народов, налагая запрет на танцы, песни и другие формы народного творчества, и тем самым искореняли складывавшиеся долгие годы местные традиции и обряды¹⁶. Все сказанное, конечно, не исключает того, что среди миссионеров были люди, хорошо относившиеся к местному населению, искренне желавшие ему добра, осуждавшие произвол колонизаторов.

Результатом многолетней и весьма активной деятельности миссионеров стала христианизация большей части кенийского населения. В современной Кении христианство представлено главным образом католицизмом, а также самыми разнообразными течениями, церквями и сектами протестантизма. К началу XX в. в стране насчитывалось лишь 5,0 тыс. христиан. Согласно данным переписи 1962 г. (последней, в которой ставился вопрос о конфессиональной принадлежности), 33,6% населения Кении были последователями протестантизма (включая приверженцев местных африканских церквей) и 20,3% — католицизма.

Что касается этнического состава кенийских христиан, то среди них имеются кикуйю (22,3% всех христиан), лухья (18,9%), луо (18,9%), камба (10,1%), календжин (8,4%)¹⁷, кисии (8,0%), меру (3,5%), маджикенда (1,6%)¹⁸, эмбу (1,2%), таита (1,1%), тесо (1,0%), масай (0,5%), куриа (0,5%), сабаот (0,5%), тарака (0,3%), мбере (0,2%), покот (0,1%), покомо (0,1%), туркана (0,1%), самбуру, боран и др.

¹³ Welbourn F. B. East African Rebels//A Study of Some Independent Churches. I. 1961. P. 114.

¹⁴ Oliver R. The Missionary Factor in East Africa. L., 1952. P. 60; Wepman D. John Kenyatta. N. Y., 1985. P. 21.

¹⁵ Ogot B. A. Historical Dictionary of Kenya. L., 1981. P. 183.

¹⁶ Kenyatta J. Facing Mount Kenya. L., 1961. P. 133.

¹⁷ World Christian Encyclopedia. P. 432.

¹⁸ В том числе кипсигис (4,4%), нанди (2,1%), туген (0,7%), элгейо (0,7%), мраквет (0,5%).

¹⁹ В том числе гириама (0,6%), дурума (0,5%).

Среди некоренного населения христианство исповедуют подавляющее большинство европейцев (англичане, итальянцы и др.) и небольшая часть индийцев (гоанцы, малаяли). Первые составляют 0,5% всех христиан страны, вторые — 0,2%.

Наиболее христианизированные из коренных народов Кении — лухья (христиане образуют 94% их общей численности), луо (89%), кисии (89%), кикуйю (77%) и камба (61%)²⁰.

Почти половину кенийских христиан составляют католики. Католические миссии начали свою работу в Кении во второй половине XIX в. Однако на побережье Индийского океана их деятельность не увенчалась значительным успехом, так как там были очень прочны позиции ислама. Во внутренних районах страны католическим миссионерам удалось добиться большего. Особенно быстро католицизм стал распространяться среди кенийских народов после второй мировой войны. Если в 1948 г. католиками были лишь 8% населения, то в 1962 г. — уже более 20%, в 1970 г. — 24%²¹.

Католические епархии сейчас находятся в городах: Найроби (где 60% прихожан составляют кикуйю, 14% — лухья, 6% — «белые» (европейцы), Кисии (52% прихожан — луо, 47% — кисии), Кисуму (47% — лухья, 34% — луо, 7% — нанди, 6% — тесо), Китуи (99% — камба), Марсабите, Мачакосе (99% — камба), Меру (45% — меру, 45% — мбу, 4% — туркана), Момбасе (40% — таита, 20% — гириама, 10% — лурума), Накуру (большинство — кикуйю), Ньери (99% — кикуйю), Эдворете (30% — букусу, 20% — кикуйю, 18% — элгейо). Кроме того, имеются так называемые папские префектуры — Нгонге (40% прихожан — кикуйю, 14% — масаи, 12% — кипсигис) и Лодваре²².

Протестанты в Кении по численности приближаются к католикам. Первые протестантские миссии появились здесь еще в середине XIX в. Сейчас в стране действует большое число разных протестантских церквей, объединенных с 1913 г. Национальным христианским советом²³. Крупнейшие течения протестантизма в Кении — англиканство, пятидесятничество, перфекционизм²⁴, адвентизм седьмого дня, Армия спасения, пресвитерианство (с реформатством), Общество друзей (квакеры), методизм. Очень влиятельна также межвероисповедная Церковь внутренних районов Африки. Кроме того, здесь имеются баптисты, лютеране, свидетели Иеговы, меннониты и приверженцы некоторых других протестантских церквей и сект.

Англиканская церковь сейчас официально именуется Церковь провинции Кения и насчитывает 582,6 тыс. приверженцев²⁵. Ее епархии находятся в Найроби (прихожанами помимо жителей этого города являются живущие поблизости камба, масаи и др.), Северном Масено (90% прихожан — лухья, 10% — тесо), Южном Масено (94% — луо, есть также кипсигис, кисии и др.), Момбасе (80% — таита, 20% — гириама и луо), в районах, расположенных к востоку от горы Кения (кикуйю, мбу), к югу от нее (99% прихожан — кикуйю), Накуру (55% — кикуйю, 20% — нанди, 10% — англичане).

К ортодоксальному англиканству приближается Епископальная церковь Африки, отколовшаяся в 1968 г. от Церкви Христа в Африке (о ней см. ниже). Численность последователей этой церкви в Кении невелика (5,0 тыс., из них 99% — луо).

²⁰ World Christian Encyclopedia. P. 434, 437.

²¹ Ibid. P. 434.

²² Ibid. P. 436.

²³ Ogot B. A. Op. cit. P. 150.

²⁴ Перфекционистами называется группа протестантов, верящих, как и пятидесятники, в возможность вселения в человека святого духа. В отличие от перфекционистов пятидесятники не практикуют глоссалию — «говорение на иных языках», представляющее собой выкрикивание людьми, доводящими себя до состояния экстаза, бессмысленных звуков.

²⁵ Приводимая численность представителей различных конфессий взята по: World Christian Encyclopedia. P. 435—437.

В Кении насчитывается 470,9 тыс. пятидесятников (не считая десятичников из христианско-африканских церквей), которые образуют несколько самостоятельных организаций: Пятидесятнические ассамблеи бога (192,0 тыс., из них лухья — 73%, луо — 10%, кисии — 10%), Пятидесятническое евангелическое братство Африки (150,0 тыс.), Кенийские церкви полного Евангелия (60,0 тыс., из них 39% — луо, 33% — кикуюю, 14% — календжин), Восточноафриканские пятидесятнические церкви (20,0 тыс.; $\frac{1}{3}$ приверженцев составляют меру), Норвежская пятидесятническая миссия в Кении (15,0 тыс.: из них почти половина — луо, 38% — кипсигис, 10% — кисии), Ассамблеи бога — Кенийский круг (12,0 тыс.), Библейская церковь изучения Евангелия (10,0 тыс., все — камба), Евангелическая свободная миссия в Кении (8,0 тыс., из них 57% — кикуюю, 34% — лухья, 5% — туркана, 4% — масаи), Объединенная пятидесятническая церковь (2,0 тыс.), Церковь Марии (1,9 тыс.; все — луо).

Из перфекционистских организаций наиболее значительна Церковь бога в Восточной Африке, основанная в 1905 г. американскими миссионерами и фактически являющаяся филиалом одной из наиболее крупных церквей «святости» в США — Церкви бога (Андерсон, штат Иллинойс). У нее 260,0 тыс. последователей, из них $\frac{4}{5}$ — лухья, $\frac{1}{5}$ — камба. Намного меньше по числу сторонников у созданной в 1935 г. Африканской церкви Евангелия (15,0 тыс.). Подавляющее большинство ее прихожан по этнической принадлежности — кипсигис. Есть в Кении и другие перфекционистские секты, однако они малочисленны.

Церковь внутренних районов Африки, насчитывающая 300,0 тыс. прихожан, также была организована миссионерами из США в 1895 г. По своему характеру эта церковь — межвероисповедная, евангелического направления. Она пользуется некоторым влиянием среди камба (которые составляют 33% ее адептов), календжин (27%), кикуюю (20%), у прибрежных народов (12%), масаи (5%), луо (2%) и среди некоторых других этносов Западной Кении.

Адвентисты седьмого дня (171,0 тыс.) в основном сосредоточены на западе страны. Они есть среди луо (45% от общекенийской численности), кисии (45%) и некоторых других народов.

Армия спасения начала действовать в Кении с 1921 г., и сейчас здесь насчитывается 110,0 тыс. ее последователей: часть лухья (70% всех ее приверженцев), камба, луо и представители других этносов.

Пресвитерианство (появилось в Кении в 1891 г.) и реформатство представлены несколькими церквями. Из них наиболее влиятельна Пресвитерианская церковь Восточной Африки (100,0 тыс. последователей, среди которых 60% — кикуюю и 30% — меру). Гораздо меньшее число адептов имеет Реформатская церковь Восточной Африки (6,0 тыс.), половина приверженцев — нанди. Пресвитерианства и реформатства в совокупности придерживаются 110,3 тыс. человек.

В Кении действуют несколько организаций квакеров. Крупнейшей из них, Восточноафриканское ежегодное собрание друзей, насчитывается 100,0 тыс. членов. По числу приверженцев это самая большая квакерская организация мира. Квакеры в Кении почти исключительно (99%) лухья.

Методисты появились в Кении еще в 1862 г. из Англии. Вначале методистские миссионеры вели работу в основном среди миджикенда, пикомо, камба, затем преимущественно среди меру. В настоящее время Объединенная методистская церковь имеет 100,0 тыс. последователей.

Кенийские баптисты (29,9 тыс.) в подавляющем большинстве принадлежат к Баптистской конвенции Кении (25,0 тыс.; четвертая часть приверженцев — кикуюю, остальные — представители прибрежных народов и этносов, обитающих в провинции Ньянза).

²⁶ Две основных ветви кальвинизма — реформатство и пресвитерианство — почти идентичны по догматике и культу; первое из них возникло в Швейцарии, второе — в Шотландии.

Лютеранство существует в Кении с 1948 г., когда работу по его распространению в этой стране начали скандинавские миссионеры. Наиболее значительная из лютеранских организаций, Лютеранская церковь в Кении, насчитывает 8,7 тыс. прихожан, из них 85% — кисии, 15% — луо. В совокупности в Кении более 12,0 тыс. последователей этого протестантского течения.

Секта свидетелей Иеговы, начавшая свою деятельность в 1931 г., имеет приверженцев в основном среди белого населения страны и насчитывает в своих рядах только 3,0 тыс. человек.

Меннониты также образуют в Кении очень небольшую группу (2,0 тыс. человек), состоящую из танзанийских иммигрантов-луо в Южной Ньянзе.

В стране существуют и другие церковные организации протестантского направления, но число последователей каждой из них совсем незначительно.

Есть в Кении и приверженцы православия²⁷. Первая православная церковь была создана в стране в 1928 г. Однако на первых порах она носила синкретический христианско-африканский характер. Основатели ее учили, что Христос был именно спасителем африканцев. Только в 1946 г. эта церковная организация примкнула к официальному православию и стала считаться одной из епархий Александрийской православной церкви. Сейчас в стране насчитывается почти два десятка православных приходов, состоящих в основном из кикуйю (4% всех православных Кении), лухья (15%) и др. Общая численность кенийских православных — 250,0 тыс. человек.

Таким образом, Кения принадлежит к числу стран, отличающихся большой сложностью конфессиональной структуры населения. Причина такой сложности кроется в политической истории страны, а также в истории миссионерской деятельности на ее территории²⁸. Характерная для начала XX в. интенсификация деятельности христианских миссионеров, контакты местного населения с европейскими колонистами привели к разрушению ряда черт традиционной культуры африканцев. Это вызывало естественное противодействие со стороны коренных жителей, все более усиливало их неприязнь к тесно связанным с колонизаторами миссионерам. Одним из результатов стихийного протеста было создание в Кении (как и во многих других странах Африки) независимых африканских церквей. По своему характеру они были различными. Одни по своей догматике и культу были сравнительно близки конфессиям, от которых они отпочковались, другие же вобрали многие элементы традиционных верований и приобрели типично синкретический характер.

Из всех стран Восточной Африки в Кении имеется самое большое число приверженцев независимых африканских церквей²⁹. В 1979 г. в стране в целом насчитывалось 220 различных таких церквей³⁰. Примерно 5/3 их последователей проживают на западе страны (кроме луо это сук, нанди, кипсигис, кисии) и 1/3 — в центральных районах (кикуйю, меру, камба, таита, покомо)³¹.

Следует в то же время отметить, что некоторые этносы Кении совсем не участвовали в создании христианско-африканских церквей. Ими оказались гириама, диго и некоторые другие.

С течением времени численность приверженцев независимых церквей в Кении неуклонно увеличивалась. Если в 1970 г. их было 1 610 тыс. (14,3% всего населения страны), то в 1980 г. уже 2 761,1 тыс. (17,6%)³².

Первым кенийским народом, вовлеченным в движение по созданию синкретических христианско-африканских верований, стали луо. Уже в

²⁷ Подробнее см.: Рожков В. Визит в Кению//Журн. Московской Патриархии. 1968. № 2. С. 54.

²⁸ East African Annual. 1964—65. Nairobi, 1965. P. 51.

²⁹ Welch F. G. Toward an African Church. Nairobi, 1962. P. 25.

³⁰ World Christian Encyclopedia. P. 434.

³¹ Шпажников Г. А. Религии стран Африки. М., 1981. С. 220.

³² World Christian Encyclopedia. P. 432.

1913 г. среди них возник культ бога Мумбо, приверженцы которого выражали недовольство присутствием европейцев, а христианская религия объявлялась «испорченной». Несмотря на критику некоторых христианских доктрин, влияние христианской догматики на этот культ было очевидным. К 1966 г. «мумбоизм» почти полностью исчез, и осталось лишь около 500 его последователей ³³.

В 1914 г. в Ньянзе среди луо возникло церковное движение Номия, отколовшееся от англиканской церкви ³⁴. Последователи этого движения, официально называемого Церковью луо «Номия» (всего их насчитывается 120,0 тыс.), проводят ежегодные празднества в честь его основателя Джоханы Овало, напоминающие праздничные действия англиканских традиционных культов, практикуют обряд инициации, полигамию.

В 1957 г. от англиканства отделилась Церковь Христа в Африке (120,0 тыс.) — одна из крупнейших независимых церковных организаций в провинции Ньянза. Сначала она была исключительно церковью народа луо, однако в настоящее время в ее состав входят и представители других этносов, хотя луо и составляют основную часть (81%) и приверженцев. Влияние Церкви Христа распространилось среди луо (10% последователей), кикую, таита, кииси.

В результате раскола в англиканстве в 1960 г. возникла и Церковь святой троицы в Африке (50,0 тыс. человек). Ее прихожанами являются луо (75%), лухья (10%), кикую (5%) и некоторые другие.

К англиканству близка Восточноафриканская церковь креста (15,0 тыс. чел.), имеющая сторонников среди небольшой группы луо.

Ряд независимых христианско-африканских организаций носит пятидесятнический характер. Так, в провинции Ньянза в 1942 г. возникла отколовшаяся от Пятидесятнических ассамблей бога Африканская израильская церковь Ниневии (76,2 тыс.), и действующая среди лухья (51% ее адептов) и луо (49%). Целью этого движения, как и многих других независимых церковных организаций, было «возрождение» религии среди африканцев.

От Африканской израильской церкви Ниневии в свою очередь откололась Духовная церковь бога Израиля (40,0 тыс. человек). Она имеет приверженцев среди луо (60% всех прихожан) и лухья (30%).

Еще одной независимой пятидесятнической организацией является действующая среди кикую Церковь кенийского фонда пророка (41,3 тыс. сторонников), созданная в 1927 г. и до сих пор руководимая своим основателем, которому сейчас более 90 лет. Есть и другие небольшие независимые пятидесятнические организации, ответившие от разных церквей.

Особое место среди христианско-африканских церквей занимает Африканская независимая пятидесятническая церковь Африки (496,0 тыс. человек), возникшая в 1925 г., превратившаяся, однако, в значительную церковную организацию лишь в 1964 г., когда в нее начался массовый приток сельского населения.

Лухья образовали также Африканскую внутреннюю церковь (30 тыс.), ставшую «ответвлением» американской перфекционистской Церкви бога (Андерсон, штат Индиана).

Из влиятельной межвероисповедной Миссии внутренних районов Африки, объединявшей проповедников разных протестантских течений, в 1947 и 1961 гг. соответственно выделились две независимые христианско-африканские организации баптистского толка: церковно-просветительное объединение Африканские христианские церкви и школы (30,5 тыс. приверженцев, почти исключительно кикую) и Африканская церковь (30,0 тыс.; камба).

³³ *Wipper A. The Cult of Mumbo. Kampala, 1966. P. 2; Ogot B. A., Ochieng' W. Mumboism — An Anticolonial Movement//War and Society in Africa. L., 1972. P. 167.*

³⁴ *Beecher L. African Separatist Churches in Kenya//World Dominion and World Today. 1952. V. 31. P. 10.*

От Миссии внутренних районов Африки, а частично и от Армии спасения отделились группы, создавшие в 1945 г. Церковь африканского братства (64,0 тыс. человек). Она действует в различных районах Кении, населенных камба.

От Армии спасения также отпочковалась в 1966 г. Африканская церковь вокофу (спасения). Из 15,0 тыс. приверженцев 60% — лухья, 30% — камба, а также представители некоторых других народов.

В западной части Кении в 1944 г. было создано церковное движение Дини-йя-Мсамбва (Религия духов предков), которое откололось от квакерских организаций. Адепты этого направления объявили христианство религией империалистов и призвали африканцев вернуться к религии своих предков³⁵. В 1948 г. движение было запрещено колониальными властями, но в 1968 г. возобновило свою деятельность. Сейчас в Кении насчитывается 50,0 тыс. приверженцев Дини-йя-Мсамбва, живущих в районе горы Элгон, главным образом это лухья (букусу)³⁶.

От католицизма в 1962 г. отделилась часть верующих, создавших в Ньянзе независимую церковную организацию Мария Легио в Африке, которая насчитывает 150 тыс. приверженцев (90% из них — луо). Во главе ее встала местная уроженка Гуанденсия Аоко, призывавшая обращаться к богу непосредственно, не прибегая к помощи католического священника.

Помимо христианства в Кении получила распространение и другая мировая религия — ислам. Она начала проникать сюда еще в VII в. Ее исповедовали посещавшие в торговых целях восточноафриканское побережье арабы, персы и индийцы. Некоторые из арабов и персов оставались в Африке навсегда и обзаводились здесь семьями, беря в жены женщин-банту. Потомки таких браков образовали новую, исповедующую ислам этническую общность — суахили. В начале XIX в. в эту религию были обращены также африканцы-рабы. До конца прошлого века зона распространения ислама на территории Кении была ограничена городскими центрами на побережье Индийского океана. Однако с конца XIX в. арабские караваны стали все чаще проникать во внутренние районы страны, распространяя там мусульманство³⁷.

До 50-х годов нашего века численность последователей ислама в Кении увеличивалась как абсолютно, так и относительно. Если в 1900 г. в стране насчитывалось 100,0 тыс. мусульман и они составляли немногим более 3% всего населения страны, то, по данным переписи 1962 г., — 7,9%. Хотя позже численность мусульман продолжала расти, их доля в населении Кении начала уменьшаться, что было обусловлено быстрым распространением христианства. В 1980 г. приверженцев ислама было 941,3 тыс. (6,0%)³⁸.

Насколько точны приведенные данные о численности исповедующих ислам, сказать довольно трудно, так как некоторые исследователи называют совершенно иные цифры. Например, Д. Халид считает, что в Кении мусульмане образуют 30% населения³⁹. А советский африканист Г. А. Шпажников полагает, что они составляют 15% населения⁴⁰.

Популярность ислама среди местных жителей в значительной мере вызвана тем, что некоторые элементы африканской культуры схожи с исламской культурной традицией. Те же аспекты кенийской культуры, которые не «вписывались» в русло новой религии, не вызывали со стороны мусульманского духовного руководства резкого осуждения и продолжали свое существование после утверждения ислама⁴¹.

³⁵ Sangree H. W. Age, Prayer and Politics in Tiriki, Kenya. L., 1966. P. 173.

³⁶ Buijtenhuijs R. Dini ya Msambwa: Rural Rebellion or Countersociety?//Theoretical Exploration in African Religion. L., 1985. P. 323.

³⁷ Osogo J. A History of the Baluyia. Nairobi, 1966. P. 135.

³⁸ World Christian Encyclopedia. P. 432; The World Almanac Book of Facts. N. Y., 1986. P. 575.

³⁹ Khalid D. A Survey of Islam in Kenya//Orient. 1984. № 3. P. 323.

⁴⁰ Шпажников Г. А. Указ. раб. С. 218.

⁴¹ Spenser J. T. Op. cit. P. 68—70.

Мусульманство на первых порах легче, чем христианство, пришло в африканскую среду отчасти еще потому, что оно не было религией колонизаторов. Правда, арабы некогда обращали в рабство местных жителей, однако это уже несколько стерлось из памяти жителей. В отличие от европейцев-христиан пришельцы-мусульмане не вражались от коренных жителей, они жили среди них, вступая в брачные связи⁴².

Большинство кенийских мусульман — сунниты-шафииты (637,0 тыс. африканцы и 30,8 тыс. — арабы). Часть живущих в Кении лиц азиатского происхождения — сунниты-шафииты (22,0 тыс. человек), сунниты-нифиты (10,0 тыс.), а также шииты-исмаилиты (ходжа — 13,0 тыс. хора — 2,0 тыс.) и шииты-двунадесятники (3,0 тыс.)⁴³.

Что касается доли мусульман среди разных коренных народов, исламизированы все сомали (100%), подавляющее большинство джорданий (91%), боран (90%) и покомо (85%), значительная часть дур (25%), а также некоторое число таита, бони, санье, оромо, туркам и др.⁴⁴

Завершая рассмотрение религиозного состава населения Кении, необходимо отметить присутствие в стране последователей еще нескольких религий, появившихся здесь вместе с выходцами из Азии. Это — хайсты⁴⁵, индуисты, джайны, сикхи, иудеисты и парсы.

Последователи всех указанных выше религий, кроме бехаизма, в основном иммигранты и их потомки. Приверженцы бехаизма — главным образом лухья, ранее исповедовавшие ислам или христианство, а также небольшое число индийцев. Численность бехаистов растет довольно быстро. За период с 1964 г. по 1973 г. число местных бехаистских духовных ассамблей увеличилось почти в пять раз.

Индуизм в Кении исповедуют в подавляющем большинстве выходцы из Индии и их потомки. В стране существует более 50 различных индуистских организаций, языками общения в которых являются гуджарати, хинди, бенгали и панджаби. Большинство из них объединено в Индуистский совет Кении. Среди индуистов около 2,5 тыс. африканцев.

Джайны впервые появились в Кении в 1886 г. в результате иммиграции из Индии. По данным на 1970 г., 1/3 кенийских джайнов — последователи секты светамбара и 1/3 — секты дигамбара. Из Индии привезены в страну вместе с иммигрантами-панджабцами и сикхизм. Африканцы, исповедующие джайнизм или сикхизм, нет.

Сейчас в Кении можно встретить и атеистов. В 1980 г. насчиталось 4,0 тыс. человек, находившихся вне религии. Это в первую очередь европейцы и небольшая, но растущая прослойка африканской интеллигенции.

Рассмотрим теперь, как соотносятся между собой конкретные конфессиональные и этнические общности в Кении. Как мы уже видели, достаточно крупные религиозные общности в этой стране в большинстве случаев полиэтничны и полиязычны, причем это характерно для общностей всех иерархических уровней (высшего — христиан и мусульман, среднего — католиков, протестантов, православных, суннитов, шиитов, низшего — англикан, лютеран и т. д.). Так, среди англикан имеются представители различных народов банту (кикуйю, лухья, лусии, миджикенда, эмбу, таита), нилотских этносов (луо, календжин, лусаи, тесо), живущих в Кении англичан. Среди мусульман-суннитов — различные бантуязычные и нилотские группы, оромо, арабы, пакистанцы и др.

Что же касается традиционных культов, то они в большинстве случаев моноэтничны. Например, особые культы исповедуют такие небо-

⁴² Christianity in Africa — As Seen by the Africans. Denver, 1962. P. 34.

⁴³ World Christian Encyclopedia. P. 433.

⁴⁴ Ibid. P. 433; Schlee G. Clans in Northern Kenya//Africa. 1985. V. 55. № 1. P.

⁴⁵ Бехаизм вышел из недр ислама, однако отошел от него по догматике и культовым практикам настолько далеко, что сейчас считается многими религиоведами самостоятельной религией.

Численность некоторых религиозных меньшинств в Кении *

Конфессио- нальная принадлеж- ность	Год оценки					
	1970		1975		1980	
	Численность		Численность		Численность	
	в тыс.	%	в тыс.	%	в тыс.	%
Бехаисты	121,0	1,1	150,0	1,1	180,0	1,1
Индусты	60,0	0,5	70,0	0,5	80,0	0,5
Джайны	30,0	0,3	35,0	0,3	40,0	0,3
Сикхи	13,0	0,1	15,0	0,1	17,0	0,1
Иудеисты	0,7	0,0	0,82	0,0	0,98	0,0
Парсы	0,27	0,0	0,32	0,0	0,37	0,0

* Составлено по: World Christian Encyclopedia. P. 432.

щие этносы, как ндоробо, эль-моло, самбуру, тарака и т. д. Многие независимые христианско-африканские движения также возникли среди одного народа и не вышли за его пределы. Так, этническими рубежами кикуйю ограничена пятидесятническая Церковь кенийского фонда пророков. Исключительно среди лухья действует перфекционистская Африканская внутренняя церковь. Моноэтнична и Церковь луо «Номийя». Церковь африканского братства, образованная частью бывших приверженцев Миссии внутренних районов Африки и Армии спасения, распространена лишь среди камба.

Некоторые небольшие церковные организации, по-прежнему руководимые иностранными миссионерами или находящиеся под сильным влиянием европейских и американских протестантских церквей, также ведут свою работу среди какого-нибудь одного этноса. Это, например, связанная со шведскими пятидесятниками Церковь Мараната, последователями которой являются только луо; контролируемая пятидесятническими миссионерами Библейская церковь изучения Евангелия, завоевавшая определенные позиции среди камба, и ряд других. Ограничена рамками одной этнической группы (иммигрантами из Танзании — луо) и представленная в Кении меннонитская конфессиональная общность.

Моноэтничны также некоторые религии, распространенные среди пришлого населения, например сикхизм (панджабцы) и зороастризм (парсы).

Если большинство значительных по числу последователей конфессий полиэтнично, то и крупные этносы, как правило, поликонфессиональны ⁴⁶. Чрезвычайная пестрота религиозной структуры свойственна многим народам Кении. Прежде всего попытаемся выяснить, каков конфессиональный состав восьми крупнейших этносов страны ⁴⁷. Среди самого многочисленного кенийского народа — кикуйю наиболее крупными группами христиан являются англикане и католики, им заметно уступают православные (9% всех кикуйю), последователи независимых христианско-африканских движений (5%), Церкви внутренних районов Африки (4%), пресвитериане (3%), пятидесятники (1%), баптисты, адвентисты седьмого дня, а также лица, исповедующие племенные религии (менее 1/4 всех кикуйю).

Сложна конфессиональная система и у лухья. Они исповедуют главным образом католицизм и англиканство, но среди них есть также методисты (13% всех лухья), сторонники христианско-африканских независимых церквей (11%), пятидесятники (9%), квакеры (6%), приверженцы Армии спасения (5%), православные, лютеране. Среди лухья помимо последователей различных христианских конфессий имеется

⁴⁶ Пучков П. И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей // Сов. этнография. 1973. № 6. С. 57.

⁴⁷ Подсчитано по: World Christian Encyclopedia. P. 435, 436.

сравнительно небольшое число adeptов местных религий и малая группа беахистов.

Неоднородны по религиозному составу и луо — третий по численности народ Кении. Среди них много англикан и католиков, а также сторонники разных христианско-африканских церквей (38%). Есть в луо адвентисты седьмого дня (6%), пятидесятники (4%), лютеране и приверженцы других течений протестантизма.

Среди камба можно встретить католиков, adeptов христианско-африканских церквей (последние составляют 11% всех камба), члены Церкви внутренних районов Африки (8%), пятидесятников, пресвитериан и реформатов, баптистов.

Поликонфессионален и народ календжин. Среди них имеются католики, основную массу которых составляет субэтнос нанди, англикане (субэтнос кипсигис и нанди), методисты (в большинстве своем кипсигис), пятидесятники, последователи Церкви внутренних районов Африки и реформаты (нанди).

Кисии исповедуют католицизм, а также протестантизм в разных формах: англиканство, адвентизм седьмого дня (11% всех кисии), методизм (8%), пятидесятничество (3%), лютеранство (1%). Есть в кисии сторонники независимых христианско-африканских церквей.

Среди меру много католиков, имеются также методисты (16% меру), пресвитериане и реформаты (5%), пятидесятники (3%) и большая группа приверженцев Национальной независимой церкви Африки.

Миджикенда также включают несколько конфессиональных общин: католиков (главным образом субэтнос гириама и дурума), англикан (гириама), а также последователей Церкви внутренних районов Африки (6% всех миджикенда) и сторонников независимых африканских церквей (около 1%). При этом среди гириама преобладают приверженцы традиционных культов (82%).

Таким образом, все наиболее крупные этносы Кении неоднородны по своей конфессиональной структуре. Это характерно и для менее многочисленных этносов. Так, подавляющее большинство туркана (96%) придерживаются местных традиционных верований, однако есть среди них также мусульмане-сунниты и христиане (католики и пятидесятники). Местные религии господствуют и среди масаи, но имеются масаи — последователи католицизма, пятидесятничества, Церкви внутренних районов Африки. 2/3 мбере — приверженцы местных верований, немало среди этого небольшого народа и пресвитериан.

Строго моноконфессиональных коренных народов в Кении практически нет. Это прежде всего результат длительной миссионерской деятельности. Характерно, что даже группа христиан в составе одного конкретного народа Кении очень часто бывает поликонфессиональной, так как порой разные миссии соперничают друг с другом в деле христианизации того или иного этноса.

Многие народы Кении исповедуют не только различные конфессии христианской религии, но и разные религии: христианство, ислам, традиционные верования. Это бантуязычные таита, покомо, нилоты — туркана и др.

Как известно, религиозная гомогенность способствует особенной прочности этноса, а гетерогенность — определенной отчужденности, а порой и антагонизму между его группами, исповедующими разные конфессии, появлению у этих групп некоторых черт культурной специфики. Можно даже сказать, что конфессиональный плюрализм служит известным тормозом на пути процесса внутриаэтнической консолидации.

Стабильность существования конфессий в гораздо меньшей степени, чем стабильность существования этноса, зависит от наличия компактной территории. Известно, что в результате прозелитической активности религия может распространяться дисперсно, причем ее небольшие, территориально разбросанные ареалы могут сохраняться в иноконфессиона-

нальном окружении очень длительное время⁴⁸. Именно такую ситуацию мы видим в Кении. Это связано с тем, что миссионеры разных христианских конфессий часто работали здесь по соседству, в пределах одной этнической территории. И наоборот, проповедники одной церковной организации, начав свою прозелитическую деятельность среди какого-либо этноса, затем расширяли сферу своего влияния, включая в нее и другие народы. Так, католические миссионеры, обратив в свою веру часть таита, затем занялись христианизацией кикую, камба, меру, эмбу, луо, лухья, кииси и т. д.⁴⁹ Вышли за пределы одного этноса и некоторые христианско-африканские церкви. Например, Церковь Христа в Африке, возникнув у луо, со временем приобрела определенное влияние и среди других народов Кении.

Несмотря на то что разобшение по религиозному признаку в Кении довольно заметно, оно, естественно, не исключает разных форм связей между представителями различных конфессий. Нередки случаи заключения межконфессиональных браков (хотя, конечно, чаще всего брачные союзы создаются в рамках одной конфессии). Но при вступлении в такой брак один из супругов (обычно жена) иногда меняет прежнюю конфессию на вероисповедание другого. Христианки, например, выйдя замуж за мусульманина, как правило, переходят в ислам. То же самое прежде делали придерживавшиеся традиционных верований женщины-банту, выходя замуж за арабов.

Изредка в стране наблюдаются случаи перехода из одной конфессии в другую и по иным причинам. Отмечены, например, случаи перехода камба и меру из христианства в мусульманство и наоборот⁵⁰. В Ньянзе 200 лухья были обращены арабами в ислам, а несколько сот мусульман приняли христианство⁵¹.

Из всего сказанного видно, что конфессиональная ситуация в Кении сложна и динамична. Большинство этносов этой страны поликонфессиональны, а многие более или менее значительные религиозные общности состоят из представителей различных народов, т. е. полиэтничны. Можно констатировать, что между этносами и конфессиональными общностями Кении достаточно тесной сопряженности нет.

⁴⁸ Пучков П. И. Указ. раб. С. 56.

⁴⁹ Harris G. G. Casting out Anger: Religion among the Taita of Kenya. Cambridge, 1978. P. 4.

⁵⁰ Holway J. D. Islam and Christianity in East Africa//African Initiatives in Religion. Nairobi, 1971. P. 272.

⁵¹ World Christian Encyclopedia. P. 433.

Д ж. М у р

ИНДЕЙЦЫ-ЧЕЙЕНЫ В АМЕРИКАНСКОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НАЕМНОГО ТРУДА

Читая стандартные этнографические описания чейенов, можно подумывать, что участие индейцев в развитии экономики США чрезвычайно мало. Да и сами индейцы на страницах таких изданий напоминают печального героя известной скульптуры Джеймса Э. Фрейзера «Конец тропы», находящейся в Зале ковбойской славы в Оклахоме. Она изображает сурового воина-индейца, сидящего с поникшей головой на лошади. Лишенный возможности кочевать по прериям, он словно предчувствует то время, когда ему придется сидеть у дверей Бюро по делам индейцев в ожидании государственных выплат. Та же тема апатии и деморализации звучит и в первых отчетах агентов по делам индейцев, где их назы-

вают не иначе, как «одеяльщиками» и лодырями, отлынивающими работы и неспособными к оседлой жизни.

Примерно такими видят американцы своих соотечественников-индейцев, стереотипные образы которых долгое время господствовали в официальной идеологии. Цель настоящей статьи — проверить предположение о трудовом вкладе индейцев в развитие экономики США на примере одного племени — чейенов — в дорезервационный период и в их сселения в резервации. Рассмотрим три сферы их деятельности: 1) торговлю бизоньими кожами (1815—1864 гг.); 2) сезонную работу на найму (с 1890 г. по настоящее время) и 3) ремесла, в частности изготовление мокасин.

Работа написана с учетом такого экономического понятия, как стоимость, а также материалов этнографических исследований трудовой деятельности чейенов. Данную статью можно поставить в ряд работ, в том числе, например, монографией Л. Д. Уайса о развитии капитализма у индейцев Навахо¹, которые отражают новую тенденцию в изучении коренных народов Америки.

Теоретические предположения

Хотя марксизм на первое место ставит трудовую теорию стоимости, американские марксисты чаще оперируют денежным выражением стоимости, не прибегая к подсчету затраченного на ее производство времени. Это происходит прежде всего потому, что порождаемые капитализмом «данные» выражаются главным образом в долларах, франках, марках и т. д., а не в «застывшем труде». Экономистам-марксистам пришлось бы очень нелегко, если бы они постоянно переводили доллары в часы. Однако Маркс выразился очень ясно, говоря: «Потребительская стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерить величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в этом труде, этой „созидающей стоимости субстанции“». Количество своего труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а точнее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных дозах времени, каковы: час, день и т. д.»².

У этнографов же возможности применять экономический расчет в своих исследованиях ограничены. Когда торговый обмен происходит без соблюдения формальностей, между родственниками или с расчетом на ответную услугу впоследствии, как обычно бывает у индейцев даже в наши дни, час, его трудно представить в денежном выражении. Кроме того, этнографы в полевой работе тоже редко обращаются к подобным данным.

Необходимо остановиться здесь и на том, что однажды созданная стоимость не исчезает бесследно. Об этом часто пишут как о моральной стороне проблемы в связи с тем вкладом, который внесли негры в экономическое развитие Соединенных Штатов. Утверждают, что труд рабов, превратившись в потребительскую стоимость, продолжает существовать в национальной экономике, умножаясь в труде последующих поколений и делая богаче их жизнь. Таким образом, рабы — предки черных американцев — могут рассматриваться как создатели значительной доли нынешнего богатства Соединенных Штатов, хотя они и получали соответствующей платы за свой труд, а их потомки не пользуются полагающейся им по праву долей этого богатства.

То же самое, по моему убеждению, можно сказать и об американских индейцах.

Торговля бизоньими кожами

Заключенные с индейцами договоры продолжают вносить путаницу в американскую правовую систему, порождая множество неразрешимых проблем и противоречий. Едва ли не самыми спорными были догово-

¹ Weiss L. D. The Development of Capitalism in the Navajo Nation. Minneapolis: Marxist Educational Press, 1984.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, С. 47.

и пушной торговле, где формально признавались индейские племена, которым выделялись в пользование определенные территории в пределах границ Соединенных Штатов. Эти договоры до сих пор стоят на пути интересов монополий, особенно электрических и горно-добывающих компаний.

На Великие Равнины, которые в XIX в. поставляли бизоньи кожи, правительством были тогда же посланы две специальные экспедиции для сбора информации и составления договоров с целью расширения пушной торговли. Это экспедиции Льюиса и Кларка 1803—1806 гг. и Аткинсона 1825 г.³

Трудно точно определить масштабы торговли бизоньими кожами. В целом можно сказать, что она стала развиваться в начале XIX в. Торговля бобровыми шкурами, начавшаяся ранее и географически шире распространенная, приносила гораздо больший доход по сравнению с торговлей оленьими или бизоньими кожами⁴.

Одна из методологических трудностей при оценке торговли кожами заключается в том, что не все источники делают различие между *hides* — шкурами, высушенными, но не обработанными, и *robes* — кожами, выделанными и выкрашенными индейскими женщинами. Неясно также, относятся ли цифры, зафиксированные в источниках, к продукции, получаемой с Великих Равнин или же в Новом Орлеане просто перепродавали товар, привозимый по Миссисипи из Сент-Луиса. Чтобы не считать дважды один и тот же товар, я учел только кожи, перевозившиеся по Миссури Американской пушной компанией и отдельными торговцами.

Торговля бизоньими кожами, начавшись с нескольких сотен штук в 1790—1800 гг., достигла пика в 1848 г. (110 тыс. штук). По мере сокращения бизоньих стад, а также в результате переселения индейцев в резервации в 1864—1878 гг., число вырабатываемых ежегодно кож стало падать, и около 1884 г. этот промысел совсем исчез. Таким образом, индейцы продолжали изготавливать свои знаменитые бизоньи кожи еще несколько лет после создания резерваций.

За весь период торговли, по моим подсчетам, племенами долины Миссури было произведено около 5,5 млн. кож⁵. Если учесть, что выделкой кож занималось примерно 10—30 тыс. индейцев (приблизительное число взрослых женщин этих племен), то получится, что каждая из них выдывала 5—10 кож в год.

Одна кожа стоила в городах восточных штатов 6—25 долл., в среднем 9 долл.⁶. Если приведенные цифры верны, то общая стоимость торговли бизоньими кожами на территории долины Миссури в XIX в. составила примерно 50 млн. долл.

Чейены принадлежали к самым активным производителям бизоньих кож на Великих Равнинах. В отличие от земель, принадлежавших более северным племенам, территория чейенов в начале XVIII в. изобилвала бизонами, особенно междуречье Северного и Южного Платта. Когда бизонов здесь стало меньше, чейены перешли сначала в восточную часть штата Колорадо, а затем в 1850-х годах — на р. Верхний Репабликан и Смоки Хилл, где последнее стадо бизонов было истреблено 20 лет спустя.

К счастью, сохранилось подробнейшее этнографическое описание выделки бизоньих кож, сделанное Джеймсом Муни⁷. К его данным я добавлю собственные подсчеты трудовых затрат на дрессировку лошадей, изготовление снаряжения и охоту на бизонов. Эта информация была получена мною от трех чейенов — последних дрессировщиков, членов «конной ложи», с которыми мне посчастливилось беседовать. Разумеет-

³ Nichols R. L. General Henry Atkinson. Univ. of Okla. Pr., 1965.

⁴ Phillips P. C. The Fur Trade. V. 2. Univ. of Okla. Pr., 1961; Chittenden H. M. The American Fur Trade of the Far West. V. 3. N. Y.: Harper, 1902.

⁵ Roe F. G. The North American Buffalo. Univ. of Toronto Pr., 1951. P. 448—503; Chittenden H. M. Op. cit. P. 807.

⁶ Hornaday W. T. The Extinction of the American Bison//Annual Report of the National Museum, 1889. P. 437; Hurd C. W. Bent's Stockade, Privately Published. P. 55.

⁷ Mooney J. Manuscript 2213//National Anthropological Archives. Washington, 1903.

ся, результаты основаны лишь на моих собственных расчетах, приведенных ниже.

В основу подсчета затрат труда я положил продолжительность жизни лошади и снаряжения. Лошадь можно начинать дрессировать в возрасте 18 месяцев. После дрессировки лошадь используется на охоте 4 года, в течение которых добывали примерно 200 бизоньих. Считают, что седло и сбруя тоже служили 4 года и что за это время использовали 3 лука и 80 стрел. Затраты времени на все это, согласно сообщениям информаторов, следующие:

Приручение лошади	—600 час.
Ее дрессировка	—200 »
Изготовление седла	—80 »
Изготовление сбруи	—30 »
Изготовление 3 луков	—120 »
Изготовление 80 стрел	—320 »
Охота на бизонов	—800 »
Всего	2140 час. или 10,7 час. на одного бизона

Еще больше времени уходило у женщин на выделку бизоньей кожи. Процесс включал несколько процедур с последующей длительной выстиркой очищения от шерсти и разминания, благодаря чему кожа становилась мягкой и гибкой. Надо отметить, что Муни наблюдал выделку коровьих кож, которые меньше бизоньих по размеру почти на треть. Поэтому, если, по Муни, на каждую коровью шкуру шло 55,7 чел.-час. (женского труда), то для каждой бизоньей кожи мы примем цифру 39,8 чел.-час. Прибавив их к 10,7 час. труда, затраченного мужчинами, получаем 80 с лишним часов труда для изготовления одной пригодной для продажи кожи бизона. Другими словами, каждая бизонья кожа, предназначенная для продажи, воплощала 80 час. необходимого труда семьей чейенов. Что же получали они за свой труд?

Хотя кожи продавались — в зависимости от качества и украшения — от 6 до 25 долл. за штуку, индейцы не получали за них и части этой суммы. Им платили не деньгами, а товарами. Обычно за одну кожу индеец получал товаров на 1,5—2,5 долл. Кроме того, посредники всегда забирали цену товаров в 4—5 раз по сравнению с тем, что платили за сами skins⁸.

Таким образом, хотя индеец и получал в среднем 2 долл. в товар, для торговца они стоили около 50 центов. Даже прибавив сюда расходы на транспорт и повысив эту стоимость до 80 центов, мы все же видим, что заработная плата индейских ремесленников составляла всего около 10 центов в час.

Для наглядности сравним ее с заработной платой рабочего в этих штатах в восточных штатах. В самой близкой области — кожевенном производстве — она составляла 9,5 долл. в неделю, т. е. при 60-часовой рабочей неделе — 16 центов в час. Разделив заработок белого американца на заработок индейца, мы получим 1600% — показатель степени эксплуатации последнего по сравнению с белым рабочим. Этот процент снижается до 1000%, если разделить цену бизоньей кожи на цену обменной стоимости товаров. Неудивительно, что при таком уровне эксплуатации владельцы пушных компаний входили в число первых миллионеров Америки.

Сезонная работа в Оклахоме

Во время Гражданской войны начался расцвет железнодорожных промышленных концернов, таких, как Дюпон, Проктор и Гембл, разбогатевших на поставках военной продукции. После войны под строительство железных дорог и шахт широко раздавались земли и деньги.

⁸ *Sunder J. E. The Fur Trade on the Upper Missouri, 1840—1865. Univ. of Oklahoma Press, 1965. P. 36.*

Торговля с индейцами не могла выдержать конкуренции с новыми тенденциями. «Гарантированные» индейцам территории в 1864—1877 гг. начали прибирать к рукам владельцы монополий и использовать их в соответствии со своими интересами.

Необходимость оправдать нарушения договоров с индейцами породила самые невероятные юридические аргументы и самую извращенную логику в истории юриспруденции Соединенных Штатов. Такое положение создалось в начале резервационного периода, когда был принят закон Дауэса, согласно которому индейцам предоставлялись небольшие наделы земли в индивидуальное пользование вместо сохранения крупных общинных угодий с особым статусом. Это давало возможность белым фермерам и горнодобытчикам покупать или арендовать земли у отдельных индейцев.

Неуклонное сокращение земель чейенов в Оклахоме убедительно документировано в работах Д. Бертронга и Р. Неспора⁹. Чейены, получив к 1892 г. полмиллиона акров земли в виде индивидуальных наделов, к 1910 г. не владели и 20% этой земли. Чейены Оклахомы успешно занимались земледелием и до и после 1892 г., хотя предпочитали обрабатывать землю коллективами расширенных семей, а не нуклеарными семьями. Однако в дела чейенов постоянно вмешивалось Бюро по делам индейцев: они не получали вовремя зерно и инвентарь, страдали от махинаций местных банкиров и бизнесменов. В результате к началу первой мировой войны значительная часть чейенов представляла собой сельский пролетариат. Они были заняты на работах не круглый год и жили на небольшие суммы, вырученные от аренды земли, и на постоянно сокращавшиеся государственные субсидии.

Для чейенов потеря земли означала необходимость наниматься на работу. По иронии судьбы, некоторые чейены в конце концов нанимались работать на земли, которые номинально принадлежали им, но через Бюро по делам индейцев были сданы в аренду белым фермерам. Отсюда возник миф о «ленивом индейце». Фермеры возмущались не только тем, что индейцы нерадивы и не желают работать на своих собственных землях. Их особое негодование вызывало то, что индейцы отказывались работать на белых — на их ли собственных землях или на арендованных у чейенов. Когда же у белых не было работы для индейца, их явно не волновало, «ленив» он или нет. Об этом весьма красноречиво свидетельствует переписка между фермером Дж. М. Рэппом и суперинтендантом Бюро по делам индейцев У. У. Скоттом, хранящаяся ныне в архиве Исторического общества Оклахомы.

В этих письмах нашла отражение вся система найма на сезонную работу, которая начала развиваться в те годы и существует до сих пор. Во-первых, здесь присутствует элемент физического принуждения — вооруженные фермеры запугивали индейцев, чтобы завладеть землей или заставить их работать. Чейенов до сих пор терроризируют подобным образом. Во-вторых, фермеры оказывали политическое давление на Бюро по делам индейцев, чтобы получить необходимую рабочую силу.

В идеале доход от занятий, помимо сельскохозяйственных, у индейцев должен был быть достаточным для того, чтобы они не уходили из данной местности, но в то же время не таким большим, чтобы они могли позволить себе отказаться от работы по найму в период страды. Хотя теперь индейцы получают денежные выплаты по социальному обеспечению вместо прежних продовольственных пайков и ежегодных рент, но это мало что изменило в их положении.

По утверждениям стариков, сезонная работа стала доступной индейцам со времен первой мировой войны. Во время войны начался «пшеничный бум» в Западной Оклахоме, который продолжается до сих пор¹⁰.

⁹ *Berthrong D. J. The Cheyenne and Arapaho Ordeal. Univ. of Okla. Pr., 1976; Nespor R. The Evolution of the Agricultural Settlement Pattern of the Southern Cheyenne Indians in Western Oklahoma, 1876—1930, dissertation. Univ. of Okla. Pr., 1984.*

¹⁰ *Hale D. The People of Oklahoma: Economics and Social Change. P. 31—92//Oklahoma: New Views/Ed. Morgan Anne H. and Morgan H. Wayne. Univ. of Okla. Pr., 1982. P. 56—57.*

Сенокос и сбор урожая пшеницы и других культур длятся обычно с мая по сентябрь. В этот период любой чейен может нанять работу.

Безработица после окончания сельскохозяйственных работ, согласно государственной статистике, наиболее велика среди индейцев, достигая более 80%. Такое положение выгодно фермерам: индейцы тем охотнее нанимаются летом, чем выше уровень безработицы в остальное время.

Однако в этих районах Оклахомы сельскохозяйственный труд плохо учитывается статистикой. Чтобы платить индейцам как можно меньше, фермеры не отчитываются перед Бюро по делам индейцев об объеме работ, выполненных работниками-индейцами. Плата, сообщаемая информаторами, составляет 20—30 долл. за 8—10-часовой рабочий день. Чейены в свою очередь не сообщают властям о своих работах, боясь, что им перестанут выдавать талоны на бесплатное довольствие и платить пособия из различных фондов социального печения. Как считают информаторы, в сезон уборки пшеницы 90% чин-чейенов в Западной Оклахоме нанимаются к фермерам.

Степень участия индейцев в работе по найму, по мнению информаторов, остается практически постоянной со времени первой мировой войны, что позволяет нам примерно оценить вклад чейенов в развитие экономики за этот период. Численность чейенов на западе Оклахомы (вместе с южными арапахо) увеличилась с 3000 до 8500, по последней переписи племен. Если, исходя из половозрастной структуры племен чейенов, предположить, что около четверти его составляли работоспособные мужчины и что 70% из них участвовали в сезонной работе на фермах (остальные — в других отраслях), то за период с 1915 по 1985 г. им придется поработать 416 500 чел.-мес. Если считать, что в месяце 200 рабочих часов, и если их оплачивали даже по самым низким нынешним расценкам — 3,38 долл., то получится около 281 млн. долл. — такова стоимость труда чейенов и арапахо в долларах по современному курсу. Если подсчитать прибыль, полученную от произведенного трудом индейцев проданного зерна, то сумма окажется неизмеримо большей.

Как бы то ни было, чейенам не удавалось реализовать произведенную ими стоимость. Они не превратили ее в капитал, израсходовав деньги на повседневные нужды и оставшись по-прежнему бедняками. Что касается белых фермеров, торговцев и владельцев пищевых компаний, они получали огромные прибыли, подобно скупщикам бизоньих шкур в прошлом веке.

Изготовление мокасинов

Женщины-чейенки с давних пор специализируются на изготовлении мокасинов, вышитых бисером. Еще во времена Льюиса и Кларка было известно, что чейены обеспечивают мокасинами другие племена¹¹. Промысел у чейенов сохранился до сих пор.

Узоры передаются в чейенских семьях из поколения в поколение. Мастерицы из других семей не имеют права использовать их в своих изделиях. Находящиеся в музеях США мокасины, сшитые в прошлом веке, украшены именно такими уникальными узорами.

Нижеследующие данные по изготовлению мокасин чейенами собраны моим студентом Ч. Хилтоном во время полевой работы в 1983 г. Он обнаружил, что чейенки по-прежнему специализируются на изготовлении мокасин, в то время как женщины других племен — на изготовлении иных предметов. Так, индейцы ото делают изысканные мокасины из лент, а также бисерные ожерелья, цепочки для ключей и в небольших количествах мокасины. Хотя все племена производят несколько видов ремесленных изделий, каждое специализируется в основном на изготовлении определенной продукции.

Интересен также тот факт, что мокасины покупают в основном белые туристы, а индейцы других племен, особенно навахо и пуэбло.

¹¹ *Tabeau P. A. Tabeau's Narrative of Loisel's Expedition to the Upper Missouri*. Univ. of Okla. Pr., 1939. P. 158.

Это опять-таки очень давняя традиция: известно, что чейены посещали ярмарку индейцев таос в Нью-Мексико еще 200 лет назад¹².

Сейчас мокасины поступают в продажу главным образом через сеть «индейских магазинов» в Западной Оклахоме. Каждый год продается около 1200 пар мокасин, более 90% которых, по словам торговцев, изготавливается чейенами. Обувь делают 50 чейенок-родственников, причем старшие обучают младших. Мокасины, однако, составляют лишь часть торгового ассортимента индейских ремесленных товаров и 15% торгового оборота.

Прежде мокасины делали «надомницы»; торговец снабжал их кожей, бисером и другим сырьем, а затем приходил и за определенную цену скупал товар. Сейчас же обычно мастера сама сдает в магазин свою продукцию по цене, учитывающей стоимость сырья. Поэтому скупщики держат у себя на складах необходимые материалы, чтобы обменивать их, добавляя деньги, на готовую обувь.

Продажная цена мокасин зависит от того, как они украшены. Мокасины, вышитые бисерными узорами из нескольких штрихов, продаются в индейских магазинах по 40—90 долл. за пару. Мокасины же, сплошь расшитые бисером, стоят от 135 до 300 долл. В Нью-Йорке, Бостоне и Торонто в больших магазинах я видел сплошь расшитые мокасины в среднем по 550 долл., а частично расшитые — в среднем по 180 долл.

За пару мокасин, оцененных в индейском магазине в 90 долл., чейенка получает 35 долл. наличными и на 30 долл. материалов. Разумеется, торговец совершает обмен, исходя из розничной, а не оптовой цены сырья, по которой сам приобретал его, — традиция, идущая со времен торговли бизоньими кожами. Таким образом, торговец платит 35 долл. наличными и дает примерно на 20 долл. сырья за одну пару обуви¹³. Его прибыль составляет в этом случае почти 40% с каждой пары мокасин.

Время, затрачиваемое на изготовление мокасин, различно у разных мастериц. Ч. Хилтон установил, что на одну пару частично расшитых мокасин уходит от 7,5 до 56 ч., т. е. в среднем 18 ч. Если считать, что средняя плата за пару мокасин — 40 долл. (учитывая оптовые цены на сырье), то час работы стоит примерно 2,22 долл. Женщины, работающие более тщательно, получают даже меньше 1 долл. в час.

Если мои устные подсчеты верны, то можно вычислить и стоимость произведенных мокасин в течение нашего столетия. Из 1200 пар мокасин, продаваемых ежегодно, 200 — полностью расшитые и 1000 — частично. За 85 лет было продано примерно 17 тыс. пар полностью расшитых и 85 тыс. пар частично расшитых мокасин.

Учитывая инфляцию, характерную для нынешнего времени, и считая по ценам 1983 г., получим общую сумму в 10 млн. долл. (средняя стоимость обоих видов мокасин — 65 и 250 долл). Как и в случае с торговлей бизоньими кожами и работой на уборке пшеницы, чейены не получили большой прибыли от торговли обувью, поскольку на оплату их труда пришлось меньше половины дохода от продажи, и эти деньги опять-таки пошли на удовлетворение повседневных нужд, а не на создание капитала и приобретение земли. Торговцы же индейскими товарами — одни из самых богатых людей в Оклахоме — приобретали капитал благодаря эксплуатации индейцев.

Заключение

Хотя мы рассмотрели всего три примера трудовой деятельности чейенов, они красноречиво доказывают, что индейцы вносили определенный вклад в развитие американской экономики, размеры которого однако не следует переоценивать. В период своего расцвета в 1860-х го-

¹² Kenner Ch. L. A History of New Mexican-Plains Indian Relations. Univ. of Okla. Pr., 1969. P. 74—76.

¹³ Считая розничные цены в 1,5 раза превышающими оптовые.

дах торговля бизоньими кожами давала больше 1 млн. долл. в год, в то время как вся американская промышленность приносила 4 млрд. долл., а национальный импорт составлял 250 млн. долл. Тем временам пушная торговля, а также торговля бизоньими кожами занимала видное место в экономике США.

Работа чейенов в фермерских хозяйствах представляет еще один пример экономического принуждения и эксплуатации труда. Перемещение тонкий механизм, с помощью которого фермеры получают рабочих в самое горячее время — в сезон уборки урожая. Фермеры и чейены. Бюро по делам индейцев — нередко в одном лице — действует так, позволяя индейцам выжить за счет общественных денег, но не пуская их из поля действия системы эксплуатации. И хотя чейены мигрируют для сезонной работы, подобно латиноамериканцам в Техасе и Флориде, их вклад в развитие экономики не менее важен.

Тот же фактор оседлости индейской рабочей силы лежит в основе производства мокасин. Торговцы устанавливают сеть постоянных точек соприкосновения с индейцами, поставляющими обувь, платя им по низким расценкам и получая максимальную прибыль.

Как мы видели, масштабы участия чейенов в развитии экономики опровергают миф о «ленивом» индейце. Причем в наших примерах имели возможность произвести приблизительную оценку произведенной чейенами стоимости. Работа чейенов в городах (Тулса, Оклахома и Даллас) труднее поддается учету. Молодые индейцы едут в города в сезон сельскохозяйственных работ. Но там не ведется никакого учета их труда, поскольку большинство индейцев работает здесь временно.

К сожалению, приходится признать, что миф о «ленивом» индейце продолжает жить. Причина заключается прежде всего в том, что он создан для белого большинства. В данной статье я попытался представить некоторые объективные количественные данные о том, как много сделали индейцы и что они сделали для блага своей страны.

¹⁴ Simonds J. C. and McEnnis J. T. Op. cit. P. 695, 703.

В. А. Башилов, К. А. Родригес ДОИСПАНСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ КОЛУМБИИ

В 30-х годах XVI в. испанские конкистадоры вторглись на территорию Западной Колумбии. Они шли различными путями — с юга, через плоскогорье Попаян (С. Белалькасар), с севера, по тихоокеанскому побережью (П. Давила) и по долине р. Каука (Х. Робledo, Х. Вадил). В хрониках, повествующих об этих походах, много места уделяется рассказам о населявших эти земли племенах аборигенов, их занятиям быта и обычаях.

Среди этих сведений определенное место занимают описания индейских поселений. При этом описываются дома, принадлежавшие вождям и касикам. Однако эти описания дают весьма смутное представление об их конструкции. Постоянно подчеркивается, что они были большими и круглыми¹. Материалом для постройки служили стволы местных деревьев, скорее всего бамбука². Из них делались как вертикальные столбы и балки перекрытия, поддерживавшие крышу из соломы³, видимо, и обшивка стен.

¹ Cieza de León P. La crónica del Perú//Colección austral. № 507. Madrid, XVIII, P. 75, XXI. P. 80; XXVI. P. 94; Robledo J. Descripción de los pueblos de la vincia de Ancerna//Jijon y Caamaño J. Sebastián de Belalcázar. Quito, 1936. T. 2. P. 1.

² Robledo J. Op. cit. P. 73.

³ Cieza de León P. Op. cit. XVIII. P.75.

«Поскольку дома большие и хорошо сделаны,— пишет Х. Робледо,— в каждом доме живут десять мужчин с женами и детьми и у каждого есть свое место, где он спит»⁴. Таким образом, в большом доме касика жила не менее 30 человек. Однако П. Сьеса де Леон, описывая быт индейцев Западной Кордильеры в районе г. Кали, указывает, что «у них большие дома с крышей из листьев пальм, которых много в горах...»⁵. Вполне вероятно, что размеры дома были прямо связаны с имущественным и общественным положением его обитателей.

Говоря о жилищах индейцев, живущих в горах Западной Колумбии, П. Сьеса де Леон упоминает об одной довольно странной особенности их конструкции: «Народы гор... имеют дома... на больших, высоких деревьях, наподобие чердака...»⁶. И в другом месте, описывая горцев, обитающих в районе р. Сан-Хуан, он пишет, что они «имеют дома, сооруженные на деревьях»⁷. Эти сведения плохо согласуются со значительными размерами жилищ, указанными в письменных источниках.

Колумбийский историк К. Ромоли высказала в этой связи интересное предположение о том, что здесь имеются в виду дома, стоявшие на столбах. При этом она исходила из данных о «барбакоа» — жилищах населения тихоокеанского побережья, поднятых над землей для защиты от нападений и одновременно для придания им большей антисейсмичности в этом, одном из самых дождливых и сейсмоопасных районов мира⁸.

Археологические раскопки, проведенные нами в Западной Кордильере в 1983 г.⁹, позволили получить ряд интересных данных о конструкции рядового жилища доиспанского времени. Они хорошо согласуются с данными письменных источников и позволяют пролить свет на некоторые еще неясные детали. Объектом исследований было поселение на горе Кабо-де-ла-Вела¹⁰, доминирующей над долиной Хигуалес, отходящей от долины р. Калима, широко известной богатством своих археологических памятников.

Кабо-де-ла-Вела представляло собой поселение с центром на вершине горы, где находится круглая искусственная площадка. По склонам горы были вырыты 24 платформы — «тамбо». В древности на них стояли жилища. Самое большое тамбо находилось вблизи вершины, на пологом западном склоне, обращенном к долине Хигуалес, и заметно отличалось по размерам от остальных. Оно имело около 25 м в длину и 15 м в ширину. По своему положению и величине это тамбо вполне сопоставимо с описаниями домов касиков в письменных источниках.

Для раскопок было выбрано тамбо небольших размеров (№ 4), в крутом восточном склоне горы (рис. 1). Длина с севера на юг 7,5 м, ширина площадки 3,5—4,0 м. Протяженность западной стены 5,0 м, в центральной части она вертикальна и достигает 0,5 м в высоту. К северу и югу стенка понижается, а затем и поворачивает под тупым углом на северо-юго-восток. Здесь стенки более отлоги и постепенно сходят на нет.

Площадка тамбо почти горизонтальна. Лишь к востоку она понижается. На площадке под 10-сантиметровым дерновым слоем лежал черный культурный слой мощностью от 20 до 50 см. Он состоял, видимо, из собственно культурного слоя в нижней части толщи и черной земли, намытой со склона, у задней стенки тамбо. Под черным слоем находился тонкий (3—5 см) перемешанный слой, условно названный нами «желтым

⁴ Robledo J. Op. cit. P. 72.

⁵ Cieza de León P. Op. cit. XXIX. P. 100.

⁶ Ibid. XXVI. P. 93.

⁷ Ibid. XXIX. P. 102.

⁸ Romoli K. Apuntes sobre los pueblos autóctones del litoral colombiano del Pacífico en la época de la conquista española // Revista colombiana de antropología. Bogotá, 1963. V. XII. P. 283.

⁹ Работы проводились Институтом археологии АН СССР и Вальекауканским институтом научных исследований (г. Кали, Колумбия). Советская сторона была представлена В. А. Башиловым, колумбийская — К. А. Родригесом и Э. Сальгадо Лопесом. В работе принимали участие О. Осорио Гонсалес и Х. Гутьеррес.

¹⁰ Башилов В. А. Советско-колумбийские археологические исследования в долине р. Калима // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

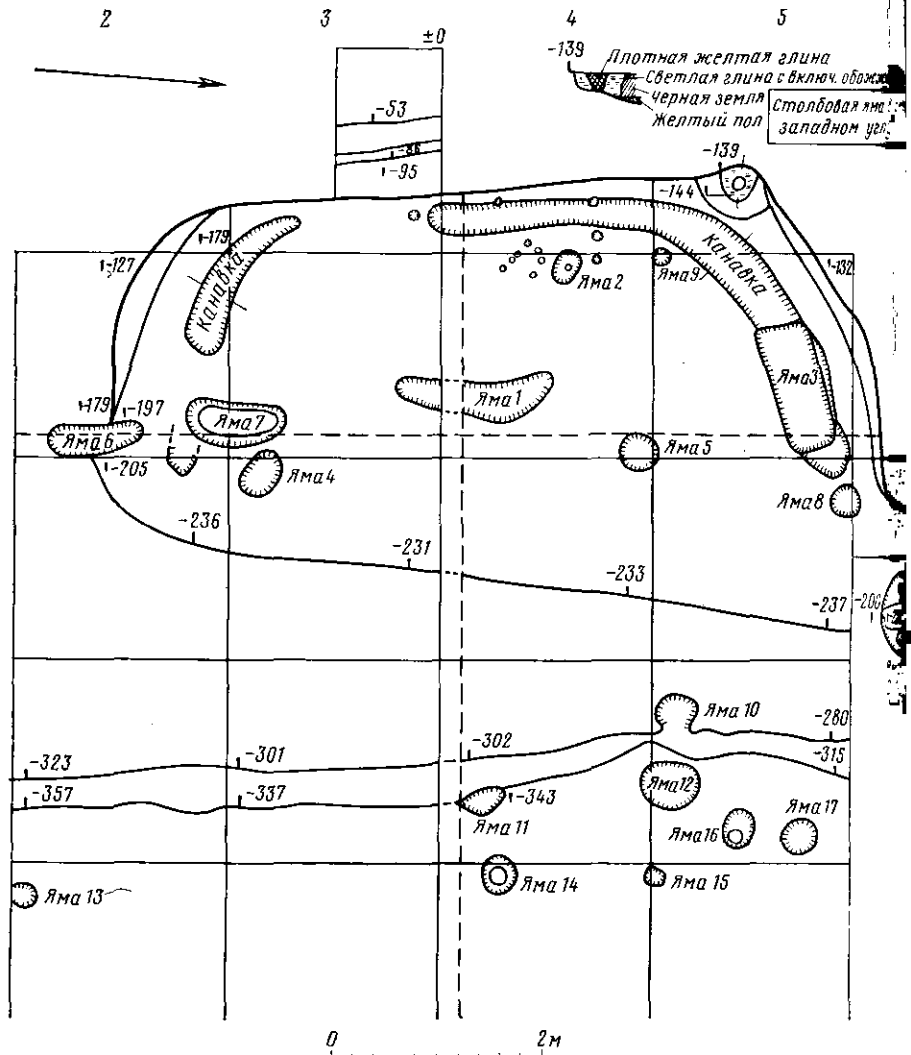

Рис. 1. Общий план тамбо № 4

полом». Он лежал непосредственно на материке и может быть интерпретирован как «жилая поверхность», нанесенная людьми в период строительства тамбо. «Желтый пол» немного выходил за пределы тамбо.

Ниже по склону под черным слоем обнаружен бугор желтой материковой земли с заметной примесью черного гумуса. Эта земля несколько мягче, рыхлее лежащего ниже материка. Граница между ними хорошо видна. Бугор был перекрыт «желтым полом» в верхней части и имел довольно крутой нижний край высотой 30—40 см. Такая форма обычно наблюдается на естественных склонах. Все это заставляет нас считать, что он имел искусственное происхождение и представлял собой захороненную с площадки тамбо при его сооружении. Еще ниже по склону между дерном и черным слоем, залегала «линза» коричневатой земли с включением комочков желтой материковой глины. Мы связываем этот слой с перестройкой на тамбо № 4¹¹.

¹¹ Колумбийские археологи Л. Эррера и Э. Сальгадо Лопес (коллеги по раскопкам) связывают с существованием тамбо только этот коричневатый слой. Подозревая, что его черный слой рассматривается ими как погребенная почва, а бугор выбитый как настоящий материк. Если принять такую интерпретацию, то непонятно, куда делся довольно значительный объем земли, вынудившей при сооружении тамбо. И объяснить также и мешаный характер глины в бугре и его отличие по твердости от материка.

Вдоль западной стенки тамбо дугой шла канавка, прослеженная на уровне материка в виде темных продолговатых пятен в южной и в виде длинной темной полосы в северной части площадки. В ее заполнении найдены камни и обломки керамики. Ширина канавки 30—40 см, глубина 4—5 см от уровня материка.

По оси площадки на расстоянии 3,5 м друг от друга располагались две глубокие ямы — № 4 и 5. Яма № 4 имела около 40 см в диаметре и 70 см в глубину. В ее заполнении найдены четыре обломка керамики. Яма № 5 того же диаметра достигала глубины 90 см. На глубине около 40 см в ней найдено скопление камней до 35 см длиной и обломков стенок сосудов. По всей вероятности, в этих ямках находились столбы, один из которых был заклинен камнями. По взаимоположению на площадке можно предполагать, что они были связаны с единой планировкой сооружения, стоявшего на тамбо.

С северной стороны канавку у стены тамбо прорезала большая прямоугольная яма № 3. Ее глубина в среднем 70 см. Стенки, кроме северо-западной, которая обвалилась, почти отвесны. В яме найдено несколько обломков керамики.

С южной стороны канавку прорезала яма № 7. Она имела странную «бобовидную» форму, плоское дно и скошенные стенки. Длина ее около 1 м, ширина 40 см, глубина около 30 см. Яма такой же формы, но несколько меньше — № 6 обнаружена у окончания юго-западной стенки тамбо. В ней найдена антропоморфная подвеска. Третья «бобовидная» яма — № 1 находилась в центре площадки. Она самая большая из трех. Длина ее почти 1,5 м. Один конец ямы был несколько вытянут в северо-западном направлении. Эти три ямы, расположенные на одной линии, близки типологически и скорее всего были функционально связаны между собой. То, что одна из них перерезала канавку, а другая — линию южной стены тамбо, заставляет отнести их, как и яму № 3, ко второму этапу застройки площадки.

Северо-западный угол тамбо в отличие от плавно изгибающегося юго-западного представляет собой почти треугольный вырез в материке, выходящий за линию западной стены. В этом углу на уровне верха черного слоя было замечено круглое пятно светлой земли с включениями кусочков обожженной глины. В центре его находилось другое пятно, включающее плотную светлую глину. Разрез показал, что скорее всего мы имеем здесь дело с ямой от углового столба, опиравшегося на материковый останец. Уровень, с которого прослежена эта яма, а также искусственный характер выреза угла тамбо заставляют думать, что и этот объект относится ко второму этапу застройки.

На площадке тамбо находятся еще несколько объектов, не имеющих прямой связи с тем или иным из выделенных этапов застройки. Это, например, круглая яма № 8, расположенная у окончания северо-западной стены тамбо. Другая круглая яма (№ 9) находится у изгиба канавки, в глубине северной части площадки. В центральной ее части, также в непосредственной близости от канавки, обнаружено плоское углубление (яма № 2) и скопление маленьких ямок (10—15 см глубиной), видимо от кольев. Три из них, наиболее крупные, с плоским или сферическим дном, расположены в ряд вдоль западной стенки тамбо. Две из них были врезаны в край канавки. Они могли относиться как к первому этапу, так и ко второму.

Перед нижним краем бугра выброса находится ряд ям. Некоторые из них, вероятно, были связаны с постройкой, существовавшей на тамбо. Это относится прежде всего к трем ямам (№ 13, 14, 15), идущим в ряд и расположенным параллельно продольной оси площадки тамбо. Это небольшие ямы, которые могли быть основанием столбов, хотя они и не глубоки. Яма № 15 находится на одной линии со столбовой ямой № 5 на площадке. На этой же линии находятся еще две ямы — № 12 и 10, последняя врезана в верх материкового выкида. Ямы 16 и 17 не следует рассматривать как столбовые, так же как и яму № 11, представлявшую собой углубление неправильной формы у края выкида.

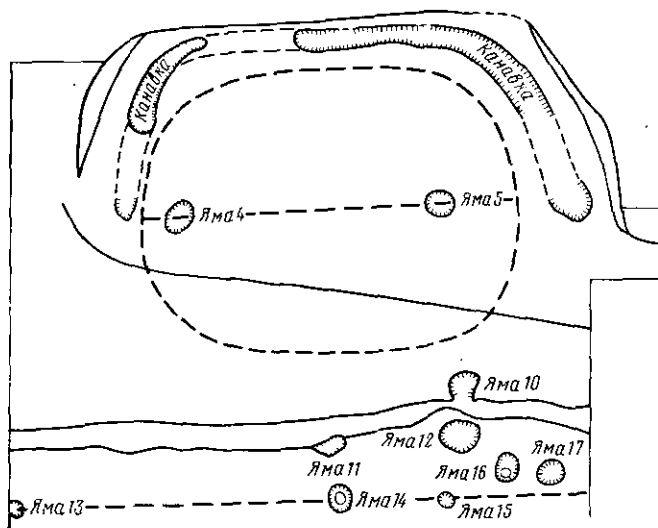

Рис. 2. Реконструкция плана постройки I этапа на тамбо № 4

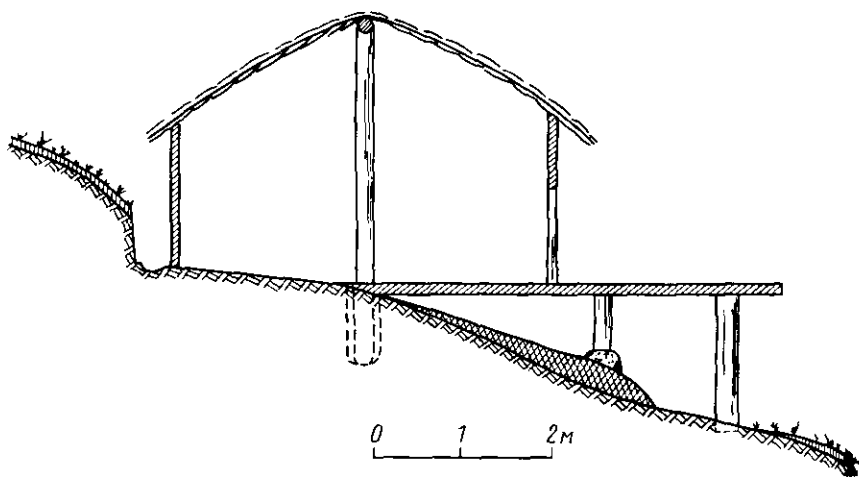

Рис. 3. Реконструкция дома первого этапа на тамбо № 4

Реконструкция сооружений на тамбо № 4. Хорошо известно, что доиспанской Колумбии тамбо служили основанием домов, которые имели чаще всего округлую форму. Это находит подтверждение и в археологических материалах. Круглые дома обнаружены, например, при раскопках в Сан-Агустине¹². Л. Дуке Гомесом и Х. С. Кубильосом при этом были прослежены темные полосы, кольцом или полукольцом идущие вокруг жилища. Исследователи интерпретируют их как следы органических отбросов, выбрасывавшихся за его пределы. Эти темные полосы очень напоминают пятна заполнения канавки на площадке тамбо № Кабо-де-ла-Вела, что подтвердил и Х. С. Кубильос при посещении раскопа. Можно предполагать, что канавка ограничивала с запада площадь дома, стоявшего на тамбо (рис. 2).

Две большие и глубокие ямы (№ 4 и 5) на длинной оси площадки предназначались скорее всего для столбов, достаточно мощных, чтобы поддерживать крышу дома. Их расположение определенно говорит о том, что на них покоился конек двускатной крыши. Канавка при этом сл

¹² Duque Gomez L., Cubillos J. C. *Arqueología de San Agustín. La Estación/Publicaciones de la Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. Bogotá, 1990. № 9. P. 51—63; Llanos Vargas H., Duran de Gómez A. Asentamientos prehispánicos Quinchana, San Agustín/Publicaciones de la Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. Bogotá, 1983. № 20. P. 41—44.*

Рис. 4. Дом на столбах, компенсирующих склон, в окрестностях Кабо де ла Вела.

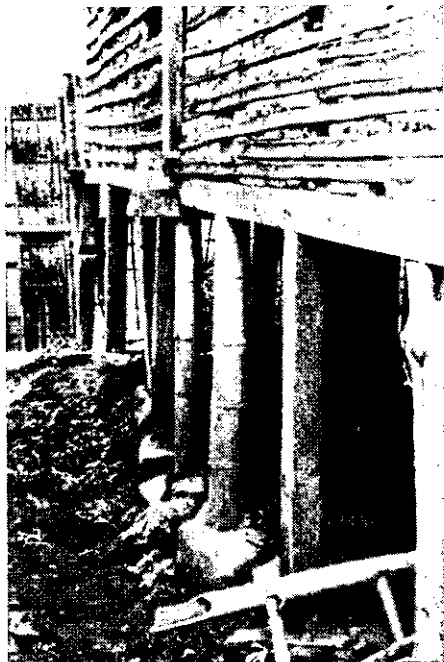

Рис. 5. Столбы в основании дома, опирающиеся на плоские камни. Окрестности Кабо де ла Вела.

жила для отвода дождевой воды из-за задней, западной стены дома. Если это так, то расстояние между линией, соединяющей столбовые ямы, и канавкой у западной стены тамбо — 2,2 м — должно представлять собой половину ширины дома. Следовательно, его полная ширина должна быть около 4,5 м.

Однако при такой ширине восточная сторона реконструируемого дома выходит за пределы площадки тамбо и «повисает» над склоном. Это заставляет предполагать существование горизонтальной деревянной платформы, одной стороной опиравшейся на край площадки, а другой покоившейся на столбах (рис. 3). Столбовые ямы № 13, 14, 15, расположенные в ряд параллельно оси площадки, по-видимому, подтверждают наше предположение. Возможно, что и ямы № 10 и 12 имели отношение к основанию платформы, хотя столь же возможно и их хозяйственное использование под ней.

Предлагаемая реконструкция имеет этнографические параллели среди современных построек беднейших семей в окрестностях Кабо-де-ла-Вела, хотя сейчас гораздо чаще встречается выравнивание и подсыпка склона под всю площадь дома, что, конечно, требует больших затрат. Тем не менее нами зафиксированы и дома, одна сторона которых опирается на столбы, компенсирующие перепад высоты на склоне (рис. 4). При этом очень часто столбы, особенно крупные, не заглубляются в землю, а опираются на большие плоские камни, подложенные под них (рис. 5). Люди, живущие в таких домах, говорили нам, что они обладают особой устойчивостью во время нередких в этом районе землетрясений. У стороны дома, обращенной к склону, встречается неглубокая водоотводная канавка (рис. 6).

Реконструкция, предложенная выше, относится к дому первого этапа застройки тамбо № 4. Нам представляется, что за время существования этой постройки и ее разрушения и накопилась основная толща слоя черной земли, которая наносилась под платформу с дождевой водой. Возможно, существованием платформы можно объяснить и тот факт, что в нижних горизонтах этого слоя в этом месте значительно меньше обломков керамики, чем в верхних.

Рис. 6. Канавка у обращенной к склону стены дома в окрестностях Кабо да ла Вела

В какой-то момент дом перестроился. Это доказано наличием на площадке тамбо «бобовидных» ям и прямой ямы № 3, пересекающих канавку. Яма № 7 пересекала и предполагается, что и вторую линию южной стены дома. В первом этапе застройки площадки, видимо, кардинально менялись (рис. 7). Даже стенка тамбо терпела изменение. В ее северном углу была вырезана специальная треугольная ниша для установки углового столба.

Линия ряда «бобовидных» ям заметно отклоняется к западу от продольной оси площадки. Большинство из них отклоняется в этом направлении. Северный конец самой крупной из них ямы № 1, занимающей центральное место на площадке. Если проследить линию отклонения дальше, то она попадает как раз в северо-западный угол тамбо, проходя при этом и через яму № 9. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение о том, что во втором этапе существования тамбо

№ 4 под постройку была использована только юго-западная часть площадки, возможно, отгороженная какой-то легкой стенкой, шедшей вдоль линии от столба в северо-западном углу, через яму № 1 к яме № 6 южной части тамбо. Яма № 3 не входила в это сооружение. Может быть именно с этой постройкой были связаны три небольшие ямки от колодезьных прорезавших западный край канавки у стенки тамбо.

Мы не имеем возможности точно датировать эту перестройку, так как керамика из ям второго этапа малочисленна и не имеет существенных отличий от более раннего материала. Однако одно наблюдение позволяет предположить ее стратиграфическую датировку. Яма от углового столба в северо-западном углу тамбо прослежена с поверхности черного слоя, что определяет время его установки. А если наше предположение о конструктивной связи с «бобовидными» ямами правильно, то можно предположить и время сооружения всей постройки.

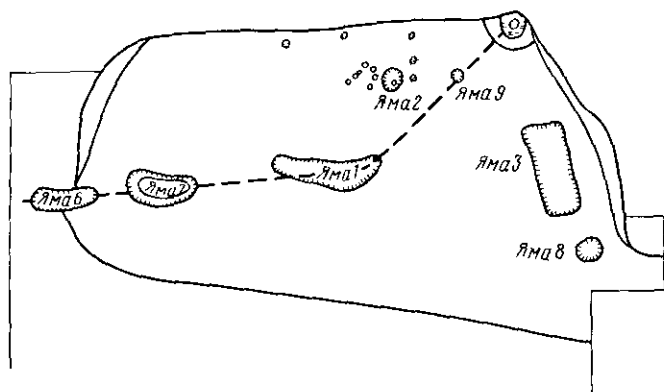

Рис. 7. Реконструкция плана сооружения II этапа на тамбо № 4

Вполне вероятно в этой связи, что коричневатый слой, залегающий над черным, связан именно с концом первого этапа жизни на тамбо, а включения материковой глины в нем — с выкидом из ям второго этапа на площадке. Если это так, то на втором этапе не существовало деревянной платформы, в которой и не было надобности, так как вся постройка этого времени уместилась на площадке.

При такой реконструкции постройка второго этапа должна была носить не жилой, а хозяйственный характер и принадлежать обитателям другого тамбо, скорее всего тамбо № 3, расположенного ниже по склону, в непосредственной близости от тамбо № 4. Однако все вышесказанное о реконструкции построек на тамбо № 4, особенно на втором этапе его застройки, является не более чем гипотезой, которая тем не менее наиболее логично объясняет факты, выявленные в ходе раскопок.

Материал, найденный на тамбо № 4, нельзя распределить по двум четким группам. Он относится к культуре Сонсо, распространенной в Западной Кордильере в XIII—XVI вв. Она продолжала существовать здесь и после испанского завоевания¹³. Поэтому вполне закономерно сопоставлять археологические данные с приведенной нами в начале статьи информацией хроник. Такое сопоставление показывает, что эти два вида источников, при всей фрагментарности первых и отрывочности вторых, неплохо согласуются и дополняют друг друга.

Предложенная реконструкция жилища первого этапа застройки тамбо № 4 подтверждает и уже упоминавшееся предположение К. Ромоли о том, что «дома на деревьях», которые упоминаются в письменных источниках, в реальности — дома, стоящие на столбах. Но если колумбийская исследовательница имела в виду только «барбакоа» на тихоокеанском побережье, где свайные основания жилищ служили прежде всего защитой от воды, то в Кабо-де-ла-Вела опорные столбы платформы компенсировали крутизну склона, т. е. представляли собой приспособление к совершенно другой среде обитания. Видимо, именно об этой конструкции говорится у П. Сьесы де Леона, когда он описывает дома населения горных районов запада Колумбии.

¹³ Bray W., Moseley M. E. Archaeological Sequence from the Vicinity of Buga, Colombia//Nawpa Pacha, 7—8. Berkeley, 1968—1970. P. 89—94; Bray W. Pro-Calima. Archäologisch-ethnologisches Projekt im Westlichen Kolumbien//Südamerika, 1/1980. Basel, 1980. P. 2—3; Bray W., Herrera L., Schrimpf M. Pro Caiima. Archäologisch-Ethnologisches Projekt im Westlichen Kolumbien//Südamerika, 2/1981. Basel, 1981. P. 2, 17.

Т. А. Воронина

ЗАБЫТЫЙ ПЛАКАТ-ЛУБОК О Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ

Стараниями нескольких поколений исследователей создана прочная основа для дальнейшей разработки научной биографии Н. Н. Миклухо-Маклая, углубленного изучения его научного наследия, для поисков ответа на ряд вопросов, связанных с жизнью и деятельностью ученого.

В последнее время в связи с подготовкой нового академического издания собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая появился ряд работ, которые вносят значительные дополнения к характеристике его многогранной деятельности, а также существенно уточняют отдельные факты биографии ученого и, таким образом, дают возможность по-новому осмыслить его вклад в науку, особенно в антропологию и этнографию¹. Но

¹ См., например: Тумаркин Д. Д. Папуасский Союз (из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи)//Расы и народы. 7. М., 1977; его же. Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту островитян Южных морей//Расы

поиски новых данных о жизни и творчестве русского ученого продолжают. И в этом отношении несомненный интерес могут представлять этнографические материалы о Н. Н. Миклухо-Маклае (фотографии, живописные² и графические его портреты), а также неизвестные ранее сведения о его популярности. Внимание исследователей все больше привлекают и такие материалы, в которых отразился общественный интерес к личности русского ученого-гуманиста. К их числу, несомненно, относится один из несправедливо забытых образцов раннего советского плаката «Русский на острове Новая Гвинея». Он был создан в 1923 г. известным советским художником А. Е. Куликовым (1884—1949 гг.)³.

А. Е. Куликов был мастером широкого творческого диапазона, охватившим свое слово и в живописи, и в декоративно-прикладном искусстве, и в области книжной иллюстрации. Но особый интерес представляет его агитационная графика, созданная в первые годы Советской власти. Будучи сотрудником художественной секции Культпросветотдела Московского Совета солдатских депутатов, он создал серию плакатов в манере народной картинки, или лубка, соединив этот традиционный вид искусства, популярного в народе еще с XVII в., с высокопрофессиональным художественным исполнением. В 1917—1919 гг. были выпущены также его плакаты на революционные темы, как «Крещение революцией», «Мноло дано — много взыскивается», «Вдоль по Питеру» и др. В 1920-е годы Куликов создает целый ряд графических работ, в которых отразилась целая эпоха из жизни советского общества: создание колхозов, борьба с кулаками, ломка старого быта: «Егор да Лука! Добивай кулака — за дом, колхозом, красным обозом!», «Лишний рубль скорей на займи даешь трактор и комбайны!». Куликов удачно соединял фольклор с современным бразительным материалом, часто вводя в композицию плакатов текст народных песен, былин, частушек, поговорок и пословиц. Национальный колорит его работам придавало также изображение этнографических особенностей деревенского быта.

Что же касается плаката-лубка «Русский на острове Новая Гвинея» созданного Куликовым, то его появление в 20-е годы не было случайным.

«Вклад Миклухо-Маклая в науку — русскую и мировую — был признан его современниками, хотя значительная часть его научных материалов должна была очень долго ждать опубликования»⁴. По существу его труды (записки, дневники, рисунки) лежали в архивах и оставались практически не изученными. Как известно, архив Миклухо-Маклая был передан Д. Н. Анучину, который в течение ряда лет обрабатывал и постепенно восстанавливал рукописные материалы ученого, подготавливая их к публикации⁵. К сожалению, Д. Н. Анучин не увидел книги, которая вышла в свет в 1923 г., уже после его смерти⁶.

Удивительно совпадение года первой научной публикации дневников путешествий Миклухо-Маклая и плаката-лубка. Можно предположить

и народы, 11. М., 1981; Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981; *его же*. Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешественник, ученый, гуманист. М., 1985; Комиссаров Б. Н. Ранние годы Миклухо-Маклая (К истории первого петербургского периода жизни)//Сов. этнография (далее — СЭ). 1983, № 3. С. 128—139; Полевой Б. Н. Находка полного текста записки П. Н. Назимова о Н. Н. Миклухо-Маклае//СЭ. 1986, № 1. С. 71—81; Говор Е. В. Н. Н. Миклухо-Маклай в воспоминаниях современников (забытые страницы)//СЭ. 1986, № 2. С. 110—111.
² См., например, Гурецкий В. О. Австралийская находка//Художник. 1973, № 1. С. 40—41 (о портрете Миклухо-Маклая кисти известного русского художника А. И. Корзухина).

³ См. о нем: Днепровский М. М. Художник Афанасий Ефремович Куликов. Калуга, 1956; Шкаровская Н., Кузнецова Н. Лубки Афанасия Куликова//Декоративное искусство СССР. 1980, № 7. С. 35—36.

⁴ Рогинский Я. Я., Токарев С. А. Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог//Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. II. М.; Л., 1950. С. 738.

⁵ Анучин Д. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай. Его жизнь, путешествия и судьба его трудов//Землеведение. 1922. Кн. 3—4. М.; Пг., 1923.

⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. Т. I. Путешествия в Новой Гвинее в 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. Со вступит. ст. Д. Н. Анучина «Н. Н. Миклухо-Маклай». М., 1923.

что естественным толчком к созданию плаката послужила эта публикация, а также непосредственный контакт Куликова с Анучиным (встречи, консультации). Однако нет никаких письменных и устных доказательств этого, и здесь неоценимую помощь мне оказали дочери и сыновья художника, бережно хранящие художественное наследие отца. По воспоминаниям В. А. Куликова, сына художника, постепенно удалось воссоздать историю создания плаката. Оказалось, что Куликов знал о путешествиях Миклухо-Маклая намного раньше. Личность легендарного ученого глубоко волновала художника, он с большим интересом рассказывал своим детям (а их в семье было семеро) о смелом путешественнике, часто дополняя повествование своими рисунками, набросками и предварительными эскизами как внешнего облика ученого, так и загадочных жителей далеких островов — папуасов. При этом он не раз пользовался энциклопедическими словарями и различной популярной литературой, в которой сообщались сведения о Миклухо-Маклае и публиковались рисунки ученого. Так, от рассказа к рассказу и рождались у художника замыслы создания яркого, запоминающегося и понятного народу образа ученого, желание рассказать широкой аудитории о легендарном соотечественнике.

В 1919 г. Государственное издательство РСФСР стало контролировать издательское дело в стране⁷. Ряд постановлений и декретов («О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне», «О печати и пропаганде» и др.) способствовали началу ликвидации неграмотности. Куликов также был вовлечен в эту работу и с 1921 г. стал рисовать плакаты по заказу Госиздата. Позже он писал в своей автобиографической статье «Художник ли я?»: «С 1921 по 1923 год Госиздатом приобретены у меня лубки: „День работу работаем“ (песня); „Я милешенек у матушки родился“ (песня); „Частушки“ (несколько картинок на одном листе), „Русский на острове Новая Гвинея“ (Миклухо-Маклай)...»⁸.

Плакат, посвященный Н. Н. Миклухо-Маклаю, выполнен в технике цветной литографии⁹. Это лист большого размера (106×71 см), который состоит из «средника» — центральной, более крупной картинки (40,3×28,2 см) и 12 маленьких (23,8×14,5 см), окружающих ее подобно «клеймам» житийной иконы, на которых обычно изображались различные события из жизни канонизированного святого, т. е. он представляет собой композицию, широко распространенную и в иконописи, и в лубке. Художник использовал прием, типичный для гравюры на дереве начала XVIII в., — четкая контурная линия с отходящими от нее частыми параллельными штрихами¹⁰. Лист отпечатан в четыре цвета: красный, желтый, зеленый и синий — традиционные краски русской хромолитографической картинки конца XIX в. Тратовка пейзажа дана условно, перспектива подчеркнута искажена, а человеческие фигуры несколько стилизованы.

Каждая из 13 картинок сопровождается текстом, составленным художником (полный текст плаката см. в Приложении).

Сюжет исследуемого плаката, выполненного в стиле лубка, представляет краткую историю первого путешествия Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871—1872 гг., изложенную в стиле русской народной сказки, благодаря чему образ ученого приобретает черты лубочного сказочного героя. Как известно, героические подвиги легендарных богатырей русского эпоса и приключения героев народных сказок находили широкое отражение в лубке¹¹. Лубок XVII—XIX вв., включавший серию изоб-

⁷ Издательское дело в первые годы Советской власти (1917—1922). Сборник документов и материалов. М., 1972. С. 42, 119.

⁸ Афанасий Ефремович Куликов. 1884—1949. Русский советский лубок. Каталог выставки. Вступит. ст. М. Лазарева. М., 1978.

⁹ Плакат был выпущен в 1923 г. в Москве Госиздатом, тиражом 5000 экз. Исследуемый экземпляр хранится в научно-исследовательском отделе истории книги и особо ценных изданий (Музее книги) Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

¹⁰ Русские народные картинки XVII—XIX вв. Гравюра на дереве. Каталог выставки. Вступит. ст. А. Г. Сакович. М., 1970.

¹¹ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. Т. 1—3. М., 1984—1985 (с илл.); Ронинский Д. А. Русские народные картинки. Т. 1—5. СПб., 1881.

Русский на острове Новая Гвинея.

Рис. 1

ражений популярных персонажей лубочных сказок с кратким текстом под картинками, пользовался большим успехом среди разных слоев населения. Художник стремился разговаривать с крестьянином, который собственно, и предназначался лубок, на доступном ему языке, оперируя понятиями и образами, привычными и знакомыми. Именно поэтому

бота А. Е. Куликова производит цельное и гармоничное впечатление, достигаемое единством стиля, художественного оформления и «фольклоризованного» текста.

Поскольку для нас интересно произведение в целом, хотелось бы проанализировать как отдельные «клеяма» картинки, так и сопровождающий их рассказ.

На центральной картинке Миклухо-Маклай стоит, опершись на ствол пальмового дерева. Он одет в короткую рубашу, подпоясанную широким синим кушаком; на нем — полосатые штаны желтого цвета, на ногах — красные туфли и синие чулки. Тут нельзя не отметить именно лубочную раскраску его костюма, что и придавало яркий колорит всему плакату. В правой руке ученого — толстый красный карандаш, в левой — небольшая записная книжка. На траве лежат палка и широкополая шляпа. Справа от него — срубная изба на деревянных столбах с высоким крыльцом. Это очень любопытная деталь, так как, введя в композицию рисунка изображение жилища, художник еще больше подчеркнул связь создаваемого им плаката с житийной иконой. Только вместо привычного образа святого, как правило, изображаемого на фоне монастыря или церкви, появляется реальный человек. Общим фоном здесь служит пышная экзотическая растительность острова, которая, как и в традиционном русском лубке, изображена художником ярко и декоративно.

В ходе первоначального анализа иконографии графического портрета ученого возникло предположение, что автор плаката, вне всякого сомнения, использовал доступную ему научно-популярную литературу. Так, например, при жизни ученого в различных периодических изданиях — в газетах и журналах «Будильник», «Век», «Живописное обозрение», «Новое время», «Новости», «Петербургский листок», «Стрекоза» и др. — помимо сообщений о его текущей научной деятельности очень часто печатались фотографии, рисунки, даже карикатуры на Миклухо-Маклая, а также неоднократно публиковалась биография путешественника¹². И действительно, в ходе подробного изучения этих материалов удалось обнаружить, что в 1887 г. на страницах иллюстрированного журнала «Нива» появились рисунки художника Ф. Беренштама, «гравированные Ангерером, сделанные по наброскам Миклухо-Маклая»¹³. Среди них встречается портрет ученого в полный рост на фоне деревьев с надписью «Н. Н. Миклухо-Маклай в его новогвинейском костюме». Эту гравюру, выполненную, по-видимому, тем же художником, мы встречаем позднее в популярной книге Е. Е. Коротковой¹⁴ с подписью «Миклуха-Маклай в Новой Гвинее». Возможно, Ф. Беренштам в свое время воспользовался фотографиями ученого, сделанными в первой половине 70-х годов прошлого столетия в одном из частных фотоателье Петербурга, на которых путешественник изображен в своем обычном экспедиционном костюме¹⁵. Подтверждение этому мы находим в статье Д. Д. Тумаркина, где впервые публикуется одна из таких фотографий¹⁶. Интересно, что на ней мы видим ученого в той же позе с записной книжкой в левой руке, но вместо пышной тропической растительности, изображенной Куликовым на плакате, ученого окружают имитирующие живую природу деревья с небольшими ветвями.

Совпадение иконографического облика ученого на плакате Куликова и в книге Коротковой убеждает в том, что художник воспользовался

¹² Грумм-Гржимайло А. Г. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи // Изв. Гос. Геогр. об-ва. Т. 71. Вып. 1—2. М.; Л., 1939. С. 43—159.

¹³ Нива. СПб., 1887, № 15. С. 376, 377.

¹⁴ Короткова Е. Е. Замечательный русский путешественник, друг диких Н. Н. Миклуха-Маклай. (Библиотека И. Горбунова-Посадова, № 316). С. 21 рисунком. М., 1915. С. 12.

¹⁵ Оригиналы и копии этих фотографий находятся в Архиве Всесоюзного Географического общества (фонд 6, опись 3, № 20), а также в Архиве Института этнографии АН СССР в Ленинграде (фонд № И-1230—13).

¹⁶ Тумаркин Д. Д. Великий русский ученый-гуманист (К 75-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая) // СЭ. 1963. № 6. С. 5.

именно этой книгой как одним из основных источников для получения информации. Более того, при изучении книги становится очевидным, что Короткова в произведении популярного жанра (именно на них специализировалось книжное издательство «Посредник», выпустившее книгу серии «Исторические и биографические очерки и рассказы»), обобщив многочисленные материалы о Миклухо-Маклае, публиковавшиеся в периодической прессе и специальных научных журналах.

Приведенные Куликовым под центральной картинкой краткие сведения об образовании Н. Н. Миклухо-Маклая и последующем преодолении его за границей и «за морями» в целом достаточно точны. Даже лишь устаревшее написание первой части его фамилии — Миклуха и сто Миклухо.

Картинка 1 изображает сцену прибытия корвета «Витязь» к гористому острову, сплошь заросшему тропическими деревьями. Миклухо-Маклай смотрит в подзорную трубу. Здесь в подписи к картинке допущены некоторые хронологические неточности: в 1871 г. ученому исполнилось 25 лет, а не 23 года. После того как ученый «выпросил у богатых людей денег» (т. е. получил поддержку Русского географического общества), он отплыл из Кронштадта не в мае, а 8 ноября 1870 г. и достиг острова действительно в сентябре 1871 г.

Ход дальнейших событий, которые комментирует художник в подписях под картинками, почти полностью соответствует реальным фактам, зафиксированным Миклухо-Маклаем в своих путевых дневниках. Правда, Куликов нарушает их последовательность, но это оправдано стремлением придать большую занимательность всему повествованию. Так, если у Миклухо-Маклая в его записях мы читаем: «... в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых же убили и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу»¹⁷, то Куликов (в тексте к картинке 2) «... из леса вышли черные голые люди со своим начальником во главе, несут кокосовые орехи и двух рыжих собак. Кладут все это на землю и собак хотят резать».

Интересно отметить, что изображаемые на плакате «черные» папуасы раскрашены синим цветом, а в дальнейшем иногда даже зеленым, а их «негроподобные» черты переданы явно утрированно. Видимо, художник хотел придать некоторую фантастичность этим неизвестным русскому народу племенам и сделать более экзотической их «дикарскую» внешность.

Надо сказать, что попытка Куликова сделать рассказ кратким и интересным в целом удалась.

Таким образом, если в действительности первый визит ученого в «деревию» состоялся без каких-то особых событий¹⁸, то у Куликова (на картинку 3) появление Миклухо-Маклая в «ихней» деревне дополняется сценой первого знакомства и последующего обмена подарками (бусау — с местными жителями («дикими людьми»), которые «в расплату за это принесли двух связанных свиней».

Картинка 4 объединяет в себе два сюжета. Слева — знакомство Маклая с неизвестным ему предметом европейского быта — зеркалом. Это ситуация, как и многие другие, художник изображает с большим чувством юмора. Справа на картинке — постройка хижины в Гарагаси судоеми плотниками. Но, судя по рисункам, сделанным самим Миклухо-Маклаем, конструкция ее была иной¹⁹ — в виде свайной постройки из вбитых на Таити досок и брезента. Для крыши были заготовлены сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки. У художника же жилище ученого больше напоминает традиционную русскую избу.

Известно, что в своих научных исследованиях Миклухо-Маклай придавал большое значение проблеме адаптации цивилизованного человека к первобытной среде. Для первых месяцев его пребывания на острове

¹⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 83—84.

¹⁹ Там же. Т. V. М.; Л., 1954. С. 47—49.

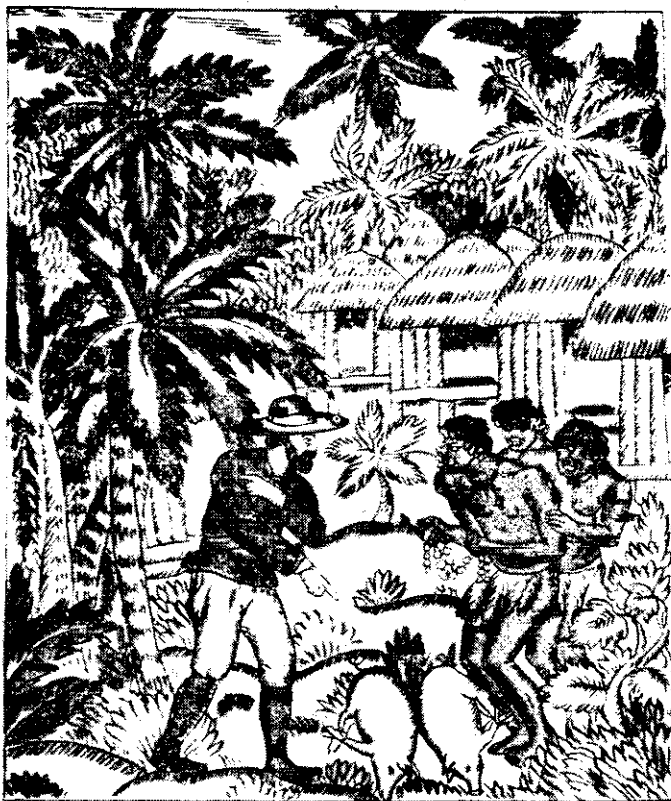

Рис. 2

рактжны отсутствие устойчивого взаимопонимания с местными жителями, их недоверие и враждебность: «... не раз потешались они, пуская стрелы так, что последние очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляли свои тяжелые копья вокруг головы и даже подчас без церемоний совали острие копий мне в рот или разжимали им зубы»²⁰. Именно эти напряженные моменты постарался показать художник как в картинках, так и в своем рассказе. На картинке 5 он верно отразил те испытания, которым подвергался ученый: «Миклуха терпеливо, спокойно все переносил, ходил всегда не вооруженный, и понемногу дикари к нему привыкли. Миклуха принялся изучать их язык, нравы, обычаи».

Далее в тексте к картинке 6 художник приводит достоверный факт, когда жители деревни Бонгу, где он жил, обратились к Миклухо-Маклаю с просьбой защитить их от вооруженных нападений обитателей соседней деревни Марагум²¹. Узнав о согласии ученого, «враги-соседи заробели от нападения воздержались».

«Хотя дикие Миклуху обожали», но порой они сомневались в неземном происхождении своего белого друга, человека с луны — «каарам-та-но» и пытались установить, смертен ли он. «Мы хотим знать — можешь ты умереть как мы?», — читаем мы в тексте под картинкой 7.

В следующий раз, желая познакомиться с туземцами поближе, Миклухо-Маклай отправился в ближайшую деревню Горенду, но был встречен очень очень враждебно и неодобрительно. Для того чтобы показать свои миролюбивые намерения, ученый, недолго думая, высмотрел место в тени, притащил туда новую цыновку... и с громадным удовольствием растянулся

²⁰ Там же Т. I. С. 318.

²¹ Там же. С. 190—191.

Рис. 3

Рис. 4

на ней»²². Этот удивительный и беспрецедентный факт изобразил Куликов на картинке 8, хотя и слегка искажил события, написав, что ученый сам отправился к вождю этой деревни, повелев позвать к себе заговорщиков. Ведь, на самом деле только своей необыкновенной выдержкой и бесстрашием смог Миклухо-Маклай преодолеть настороженность папуасов и завоевать их доверие и симпатию. Именно поэтому Л. Н. Толстой, высоко отзываясь о научном и общественном подвиге ученого, в своем письме к нему писал: «Меня умиляет и приводит в восхищение в Вашей деятельности то, что сколько мне известно, Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И Вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его не понимают»²³. Думается, что Куликов восхищался именно теми чертами характера ученого, которые лучше, чем кто-либо еще охарактеризовал выдающийся писатель. И его попытки представить в плакате наиболее интересные и остросюжетные факты первого путешествия ученого на Новую Гвинею можно считать удачными.

Известно, что сам Миклухо-Маклай в полевых условиях сделал огромное количество рисунков; среди них портреты коренных жителей, изображения их жилищ, орудий труда, одежды, украшений и т. д.²⁴ Куликов также пытался проиллюстрировать повседневный быт и обычаи папуасов: «Ходят голые. Топоры, стрелы, копья и другие орудия у них из камня, кости и дерева. Железа и других металлов не знают. Огонь добывать не умеют, а постоянно жгут костер, чтобы не остаться без огня» (текст к картинке 9).

В своих полевых дневниках Миклухо-Маклай зафиксировал «уникальный факт „палочно-мотыжного“ земледелия у папуасов, одним из первых обратив внимание на то, что в этом примитивном земледелии мужчина может занимать не менее важное место, чем женщина»²⁵. Разумеется, Куликов не претендовал на то, чтобы дополнить наблюдения, сделанные ученым²⁶, но попытался их проиллюстрировать. Так, на той же картинке 9 он изображает этот необычный способ обработки земли: в первом ряду идут мужчины с кольями (*удья*) и поднимают ими пласты земли; во втором — женщины, стоя на коленях, разбивают комья земли лопатами (*удья-саб*); сзади дети ползут и растирают землю руками. Надо помнить, что плакат Куликова предназначался прежде всего крестьянину, которому было интересно узнать о способах обработки земли и сельскохозяйственных орудиях труда, применяемых папуасами.

Погребальный обряд папуасов также был отмечен в наблюдениях и рисунках Миклухо-Маклая: «... выносят из хижины умершего, связанного ротангом, в положении человека, сидящего на корточках, с упертым подбородком и с руками, обхватывающими ноги... Труп завертывается в принесенные циновки и очень искусно и крепко увязывается ротангом и лианами, так что получается хорошо упакованный сверток. Привязав тук с покойником к крепкой палке, его относят обратно в хижину, палку прикрепляют под крышей хижины...»²⁷.

Художник позволил себе по-своему интерпретировать этот обряд и показал его с наивным реализмом, свойственным лубку. На картинке 10 среди хижины изображен очаг, выложенный из огромных камней; дым темными клубами охватывает плетеную корзину, подвешенную к потолку. В ней в уродливо скорченной позе находится оплетенный пальмовыми

²² Там же. С. 98.

²³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 63. М.; Л., 1934. С. 378—379.

²⁴ Бутинов Н. А. Рисунки и коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая // Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. V. М.; Л., 1954. С. 419—428.

²⁵ Рогинский Я. Я., Токарев С. А. Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог. С. 725.

²⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. III. Ч. 1. М.; Л., 1951. С. 73—75.

²⁷ Там же. С. 87.

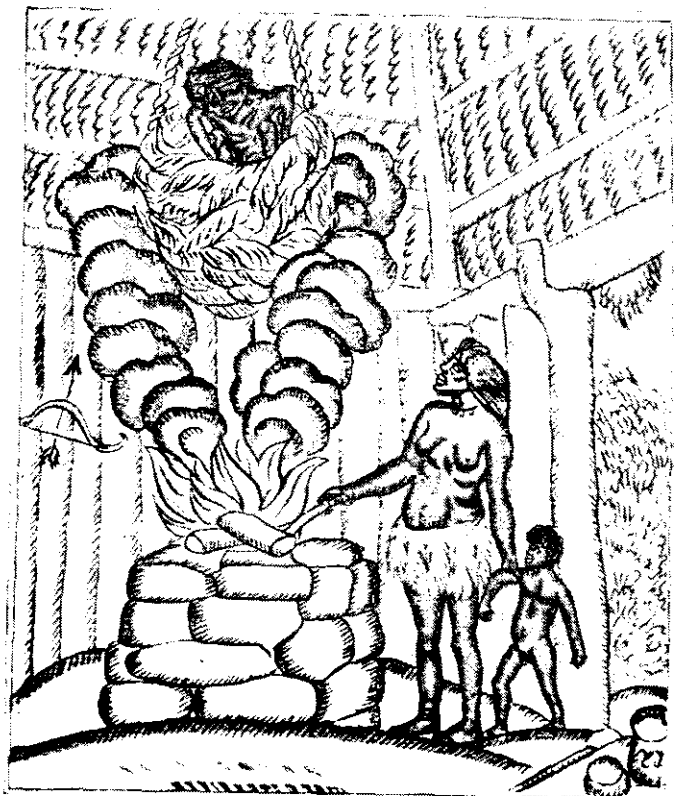

Рис. 5

Рис. 6

ветками покойник. Его вдова поддерживает в очаге огонь с тем, чтобы тело высохло, «как вобла».

Почти 15 месяцев находился Миклухо-Маклай на острове, как правильно указывает художник в тексте к картинке 11. Один его слуга (Бой) умер, другой (Ульсон) лежал с тяжелым приступом тропической лихорадки. 19 декабря 1872 г. папуасы громкими криками: «Из моря в одном месте выходит дым» — известили ученого о появлении на горизонте корабля. Это прибыло снаряженное Русским географическим обществом судно «Изумруд» с целью забрать ученого на родину.

С большой выразительностью показывает художник сцену прощания Миклухо-Маклая с папуасами (на картинке 12). Как и было на самом деле, два дня и две ночи ученый ходил по деревням, окруженный большой толпой туземцев с факелами в руках. Местные жители просили его остаться, обещая в каждой деревне построить для него дом²⁸. В заключение Куликов сообщает информацию о последнем посещении острова ученым, о его тяжелой и продолжительной болезни, от которой он, по словам художника, умер в 1886 г. (в действительности — в 1888 г.). И, что особенно важно, он заканчивает свое увлекательное повествование примечательным фактом: берег на далеком острове Новая Гвинея стал называться в память русского ученого «Берегом Маклая».

Таким образом, плакат, с большим мастерством выполненный художником А. Е. Куликовым в красочной манере лубка, сообщает в целом достаточно достоверные сведения о первом пребывании Н. Н. Миклухо-Маклая на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, поставившем его в ряд величайших путешественников прошлого столетия. Вместе с тем данное художественное произведение, созданное с просветительской целью, является интересным образцом использования традиций лубка, его своеобразной интерпретации в совершенно новом контексте.

²⁸ Там же. Т. I. С 310—312.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РУССКИЙ НА ОСТРОВЕ НОВАЯ ГВИНЕЯ

(В Центре). Этот человек, Николай Николаевич Миклуха-Маклай, родился в деревне Новгородской губ. Учился наукам в гимназии и университете в России и за границей. За морями в разных странах бывал. На неизвестном дотоле острове Новая Гвинея среди диких людей, называемых папуасами, жил и, все изучая, описывал.

1. В 1871 году было ему, Миклухе, 23 года. Выпросил он у богатых ученых людей денег, в мае месяце сел на корабль и поплыл в дальние моря. Долго плыли. 8-го сентября, утром, подплыли к острову Новая Гвинея. Смотрят на берег: людей не видно, а растет густой лес, какой в жарких странах бывает, да горы выше облаков стоят. Ни один корабль белых людей не заходил сюда. Взял Миклуха-Маклай подзорную трубу и стал смотреть на берег, и вот видит:

2. Из леса вышли черные голые люди со своим начальником во главе, несут кокосовые орехи и двух рыжих собак. Кладут все это на землю и собак хотят резать. Догадался Миклуха, что дикири корабль приняли за чудище и хотят ему молиться. В это время из черной трубы корабля густым клубом вылетел пар, раздался оглушительный свист; дикири бросили все, что принесли, замахали руками и, затыкая уши, разбежались по лесу.

3. Вышел Миклуха на берег, отыскал тропинку в лесу, пошел... Пришел на поляну, стоит ихняя деревня, а кругом пальмы растут и никого в ней, кроме сторожей, нет, и те, увидав его, бросились бежать. Миклуха знаками объяснил им, что он их не тронет, и показал бусы. Дикие люди залюбовались, подошли и, получивши, обидовались. В расплату за это принесли двух свиней и положили у ног Миклухи. Он поблагодарил их и просил снести свиней к нему в лодку.

4. Хитростью и лаской заманил Миклуха двух дикарей на корабль: их пугало море, и дивились они всему очень. А когда увидели себя в зеркале — хохотали до упаду, потом их отпустили. Маклай решил поселиться на этом острове. Матросы сошли на берег, частицу леса вырубили и поставили Миклухе хижину, а перед хижинной уст-

роили солнечные часы. Капитан корабля дал ему лодку, в землю зарыли несколько бочек пороху, наделили съестными припасами. Двое — мальчик чернокожий да шваб — остались при нем, а остальные распростились с Миклухой, расцеловались и вошли на корабль. Корабль задымился, тронулся и скрылся из глаз.

5. После отхода корабля дикари подозрительно и враждебно отнеслись к Маклаю. Кричали и показывали на море, как бы говоря: отправляйся туда, откуда шел. Когда он подходил к деревне, то женщины и дети с криком убегали, а мужья с оружием в руках обступали его, воинственно крича и рыкая. Мимо его лица пролетали стрелы, вставляли острие копья ему в рот и насильно разжимали зубы. Маклай терпеливо, спокойно все переносил, ходил всегда не вооруженный, и по этому поведению дикари к нему привыкли. Миклуха принялся изучать их язык, нравы, обычаи.

6. И прослыл он среди них за необыкновенного человека. Однажды его окружила толпа женщин с детьми, с ними старый старик. Когда Миклуха вышел к ним, старик объяснил ему, что с ихним племенем хотят воевать соседи, потому просит Миклуху, чтобы тот позволил женщинам с детьми во время битвы, поспать около своей хижины. Миклуха согласился. А когда враги-соседи узнали про это, разбежались и от нападения воздержались.

7. Хотя дикие Миклуху обожали, но все-таки пробовали его убить. Однажды проходя деревню, Миклуха услышал в хижине шум. Вошел туда — народу много. Спорили о нем. Один сказал Маклаю: «Мы хотим знать — можешь ли ты умереть как мы?» Сначала Миклуха не знал, что ответить, потом увидал на стене копье, взял его; подал дикарю, сказал: «Испробуй». Папуас замахнулся и ... повесил копье об стену, проговорив: «Если бы ты мог быть убитым, то не предложил бы нам такого испытания».

8. Другой раз Миклуха узнал, что жители одной деревни хотят его убить. Тут же отправился к вождю этой деревни и велел позвать заговорщиков. Когда пришли, он им и говорит: «Вот я ложусь спать, убивайте меня сонного, а как выйдю, так силы у меня прибудет, и вам меня тогда не убить». Лег и заснул. Дикари не решились его убить.

9. Живут папуасы в диком состоянии. Ходят голые. Топоры, стрелы, копья, другие орудия у них из камня, кости и дерева. Железа и других металлов они не знают. Огонь добывать не умеют, а постоянно жгут костер, чтобы не остаться без огня. Землю обрабатывают так: мужчины впереди идут, колыями землю роют, за ними женщины, на коленях стоя, разбивают комья земли лопатами; сзади ползут дети, собирают землю и растирают.

10. А когда помрет человек, они в землю его не закапывают, а приводят его в сидячее положение, потом труп оплетают пальмовыми ветками в виде корзинки и подвешивают к потолку. Под корзиной вдова покойного в течение трех недель держивает огонь, пока труп не высохнет, как вобла. А если помрет безродный, то его огонь под ним некому, его зарывают в землю.

11. Прожил Миклуха на этом острове год и три месяца, припасы все вышли, слуги — один умер, другой болен лежит лихорадкою, и сам Миклуха тоже заболел. Крыша у хижины пропрела, а столбы под ней подгнили муравьями. Просить дикарей пришлось, чтобы они ему построили хижину в горах. 19-го декабря 1872 года пошел он в деревню насчет хижины... Навстречу ему бегут папуасы и кричат, что из моря в одном месте выходит дым. А это русский корабль прибыл за Миклухой. Тогда Маклай собрал свои записки и разные вещи и перенес на корабль.

12. Потом два дня и две ночи Маклай ходил по деревням, прощался с папуасами. Толпа дикарей с факелами его сопровождала. Они просили его остаться, чтобы в каждой деревне выстроить по хижине. Уехав отсюда, Миклуха побывал на многих островах теплых морей. Посетил и Новую Гвинею, знакомые дикари встретили его с радостью. В 1886 г. он приехал в Петербург. От постоянной лихорадки здоровье его расстроилось, и он вскоре умер. Берег на далеком острове Новая Гвинея называется «Берег Маклая».

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ доктора филологических наук НАТАЛИИ ПАВЛОВНЫ КОЛПАКОВОЙ [к 85-летию со дня рождения] *

- Песня на Шуньгском полуострове (Литературная эволюция)//Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. I. Л., 1927. С. 121—146.
- Свадебный обряд на р. Пинеге//Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. II. Л., 1928. С. 117—176.
- Фольклор Терского берега//Сов. этнография (далее — СЭ). 1934. № 1—2. С. 215.
- Промысловые мотивы в фольклоре Терского берега//Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 233—241.
- Северная загадка (Из записей фольклориста)//Звезда Севера. 1935. № 6. С. 64—70.
- Юморские «бывальщины»//Звезда Севера. 1935. № 7. С. 52—59.
- Незамечаемые богатства//Звезда Севера. 1935. № 10. С. 70—76.
- Сквозь лесную просесть. Архангельск, 1935. 119 с.
- Сост. (совместно с Астаховой А. М.) сб. «Старая и новая Карелия в частушке». Петро- заводск, 1937; статья «Карельская частушка». С. 3—17.
- Терский берег. Архангельск, 1937. 185 с.
- Народные песни Вологодской области. Сб. фонографических записей. Записи текстов (совместно с Астаховой А. М.). Л., 1938. 138 с.
- О работе юных фольклористов//Научно-методические записки Ленингр. городского ин-та усовершенствования учителей. 1940. Т. 3. Фак-т яз. и лит-ры. Вып. 1. С. 73—84.
- Рассказы о Пугачеве и Разине//Ленинград. 1940. № 6. С. 10—11.
- В сб. «Фольклор Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1941. статьи: «Песенная ли-рика Карело-Финской ССР» и «Старинный свадебный обряд». С. 132—189.
- Новые записи рабочего фольклора на Южном Урале//Уч. зап. ЛГУ. 1941. № 81. Сер. филологич. наук. Вып. 12. С. 143—154.
- Русская народная и литературная частушка//Звезда. 1943. № 4. С. 92—101.
- Частушки Ленинградского фронта//Составление и авторск. тексты. Л., 1943. 88 с.
- Фольклорист на фронте//Ленинград. 1945. № 15—16. С. 26—27.
- Сост. сб. «Золотые зерна. Загадки и пословицы народов СССР». М.; Л.: Детгиз. 1947. 63 с. (2-е изд. — 1950).
- Книга о русском фольклоре. Пособие для учащихся средней школы. Л., 1948. 190 с.
- Сост. и обработка текстов сб. «Золотые руки. Сказки народов СССР о мастерстве и труде». Л.: Детгиз. 1948. 2-е изд. — 1950; 3-е — 1975; изд. на татар. яз. — Казань, 1956; на укр. яз. — Киев, 1981; в переводе на кит. яз. — 1951; на корейск. яз. — 1951.
- Сост. и обработка текстов сб. «Добрый молодец. Сказки народов СССР о мужестве и героизме». Л.: Детгиз. 1950. 2-е изд. — 1952; переведена: на словац. яз. — Брати-слава, 1951; на чешск. яз. — Прага, 1952.
- Песни советского Поволжья//Сов. музыка. 1951. № 1. С. 45—48 (в соавт. с Жемчужи-ной Н. И.).
- Народные песни Урала//Сов. музыка. 1952. № 7. С. 49—53 (в соавт. с Жемчужи-ной Н. И.).
- Ленинградские песенники//Сов. музыка. 1953. № 10. С. 36—41 (в соавт. с Жемчужи-ной Н. И.).
- Сказания о непобедимых. Из героического эпоса народов СССР. Л.: Детгиз, 1954; 2-е изд. — 1962. 182 с.

* В список не вошли информационные заметки, мелкие литературные зарисовки, очерки об исполнителях и современном бытовании фольклора и т. п., систематически публиковавшиеся в прессе тех районов, где проходила фольклорно-собираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА Н. П. Колпаковой. Не включены также аннотации, рецензии на различные фольклорные издания. Приводимый список мог бы быть дополнен и перечнем работ фольклорно-пропагандистского характера для детей и юношества (диафильмы, сборники фольклорных текстов и др.); выдержав ряд изданий на языках народов СССР (русском, украинском, чувашском, удмуртском и др.), некоторые из них были затем пере-ведены на различные языки народов мира (английский, немецкий, французский, япон-ский, финский, хинди, бенгали и др.).

- Волжские частушки (Запись текстов, составление, вступит. статья). Куйбышев, 1992 с.
- Земледельческая календарно-обрядовая поэзия//Русское народное поэтическое творчество. Т. II. Кн. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века. М.; Л., 1955. С. 466—489 (в соавт. с Чичеровым В. И.).
- Свод русского фольклора. Проспект. Л., 1956. 82 с. (в соавт. с Астаховой А. М. и Сокровище народа. Русское народное поэтическое творчество. М.: Детгиз. 1957. 270 с.).
- Составление (совместно с Мельц М. Я. и Шаповаловой Г. Г.) сб. «Избранные пословицы и поговорки русского народа». М., 1957. 204 с.
- Новые записи былин на Печоре//Русский фольклор. Материалы и исследования (далее — РФ). II. М.; Л., 1957. С. 251—271.
- Русская народная игровая песня//РФ. III. М.; Л., 1958. С. 69—91.
- На Печоре (Фольклорные экспедиции Института русской литературы АН СССР)//РФ. 1958. № 6. С. 146—151.
- Крестьянские бытовые величальные песни//РФ. IV. М.; Л., 1959. С. 54—79.
- Составление (совм. с Добровольским Б. М., Соколовым Ф. В., Шаповаловой Г. Г.) отв. ред. кн. «Русские народные песни Поволжья». Вып. 1. Песни, записанные Куйбышевской области. М.; Л., 1959. 195 с. Примечания, вступит. статья и указатели.
- Опыт классификации традиционной крестьянской бытовой песни//РФ. V. М.; Л., 1960. С. 200—218.
- Новые песни в записях ленинградских фольклорных экспедиций последних лет//Там же. С. 434—440.
- Инструкция по собиранию произведений устно-поэтического народного творчества. Горький, 1960. 33 с. (в соавт. с Астаховой А. М., Богдановой М. И., Добровольским Б. М.).
- На Мезени//СЭ. 1960. № 2. С. 171—173.
- Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи). Подготовка издания совм. с Астаховой А. М., Бородиной-Морозовой Э. Г., Митропольской Н. К., Соколовым Ф. В. М.; Л., 1961. 606 с.
- Традиционная крестьянская бытовая песня к 1950-м годам//РФ. VI. М.; Л., 1961. С. 81—93.
- О некоторых изобразительных средствах русской народной лирической песни//Русское народное поэтическое творчество. Фольклористич. записки Горьковского гос. ун-та. 1961. № 1. С. 80—93.
- Песенная Комиссия Русского географического общества//РФ. VII. М.; Л., 1962. С. 354—366.
- Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. 284 с.
- Русская народная бытовая песня: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Л.: Ин-т русской лит-ры (Пушкинский Дом). 1963. 32 с.
- Охотники за песнями. М.: Детгиз. 1963. 79 с.
- К вопросу о жанровом соотношении бытовых народных песен у восточных славян//РФ. VIII. М.; Л., 1963. С. 186—205.
- Подготовка издания (совместно с Соколовым Ф. В., Добровольским Б. М.) кн.: Песни Печоры (серия «Памятники русского фольклора»). М.; Л., 1963. 459 с. с нотами; статья «Песни Печоры». С. 9—32.
- Народная песня советской эпохи//РФ. IX. М.; Л., 1964. С. 115—121.
- Поэтика рабочей частушки//Устная поэзия рабочих России. М.; Л., 1965. С. 91—102.
- Отражение явлений исторической действительности в свадебном обряде Русского Севера//Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Л., 1965. С. 259—283.
- Типы народной частушки//РФ. X. М.; Л., 1966. С. 264—288.
- Варианты песенных зачинов//Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 187—219.
- Подготовка издания (совместно с Добровольским Б. М., Митрофановой В. В., Коргузовым В. В.) кн.: Песенный фольклор Мезени. М.; Л., 1967 (серия «Памятники русского фольклора»); статья: Песенный фольклор Мезени. С. 9—32.
- Некоторые вопросы сравнительной поэтики (Причет и песня)//СЭ. 1967. № 1. С. 41—53.
- Восточнославянская лирическая песня (Сравнительный анализ поэтики)//РФ. XI. М. Л., 1968. Т. 102—117.
- Самодельные хоры Северного края//Фольклор и художественная самодеятельность. Л., 1968. С. 62—89.
- Фольклорные образы в богородской игрушке//Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 187—201.
- Лирические песни//Русское народное поэтическое творчество. Учебное пособие для филол. фак-тов пед. ин-тов/под ред. Кравцова Н. И. М., 1971. С. 205—231.
- Лирические песни//Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. М., 1971. С. 275—314.
- Былины. Пересказала для детей Н. П. Колпакова. Л., 1973. 47 с. 2-е и 3-е изд. — 1973.
- Лирика русской свадьбы. Издание подготовила Н. П. Колпакова. Л., 1973. 323 с. с нотами.
- Двадцатые годы//Вопросы истории русской средневековой литературы. Памяти В. П. Ариановой-Перетц (Труды Отдела древнерусской лит-ры Ин-та русской лит-ры — Пушкинский Дом — АН СССР. Т. XXIX). Л., 1974. С. 38—43.

- Золотых родников. Записки фольклориста. С рисунками автора. Л., 1975. 199 с. (Серия АН СССР. Из истории мировой культуры).
- Путевой дневник (Записки научного руководителя фольклорной экспедиции 1938 г. в юго-восточные районы Башкирии)//Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1976. Вып. III. С. 211—233.
- На Буяне славном острове (Сборник русского фольклора. Публикация текстов, обработка их, статья). Л.: Детгиз. 1976. Изд. 2-е — 1978. 159 с.
- Песни и люди (О русской народной песне). Л., 1977. 136 с. (Серия АН СССР. Из истории мировой культуры).
- Так навеки и останутся...//Звучащий мир. Книга о звуковой документалистике. М., 1979. С. 146—156.
- Гальский дневник (Из записок фольклориста)//СЭ. 1979. № 6. С. 131—144.
- Русская народная сказка//Русские народные сказки (на яп. яз.). Токио, 1979. С. 71—332.
- Сразу после войны (из дневника секретаря фольклорной экспедиции ГИТМиК)//СЭ. 1980. № 4. С. 131—139.
- Человек ласковым солнцем. Сказки, песни, предания, загадки, пословицы народов СССР. Отбор и обработка текстов, очерки о быте и искусстве народов СССР. Л.: Дет. лит. 1980. 239 с.
- На реке Онеге//СЭ. 1981. № 4. С. 154—165.
- Маленькие чудеса (запись и обработка фольклорных текстов)//Маленькие чудеса. Л.: Дет. лит. 1981. 207 с.
- Пейзаж в творчестве северных певцов//Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. М.; Л., 1981. С. 248—259.
- О жанровой и сюжетно-тематической классификации русской народной бытовой песни//СЭ. 1983. № 6. С. 23—33.
- А мы просо сеяли (О русском календарном фольклоре). Л.: Дет. лит. 1984. 157 с.

**СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ
доктора исторических наук,
члена-корреспондента АН Грузинской ССР
АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА РОБАКИДЗЕ
(к 80-летию со дня рождения
и 55-летию научной деятельности) ***

Монографии

- Формы организации труда в народном хозяйстве древней Грузии. I. Пережитки коллективной охоты у рачинцев. Тбилиси, 1941. 203 с. (на груз. яз.).
- «Цхен-бурти». Историко-этнографический очерк. Тбилиси, 1952. 61 с. (на груз. яз.). Некоторые стороны быта рабочих чиатурской марганцевой промышленности. Тбилиси, 1953. 62 с.
- К истории пчеловодства. Тбилиси, 1960. 256 с. (на груз. яз.).
- Сванское село в прошлом. Тбилиси, 1964. 128 с. (на груз. яз.; в соавт. с Харадзе Р. Л.). Мтиулское село в прошлом. Тбилиси, 1965. 81 с. (на груз. яз.; в соавт. с Харадзе Р. Л.).
- Формы жилища и структура поселения горной Осетии//Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС). V, 1. Тбилиси, 1975. 197 с. (в соавт. с Гегечкори Г. Г.). Традиция и образ жизни. Тбилиси, 1981. 57 с. (на груз. яз.).
- Пути развития грузинской советской этнографии (1922—1982 гг.). Тбилиси, 1983. 159 с.
- Сванети. I. Жилище и поселения. Тбилиси, 1984. 118 с.

Статьи

- Пережитки простой кооперации в Грузии: Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1941. 15 с.
- Способы изготовления пороха в Хевсурети//Аналеби. I. Тбилиси, 1947. С. 216—237 (на груз. яз.).
- К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы (по материалам Триалетской этнографической экспедиции)//Советская этнография (далее — СЭ). 1948. № 3. С. 120—127.
- К вопросу о пчеловодстве в Грузии//Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР (далее — КСИЭ). VIII. М., 1948. С. 60—63.
- Соколиная охота в Гурии//Мимомхилвели. I. Тбилиси, 1949. С. 157—185 (на груз. яз.). Супряги как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии//Мимомхилвели. II. Тбилиси, 1951. С. 407—421 (на груз. яз.).
- Пчеловодство в Гурии//Материалы по этнографии Грузии (далее — МЭГ). III. Тбилиси, 1951. С. 5—31 (на груз. яз.).

* В список не включены небольшие по объему работы, газетные статьи, рецензии, тезисы докладов и другие материалы; не названы также книги, ответственным редактором которых был А. И. Робакидзе.

- К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта//СЭ. № 2. С. 129—137.
- «Цхен-бурти». Опыт восстановления конно-спортивной игры//Вопросы этнографии каза. Тбилиси, 1952. С. 221—255.
- К některým sporným otázkám ethnografického studia nového způsobu života//Český 1952. № 7—8. S. 171—175.
- Об обычаях, связанных с пчеловодством//Мимомхилвели. III. Тбилиси, 1953. С. 279 (на груз. яз.).
- Пчеловодство в Кахети//МЭГ. VI. Тбилиси, 1953. С. 104—130 (на груз. яз.).
- Некоторые черты семейного быта чхатурских горняков//СЭ. 1953. № 4. С. 20—29
- Из истории грузинского народного спорта. Тбилиси, 1955. 39 с. (на груз. яз.).
- Пчеловодство в Сванети//МЭГ. VII. Тбилиси, 1955. С. 75—130 (на груз. яз.).
- Происхождение пчеловодства и его место в хозяйственном быту грузинского народа. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Тбилиси, 1956. 38 с.
- К вопросу о форме поселения в Сванети//КСИЭ. XXIX. М., 1958. С. 52—61.
- Современное грузинское крестьянское жилище//МЭГ. X. Тбилиси, 1959. С. 21—44 (на груз. яз.; в соавт. с Очаури Т. А., Рухадзе Д. А., Топуриа Н. С., Чиковани И. К.)
- К вопросу о формах поселения в Верхней Аджарии//Тр. Батумского научно-исследовательского ин-та. Т. I. Тбилиси, 1960. С. 11—24 (на груз. яз.).
- К вопросу о свано-балкарских этнокультурных взаимоотношениях//Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Наальчик, 1960. С. 135—153 (в соавт. с Харадзе Р. Л.).
- Форма поселения в Балкарии. I. Топография поселения//МЭГ. XI. Тбилиси, 1960. С. 104 (на груз. яз.).
- Новые черты современного грузинского крестьянского жилища//СЭ. 1961. № 1. С. 40.
- Бесарион Нижарадзе//Бесарион Шиоевич Нижарадзе (Тависупали Свани). Историко-этнографические статьи. I. Тбилиси, 1962. С. 3—35 (на груз. яз.).
- К вопросу о значении сванского Калакол//Мацне. № 3. Тбилиси, 1962. С. 217—234 (на груз. яз.).
- Жилища и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем//КСИЭ. XXXVI. М., 1963. С. 29—35.
- В кн.: Народы Кавказа. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1963. в разделе «Грузины» подразделы: «Скотоводство», «Охота», «Рыболовство», «Пчеловодство» (с. 250—256), «Города и промышленность» (с. 267—270), «Жилища» (с. 284—290), «Современное жилище колхозников» (с. 292—296), «Современное жилище рабочих» (с. 320—327), «Спорт» (с. 337—339).
- Грузины//Сов. ист. энциклопедия. М., 1963. Т. IV. С. 846—847.
- Формы поселения в Балкарии. II. Морфология поселения//МЭГ. XII—XIII. Тбилиси, 1963. С. 187—196 (на груз. яз.).
- Habitation et villages montagnards de la Géorgie//Revue de Kartvelologie. V. XV. М., 1963. № 42—43. P. 58—62.
- Формы поселения в Балкарии. 3. Хозяйственные условия поселения//КЭС. I. Тбилиси, 1964. С. 31—40 (на груз. яз.).
- Бесарион Нижарадзе как этнограф//Б. Ш. Нижарадзе. Историко-этнографические материалы. II. Тбилиси, 1964. С. 206—219.
- К вопросу о значении сванского «Ламтквир»//Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 99—108 (на груз. яз.).
- Аджарские жилища в историко-этнографическом атласе Грузии//Культура и быт населения Юго-Западной Грузии (далее — КБНЮЗГ). I. Тбилиси, 1967. С. 5—21 (на груз. яз.).
- Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа (Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу)//СЭ. 1967. № 2. С. 26—44 (в соавт. с Кобычевым В. П.).
- В КЭС. II — Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси, 1968, статьи: К вопросу о нахской этнонимике (С. 12—40, в соавт. с Харадзе Р. Л.); Жилища и поселения горных ингушей (С. 41—117); Характер сословных отношений в Горной Ингушетии (С. 127—164, в соавт. с Харадзе Р. Л.).
- Особенности патронимической организации народов Кавказа//СЭ. 1968. № 5. С. 93—104.
- The Social Structure of the Caucasian Mountaineers. Tokio. 1968 [Доклад на VII Международном конгрессе антропол. и этногр. наук].
- Поселение как источник изучения общественного быта//Тр. VII Международного конгресса антропол. и этногр. наук. Т. V. М., 1970. С. 19—26.
- Некоторые черты мтиульской комоба//КЭС. III — Очерки этнографии Мтиулети. Тбилиси, 1971. С. 63—83.
- В КЭС. IV. Тбилиси, 1972, статьи: Кавказоведческие проблемы грузинской этнографии (С. 5—23; Ф. де Лагуна и некоторые вопросы об «объективности» в этнографии) (С. 134—144).
- К вопросу о горском феодализме на Кавказе//Иберийско-кавказское языкознание. XVIII. Тбилиси, 1973. С. 111—127 (на груз. яз.; в соавт. с Анчабадзе З. В.).
- Материалы к истории патронимической организации в Аджарии//КБНЮЗГ. II. Тбилиси, 1974. С. 25—48 (на груз. яз.).
- Заградительные стены Северной Осетии//Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976. С. 432—442 (на груз. яз.).

- К вопросу о значении термина «варг» в Сванети//Юбилейный сборник, посвященный акад. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1976. С. 378—389.
- Этнография и современность//КБНЮЗГ. V. Тбилиси, 1977. С. 5—13 (на груз. яз.).
- Особенности феодальных отношений в Сванети//Мацне. № 1. Тбилиси, 1977. С. 154—162 (на груз. яз.; в соавт. с Гамквелидзе Б. В.).
- Некоторые черты горского феодализма на Кавказе//СЭ. 1978. № 2. С. 15—24.
- Некоторые вопросы башенной культуры Горной Грузии (К историко-этнографическому атласу)//Мацне. № 1. Тбилиси, 1978. С. 42—54 (на груз. яз.; в соавт. с Калдаи А. М.).
- Patronymy Among the Peoples of the Caucasus//The Nomadic Alternative. Chicago. 1978. P. 373—376.
- Этнос и этнографическая группа//Мацне. № 4. Тбилиси, 1980. С. 164—174 (на груз. яз.).
- Об особенностях общественного быта горцев Кавказа//Особенности социально-экономического развития горных регионов феодальной Грузии. Т. IV. Тбилиси, 1983. С. 124—138.
- К вопросу о классификации элементов культуры в историко-этнографическом атласе и ее отношении к хозяйственно-культурной типологии//КБНЮЗГ. X. Тбилиси, 1983. С. 10—29 (на груз. яз.; в соавт. с Шамиладзе В. М.).
- Русудан Харадзе. Основные этапы жизни и деятельности//Русудан Харадзе. Тбилиси, 1985. С. 4—27 (на груз. яз.).
- К вопросу о формах поселения в Горной Чечне//КЭС. VI. Очерки этнографии Горной Чечни. Тбилиси, 1986. С. 3—9.
- Принцип классификации грузинского народно-традиционного жилища//Историко-этнографический атлас Грузии. Материалы. Горные жилища Грузии. Тбилиси, 1986. С. 5—15 (на груз. яз.).
- Грузинская советская этнография//Развитие исторической науки в Советской Грузии. Тбилиси, 1986. С. 151—199 (на груз. яз.).

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XXVII СЪЕЗД КПСС И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПАХ»

22—23 апреля 1987 г. в Нальчике состоялась первая историко-экологическая конференция «XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». По составу участников¹ она имела значимость Всесоюзной. Организаторами конференции выступили Научный совет АН СССР исторической демографии и исторической географии, Институт истории СССР АН СССР и Научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР. В Оргкомитет входили от Института этнографии АН СССР Б. В. Андрианов и В. И. Козлов. Среди докладчиков преобладали историки, было много географов и этнографов. Активно участвовали в работе конференции культурологи, философы и демографы, а также археологи, экономисты, биологи, сотрудники организаций агропромышленного и лесохозяйственного комплексов, органов охраны памятников истории и культуры.

Проблемам взаимодействия общества и природы уже неоднократно посвящались симпозиумы и научные конференции, имевшие экологическую направленность². Однако конференция в Нальчике выделяется среди предыдущих тем, что на ней проблематика исторической экологии первый раз была поставлена во главу угла. Основными задачами этого междисциплинарного научного направления является раскрытие закономерностей взаимодействия общества и природы на разных стадиях общественной эволюции с позиций марксистско-ленинской теории и методологии. Изучение экологического опыта прошлых эпох, сохраняющего значение до нашего времени, анализ взаимосвязей различных типов и форм хозяйственной деятельности и географической среды, зависимости производственных циклов (в первую очередь в сельском хозяйстве) от циклов природных, учет положительных и отрицательных результатов антропогенного воздействия на ландшафты при разных способах ведения хозяйства могут оказаться полезными при решении практических народнохозяйственных задач и совершенно необходимы для познания прошлого. Вполне очевидно, что данные комплексные проблемы должны разрабатываться при активном участии этнографов и особенно этноэкологов. В этом отношении показателен тот факт, что именно в Нальчике опять-таки впервые на научной конференции была выделена отдельная этноэкологическая секция³.

На подготовительном этапе представленные заранее тезисы докладов участников конференции были распределены между 6 секциями. Однако далее выяснилось, что

¹ В материалах конференции опубликованы 117 тезисов докладов 130 авторов из 27 городов шести союзных и трех автономных республик СССР. См. Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах» (Нальчик, 15—17 апр. 1987) М., 1987, 216 с.

² См.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981 (Рецензия на этот сборник: Егорова Т. В., Козлов В. И. // Сов. этнография. 1982, № 5. С. 144—148).

³ Правда, уже имелся опыт региональных археолого-этнографических конференций и совещаний по выделению экологически ориентированных исследований в отдельный блок. См.: Экологические аспекты археологии и этнографии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 146—167.

во многих случаях такое деление было условным, и отчасти поэтому секционные задания сочли целесообразным проводить «парами». Первую секцию «Теоретические и методологические проблемы и исследования» объединили с шестой «Этническая экология» (председательствовали соответственно Л. В. Данилова и В. И. Козлов), вторую «Историография, источники, методика исследований» с пятой «Человек и ландшафт», третью «Экономика и экология» с четвертой «Народонаселение и экология».

В данном сообщении мы ограничимся анализом работы секции «Этническая экология» и обзором докладов, сделанных на ней сотрудниками Института этнографии АН СССР, а также кратко остановимся лишь на некоторых, на наш взгляд, особенно важных и интересных для этнографов докладов из других секций.

В материалах конференции опубликованы тезисы докладов и сообщений 14 сотрудников Института этнографии АН СССР, из которых 9 участвовали в заседаниях, преимущественно в рамках секции «Этническая экология». В работе секции участвовали также археологи и историки.

Открывший секционные заседания В. И. Козлов (Москва) сделал доклад «Этнокультурная адаптация к среде обитания и проблема ее оценки». Опираясь на опыт многолетнего комплекса изучения феномена группового долгожительства у абхазов и азербайджанцев, он предложил в качестве основных критериев такой оценки ряд показателей, характеризующих темпы воспроизводства населения (в первую очередь для традиционных обществ), а также показатели физического и психического здоровья, продолжительности жизни и долголетия людей. Было отмечено также, что этническая экология, добившись определенного прогресса в изучении материальной стороны жизнеобеспечения, начинает заниматься ее духовной стороной лишь в последнее время, и именно в этой области исследователей ожидают определенные трудности в силу неразработанности соответствующих методик.

Теоретико-методологическими были и другие выступления. Так, Б. В. Андрианов (Москва) в докладе «Географическая среда и хозяйственно-культурная дифференциация народов мира» остановился на характеристике трех уровней исторического взаимодействия общества и природы: 1) глобального, который отражается в системах хозяйственно-культурных типов, связанных с природной зональностью ландшафтов всего земного шара; 2) регионального, при котором рассматриваются специфические черты историко-этнографических областей; 3) локального (экологического), который учитывается при анализе многообразия систем жизнеобеспечения у различных народов.

Ю. М. Кобищанов (Москва) в докладе «Историко-экологические области в их отношениях с этническими общностями» выдвинул гипотезу «историко-экологической области» (ИЭО) как основной структурной единицы исторического пространства, отличающейся достаточно стабильными территориальными границами (примеры ИЭО: Среднеазиатская, Месопотамская, Бирманская и т. п.). Для однотипных ИЭО характерны сходный набор весьма дифференцированных ландшафтных условий и множественность хозяйственно-культурных типов (ХКТ) при сложном этническом составе населения. В ходе исторического развития внутри устойчивых границ ИЭО при сохранении основных ХКТ может происходить смена этнического состава населения и даже цивилизаций.

К этой группе докладов примыкают выступления, в которых рассматривались те или иные теоретические положения на конкретных материалах отдельных регионов. В частности, доклад И. И. Крупника (Москва) «Экологический опыт и экологическое поведение ранних охотничьих обществ» был посвящен очень важному вопросу о соотношении экологических знаний людей и их реального поведения по отношению к природе. Так, при всей глубине и разносторонности рациональных в своей основе представлений об окружающей среде и взаимосвязей с ней человека, аборигенные охотники Субарктики часто были вынуждены вести промысел «экофобными» методами. Этот вывод докладчика о существенном несовпадении между экологическим опытом и экологическим поведением, по-видимому, справедлив и по отношению к большинству других так называемых традиционных обществ.

Доклад С. А. Маретиной (Ленинград) «Соотношение природного и социального окружения в экосистемах горных народов Южной Азии» был посвящен главным образом анализу различных вариантов адаптации горных народов Индии, находящихся преимущественно на доклассовом или раннеклассовом уровне развития, к географической среде и взаимодействию их с соседними, более развитыми в социально-экономическом отношении народами, живущими на равнине.

А. Н. Ямсков (Москва) в докладе «Традиционное хозяйство горцев Кавказа: этноэкологический подход и концепция хозяйственно-культурных типов» показал преимущества этноэкологического подхода к решению дискуссионного вопроса обоснованности выделения ХКТ оседлых (с сезонным отходом части работников в пастбища) горных земледельцев и скотоводов. В пользу выделения такого ХКТ свидетельствуют уникальная сложность ландшафтной структуры каждой горной экосистемы, как правило включающей пастбищные и пахотные угодья в высоких поясах от альпийского до предгорий, и большое значение в хозяйстве скотоводов, базирующегося на среднегорных и субальпийских лугах, имеющих обычно антропогенное происхождение.

В докладе Ю. В. Маретина (Ленинград) «Естественно-географические особенности Юго-Восточной Азии и их влияние на этническое развитие народов региона» была раскрыта роль факторов природной среды в формировании системы расселения и выявлено их влияние на развитие культурных контактов народов этого уникального полиэтнического региона.

Значительная часть докладов посвящалась раскрытию роли природных условий в историческом развитии традиций в формировании своеобразных черт этнических или локальных вариантов культуры. Например, большое внимание привлекло выступление С. Г. Сибелева (Новосибирск) «О роли природных условий и хозяйственных традиций жизни коренного населения Средней Сибири в XVII—XVIII вв.». Докладчик продемонстрировал факт удивительной устойчивости хозяйственных традиций во времени: чеченки-качинцы переселились из Минусинских степей в район Красноярска и в новых природных условиях перешли к полукочевому образу жизни и смешанному скотоводческо-земельному хозяйству. Однако более чем век спустя в начале XVIII в. качинцы вернулись обратно к роли кочевых скотоводов, а мигрировавшие вместе с ними кобылаи, бельтеры и сагайцы и в Минусинской котловине долго сохранили принесенное из-под Красноярска скотоводческо-земледельческое хозяйство.

В докладе В. А. Липинской (Москва) «Традиционная пища русских в связи с условиями расселения» были показаны причины формирования многообразия местных вариантов блюд и ассортимента продуктов при сохранении в целом единой традиции в соотношении продукции земледелия и скотоводства, приемах кулинарии и потребления пищи. Также вопросам питания, но на ином этническом материале, посвящено сообщение Н. И. Григулевич (Москва) «Дикорастущие растения в традиционной пище сельских азербайджанцев». Кратко охарактеризовав годовую заготовку, приготовления и потребления трав, корней и плодов, докладчица показала, что, несмотря на малую калорийность и второстепенную роль дикорастущих растений в рационе, они содержат большое количество биологически активных веществ и витаминов и в значительной своей части обладают тонизирующими и бодрящими свойствами, что и делает необходимым при этноэкологических исследованиях учет этого компонента пищи.

Доклад Ф. В. Васильева (Горький) «О роли плодородия почв в формировании региональной специфики материальной культуры населения Нечерноземия XVIII—XIX вв. (методы исследования)» основан на многолетних архивных и полевых исследованиях местных вариантов традиционной культуры русского крестьянства. Докладчик обоснованно считает географический фактор понятием, объединяющим целый ряд элементов природной среды. При изучении традиционного земледельческого населения в роли главного такого фактора выступает плодородие почв; в некоторых случаях сказывается и влияние местоположения земельных угодий. Эти выводы получили математическое подтверждение в результате корреляционного анализа взаимозависимости распространения некоторых явлений материальной культуры и богатства почв в Нижегородской губернии XIX в.

Несколько обособленное положение в работе секции заняли выступления К. В. Циханской (Москва) «Окружающая среда и борьба индейцев США за свои права: рассмотревшей основные принципы рационального природопользования у индейцев и как отход от них — современное неблагоприятное состояние окружающей среды в резервациях, усиливающее миграцию индейцев в города, и сложности социальной адаптации коренных американцев в урбанизированном обществе, а также доклад С. Х. Мафедзева (Нальчик) «Природно-бытовые и сословно-классовые особенности военно-физической подготовки адыгейских народов», в котором были выявлены этнические и в прошлом сословные различия в использовании природных условий народной физической культуры адыгов в XIX—XX вв.

В прениях по докладам, сделанным в секции «Этническая экология», прозвучали оценки тех или иных выводов и положений докладчиков, а также и некоторые соображения методологического характера. В частности, Б. В. Андрианов констатировал наметившееся сближение концепций хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и этноэкологической, подчеркнув при этом как перспективность дальнейших исследований на локальном уровне, так и необходимость дальнейших усилий по синтезу указанных концепций. Однако И. И. Крупник высказал обоснованное сомнение относительно последнего замечания, так как в случае такого синтеза возможен переход от принятого выделения отдельных ХКТ по самым общим характеристикам хозяйства, образа жизни и материальной культуры, к взгляду на ХКТ как на максимально генерализированное выражение ряда типичных функционально сходных черт некоего множества этноэкосистем. Не исключено, впрочем, что такое сближение может привести к пересмотру некоторых существенных сторон самой концепции ХКТ. Кроме того, значительную часть дискуссионного времени заняло уточнение понятийно-терминологического аппарата, применяемого в этнической — и, шире, — в исторической экологии.

Следует отметить, что некоторые доклады, опубликованные в разделе «Этническая экология», не были заслушаны на секционных заседаниях. Среди них доклады: А. А. Лебедевой (Москва) «Природная среда как фактор, изменяющий этнические традиции (на примере русских и украинских переселенцев в Сибири)», в котором прослежены адаптационные процессы в сфере хозяйства и орудий труда, жилища и одежды, В. И. Наулко (Киев) «Влияние естественно-географических условий на культурно-бытовые особенности населения (на материалах народной архитектуры Украины)», В. В. Степанова (Москва) «Расселение как показатель этноэкологической адаптированности (на примере сельских поселений Азербайджанской ССР)», в котором основное внимание уделено соответственно роли историко-культурных и природных факторов в распространении типов и элементов жилища и в формировании системы расселения. Это также доклады Ю. В. Ивановой (Москва) «Экологические условия и обрядность (на примере балканских народов)», И. М. Мизиева и А. И. Мусукаева (Нальчик) «Экология и экономика гор Центрального Кавказа в свете этно-социальной истории», Е. А. Оборотовой (Москва) «Некоторые аспекты традиционного мировоззрения оленных чукчей в связи с изучением систем жизнеобеспечения», Э. В. Сайко (Москва) «Система обрядов раннеземледельческих культур как особый тип отношений «общество — природа», В. С. Менжинского (Москва) «Природная среда и землевладение Великопольского княжества Литовского», И. Л. Бабич (Москва) «Миф как отражение стереотипа экологического поведения на стадии архаической (доклассовой) социальности».

Сотрудники Института этнографии АН СССР участвовали в заседаниях других секций конференции. Так, на третьей секции Б. В. Андрианов сделал подготовленный в соавторстве с И. М. Кузиной и Л. И. Кураковой (Москва) доклад «Историческая роль сельского хозяйства в преобразовании ландшафтов», в котором прослежена связь процессов антропогенного воздействия на природу и формирования измененных трудом человека ландшафтов с историей становления и географическим распространением отдельных хозяйственно-культурных типов. Доклад Н. В. Черной (Казань) (Москва) «Влияние природных факторов на миграции населения России и Западной Украины в конце XVIII — начале XX вв.» был прочитан на четвертой секции.

Отмеченная выше некоторая условность включения ряда участников в те или иные секции делает необходимым хотя бы вкратце остановиться на некоторых докладах и сообщениях из других секций. Например, в первой секции «Теоретические и методологические проблемы и исследования», работавшей совместно с этноэкологической, было интересное выступление А. М. Кантора (Москва) «Экологические аспекты сознания в русской народной средневековой культуре». Докладчик отметил некоторые черты традиционного сознания русских того времени, как повышенные эмоциональность, ощущение непосредственной связи с окружающим миром природы и ее глубинными трансформациями. Учет этих сторон социальной психологии обществ, близких к традиционным, необходим при изучении духовного фактора этнокультурной адаптации. В этой же секции было заслушано сообщение философа А. Штейнберг (Рига) «Современная экологическая ситуация и социальная адаптация человека» и представлен доклад Л. Н. Гумилева (Ленинград) «Этнос как звено между природной средой и обществом»; вывод этого доклада о выражен-

ной корреляции между фазами этногенеза и этнической истории и развитием антропогенных модификаций ландшафтов отнюдь не всегда соответствует действительности. История знает немало примеров изменения этнического облика населения при сохранении одного и того же ХКТ и, следовательно, при тех же основных условиях воздействия на природу.

Многие материалы из других четырех секций представляют несомненный интерес для этнографов, занимающихся экологической проблематикой. К ним относятся, например, доклады Л. И. Кучумовой (Москва) «Крестьянская община восточной России во взаимодействии с окружающей средой» и С. Е. Толыбека (Алма-Ата) «О хозяйственном использовании пустынь Кызылкумов, Приарала, Каракумов и сухих степей Казахстана круглый год кочующими скотоводами в XIX — начале XX вв.». Особо хочется обратить внимание на сообщение Л. Б. Пилловой (Улан-Удэ) «Значение историко-ландшафтных исследований Прибайкалья для решения проблем рационального природопользования», в котором рассматривается процесс неоднократных смен этнического состава населения Баргузинской котловины, вызывавший в ряде случаев существенную перестройку системы природопользования, соответственно, изменения в развитии антропогенных модификаций ландшафта.

Много важной для этнографов информации содержат материалы четвертой секции «Народонаселение и экология». Это доклады В. М. Кабузана (Москва) «Природно-климатические условия и воспроизводство населения (естественный прирост) в России в XIX — начале XX вв.», Г. Ф. Быкова (Красноярск) «Географическая среда и особенности русского заселения и освоения Восточной Сибири в XIX — начале XX вв.», в котором показано, что трудности адаптации к суровым условиям средней (таежной) и, особенно, северной части данной территории привели, в результате совокупного действия процессов реэмиграции, пониженного естественного воспроизводства к снижению в этих областях Восточной Сибири доли русских с 50% в 1710 г. до менее чем 13% в 1858 г. Многим этнографам, вероятно, будут также интересны материалы докладов А. А. Преображенского (Москва) «Природа и колонизационные процессы в России XVII—XVIII вв.», А. В. Милославского (Омск) «Роль природных условий Сибири в массовом переселенческом движении за Урал периода капитализма», Н. Е. Бекмахановой (Москва) «Географическая среда и система кочевничества на материалах Казахстана (XIII — начало XX вв.)» и другие.

В методологическом плане весьма важен для этноэкологов доклад Е. А. Сипиной (Вологда) «Изучение элементарных историко-географических систем: метод исследования взаимодействия общества и природы на разных этапах освоения территории». В качестве операциональной единицы диахронного анализа процессов освоения территории, включающих формирование и эволюцию поселения, хозяйственной антропогенных модификаций ландшафтов, автор предложила «элементарную историко-географическую систему» (ЭИГС), которую образуют взаимодействующие социально-экономический и природный блоки; основой первого является поселение, вторым — смежные геокомплексы ранга урочищ. Таким образом, докладчица пришла к выводу о необходимости детальных исследований взаимодействия общества и природы на том же уровне конкретизации, что и при использовании концепций антропогенеза либо этноэкосистемы. Это, несомненно, указывает на плодотворность дальнейших контактов специалистов в области исторической географии или экологии с этноэкологами как в сфере теоретико-методологических разработок, так и в практических исследованиях.

В итоге работы секций были приняты рекомендации, оглашенные на заключительном пленарном заседании. Участники всех секций сошлись во мнении о желательности значительного расширения и углубления историко-экологических исследований как весьма актуальных с научной и достаточно важных с практической точек зрения. Повсеместную поддержку получили предложения о более полном использовании историко-экологических материалов в экологической пропаганде и воспитании населения и о необходимости значительной активизации такого рода деятельности.

Среди конкретных решений конференции отметим планы будущих совместных детальных исследований историков и географов на Вологодчине, Куликовом поле, Тамбовщине, предложения о введении курса исторической географии в учебные планы всех исторических и географических факультетов университетов и о подготовке в педагогических вузах на историко-географических факультетах учителей по специальностям — «географ» и «историк». Решено также организовать работу

справлению и доработке учебника по исторической географии для вузов и создать междисциплинарную группу исследователей по разработке курса исторической экологии для вузов.

Важность и необходимость реализации указанных решений вполне очевидны. Однако стоит, на наш взгляд, позаботиться и о том, чтобы этнографы и этноэкологи значительно активнее включились в эту работу. Особенно важно предусмотреть, чтобы дальнейшая разработка историко-экологической проблематики на деле не свелась лишь к усовершенствованию соответствующих разделов исторической географии, ныне в большинстве случаев представляющей собою экономическую или политическую историю. В исторической географии, к сожалению, почти полностью опущены традиционно-бытовая культура и, в значительной мере, этнокультурные особенности населения. Необходимо, чтобы эти недостатки не передались исторической экологии, для чего потребуются наладить самое тесное сотрудничество историков и географов с этнографами и в первую очередь с этноэкологами.

Что касается собственно этнической экологии, то здесь особую важность приобретают накопление материалов конкретных исследований и дальнейшее уточнение понятийного аппарата, прежде всего с целью определения методов изучения и критериев оценки этнокультурной адаптации. Как свидетельствуют материалы конференции, данную проблему наиболее рационально разрабатывать на примере групп переселенцев и нескольких поколений их потомков, живущих в существенно отличных от исходных и оставшихся обычными для основной массы членов этого этноса условиях окружающей среды. Именно в таких случаях процессы этнокультурной адаптации выступают наиболее явно в виде исторической эволюции многих элементов хозяйства, материальной и даже духовной культуры.

Оргкомитет и участники конференции сочли целесообразным вновь собраться через несколько лет. Можно надеяться, что следующая историко-экологическая конференция станет еще более представительной и приобретет наконец официальный ранг «всесоюзной».

В целом же первая историко-экологическая конференция в Нальчике оказалась весьма интересной и плодотворной. Готовятся к публикации основные материалы.

В. И. Козлов, А. Н. Ямсков

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ В БАССЕЙНЕ ТИХОГО ОКЕАНА»

23—28 января 1987 г. в Хельсинки состоялся международный симпозиум на тему «Культура и история в бассейне Тихого океана», организованный Академией Финляндии в связи с открытием советской выставки «Сокровища культуры народов Океании», званной финской стороной «Путешествие по Океании». Выставка была проведена в рамках сотрудничества между АН СССР и Академией Финляндии. В ее основу были положены коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР (Ленинград).

Симпозиум был посвящен обсуждению достижений в этнографическом изучении истории и культуры коренных народов Океании, переосмысление некоторых исторических материалов и бытующих представлений в свете новых исследований. С советской стороны в нем приняли участие 14 ученых: восемь из них лично участвовали в работе симпозиума (Ю. В. Бромлей, Р. Ф. Итс, А. И. Азаров, Н. М. Гиренко, А. И. Кузнецов, Е. С. Соболева, Д. Д. Тумаркин, В. А. Шнирельман), а шесть послали доклады (А. А. Бутинов, М. В. Станюкович, И. К. Федорова, М. А. Членов) или были соавторами докладов, прочитанных участниками симпозиума (П. И. Пучков, Т. К. Шафранская). Всего советскими учеными было представлено 11 докладов. В работе симпозиума участвовали также 15 ученых из Австралии, Англии, Дании, Италии, Новой Зеландии, США и Финляндии, представившие 14 докладов.

Симпозиум открылся 23 января. С приветственными речами к собравшимся обратился президент Академии Финляндии проф. Э. Аллардт и президент Советского национального комитета Тихоокеанской научной ассоциации акад. Н. А. Шило.

Доклады, представленные советскими специалистами, касались нескольких направлений исследований: теоретико-методологических изысканий, итогов работ в Океании, собрания и изучения океанийских этнографических коллекций, изучения фольклора и письменности о-ва Пасхи и др. В теоретических докладах советских ученых затрагивались важнейшие проблемы прошлого и настоящего Океании и поднимались вопросы методологии историко-этнографических исследований. В докладе Ю. В. Бромлея и П. И. Пучкова (Москва) «Типы этнических процессов у народов Австралии и Океании» были раскрыты положения теории этноса, активно разрабатываемой в советской науке, при этом основной акцент был сделан на типологизации этнических процессов применительно к этнической ситуации, наблюдающейся в современной Океании. Авторам доклада удалось показать, что разделительные и объединительные процессы происходят в районах Океании по-разному, и это требует внесения корректив в имеющуюся логику с целью ее дальнейшей детализации.

А. И. Кузнецов (Москва) в докладе «К проблеме происхождения австралийских языков» говорил о соответствии фонетических особенностей языков этим антропологическим чертам их носителей. Исходя из фоностатических данных, автор предположил, что первичные языки монголоидов и негроавстралийцев (черная раса) фонетически должны были различаться. Отметив, что монголоиды начали расселяться по Юго-Восточной Азии только в неолите, автор высказал мнение о том, что праавстронезийский язык возник в немонголоидной среде. Это предположение вызвало оживленную полемику, в ходе которой, в частности, была предложена модель происхождения и раннего расселения протоавстронезийцев, основанная на новейших археологических лингвистических данных. Вместе с тем было высказано мнение о том, что целесообразно сравнительное антропологическое изучение языковых особенностей голосового аппарата (например, гортани и пр.) у различных этнических рас, которые до сих пор оставались без внимания.

В докладе В. А. Шнирельмана (Москва) «Становление классовых различий и дифференциация культуры у народов Океании» была продемонстрирована активность культурологического подхода к изучению процессов классово-этнической дифференциации в Океании, позволяющего проследить тенденции в изменении этнической культуры по мере нарастания социальной дифференциации. Было показано, что на ранних этапах социальная дифференциация могла проявляться лишь в некоторых сферах культуры, прежде всего в поведении и ритуале. Но с развитием социального неравенства социокультурные различия постепенно возникали в самых различных сферах культуры. В самом докладе и в состоявшейся после него дискуссии были подняты некоторые общие вопросы социальной эволюции и методики изучения эволюционных процессов.

Одним из конкретных выражений социокультурной дифференциации в процессе классовообразования в Океании являлись тайные мужские союзы, место которых в социальной структуре было рассмотрено А. И. Азаровым (Ленинград) в докладе «Община и тайные мужские общества в Меланезии». Докладчик пришел к выводу, что объективные результаты деятельности таких союзов были неоднозначными: с одной стороны, они способствовали социальному расслоению внутри общины, с другой — служили сдерживающим началом для центробежных сил, характерных для гетерогенной общины.

Доклад Д. Д. Тумаркина (Москва) «100 лет после Миклухо-Маклая: социальные и культурные изменения в деревне Бонгу» был основан на полевых исследованиях, проведенных советскими этнографами на Берегу Маклая (Папуа — Новая Гвинея) в 1970-х годах. В докладе были прослежены изменения в различных сферах жизни бонгуанцев, которые произошли за столетие после пребывания в этой деревне Н. Н. Миклухо-Маклая, оставившего подробное описание местной культуры. Несмотря на устойчивость многих черт традиционной культуры, автор высказал мнение, что колониально-капиталистические порядки и элементы «западной» культуры здесь наложены на традиционный жизненный уклад; они модифицировали его, но не уничтожили. Участники симпозиума выразили надежду, что советские ученые смогут продолжить полевые исследования на Берегу Маклая.

В докладе Р. Ф. Итса и Т. К. Шафрановской (Ленинград) «Н. Н. Миклухо-Маклай и океанийские коллекции в Музее антропологии и этнографии» показана огромная научная значимость уникальных коллекций Музея антропологии и этнографии, насчитывающих около 8000 предметов культуры и быта народов

ля, собранных различными путешественниками и учеными, начиная с Дж. Кука. К юбое внимание было обращено на недавно обнаруженные этнографические рисунки (Н. Миклухо-Маклая).

Е. С. Соболева (Ленинград) посвятила свой доклад «Кульг умерших на Но-ой Гвинее» назначению деревянных антропоморфных статуэток (*корвар*), когда-то жотовлявшихся папуасами северо-западных районов Ириан Джая. Она показала, то эти фигурки имели большое ритуальное значение, будучи связаны с представле-ниями о жизни и смерти, с мифологией и пр. С введением христианства на Новой Гвинее эти статуэтки стали уничтожать как «языческие», и сейчас они сохранились алько в некоторых музеях, в частности в МАЭ.

Сообщения об океанийских коллекциях, хранящихся в МАЭ, привлекли всеоб-щее внимание участников симпозиума, выразивших большое желание детальнее с ними ознакомиться.

На симпозиум были также представлены следующие доклады: Н. А. Бутинов «Дешифровка письменности острова Пасхи», И. К. Федорова «Фольклор острова Пасхи как этноисторический источник», М. В. Станюкович «Мегалитическая культура Северного Лусона (к проблеме культурного родства Океании с Филиппи-нами)» и М. А. Членов «Уоллесеа: перспективны антропологического изучения кон-актной зоны».

В докладах зарубежных специалистов, представленных на симпозиуме, затраги-вались в основном следующие проблемы: особенности исторических и этнографиче-ских источников и их критика, специфика обмена в Меланезии и его влияние на про-цессы социальной дифференциации, символика, религия и культура, а также методы исследования традиционной музыкальной культуры. Доклады первого из отмеченных справлений показывают, что в последние годы среди зарубежных исследователей метился определенный сдвиг от функционализма к историзму, и этнографическая истинственность рассматривается как результат длительного, весьма динамичного развития. Однако изучение последнего невозможно без детальной критики имеющих-ся источников, что требует обращения к опыту источниковедческого анализа, на-веденного исторической наукой. В докладе «История и представления о полинезий-ских обществах» Э. Хупер и Дж. Хантсмен (Окленд) проследили тенденцию изменения подхода западных исследователей к изучению истории Полинезии. Вначале многие историки занимались колониальной и постколониальной историей этого региона в целом, в основном деятельностью европейцев, а собственно полинезийцев оставляли на втором плане. Другой подход проявили этноисторики, рассматривавшие особен-ности развития местных обществ в колониальных условиях. В последние годы об-наружены исторические манускрипты, написанные самими полинезийцами, показываю-щие исторический процесс как бы изнутри глазами последних. Обратив внимание на необходимость тщательного изучения таких источников, авторы правильно отме-тили, что полинезийцы являлись активными творцами своей истории, а не пассив-ными наблюдателями.

Та же тема прозвучала в докладе М. Стрэзерн (Манчестер) «Исторические бытия и интерпретация народных представлений: комментарий из Меланезии». В нем докладчица попыталась объяснить реакцию исконных обитателей Меланезии на появление европейцев, исходя из представлений и практики самих меланезийцев. Для последних европейцы являлись чужаками, но сложность общения с ними заклю-чилась главным образом не в этом, а в том, что они были как бы вырваны из своего культурного контекста, и именно поэтому меланезийцы долго не могли выработать сделанных правил общения с ними. Одновременно М. Стрэзерн показала, что для меланезийцев не существовало того разрыва между материальной, социальной и ду-ховной культурой, который им приписывается в работах некоторых западных этног-рфов. Она призвала к использованию опыта советских ученых, в работах которых, первых, уделяется надлежащее внимание материальной культуре, а во-вторых, культура рассматривается в историческом контексте.

В докладе В. Валери (Чикаго) «Воссозданная история: генеалогии и narra-тивные источники в Гавайском королевстве» были сопоставлены генеалогии правите-лей и исторические предания как автономные виды источников по истории населения гавайских островов. Автор показал, что хотя оба типа исторической традиции слу-жат здесь интересам знати и нередко содержались в тайне от простых общинников, но отражали исторический процесс весьма по-разному, и это следует иметь в виду, пользуясь их для исторических реконструкций.

Доклад А. М. Котилайнен (Хельсинки) «Изготовление тапы и исторический культурный контекст» был посвящен достаточно традиционной теме — ареальному распространению материальной культуры для решения некоторых проблем этногенеза. Докладчица показала, что по многим параметрам роль тапы в традиционных культурах Юго-Восточной Азии и Полинезии очень близка, и это свидетельствует о ее происхождении культуры австронезийцев и древних контактах между ними.

В последние годы проводится интенсивное изучение специфики традиционных систем обмена в Океании, прежде всего в Меланезии, и этой теме были посвящены несколько сообщений. В докладе Р. Киссинга (Канберра) «Новые уроки, полученные от старых раковин: изменение перспектив в изучении кула» были подведены некоторые итоги исследований в Меланезии, заставляющих существенно пересмотреть оценку так называемого обмена *кула*, данную ему в свое время Б. Малиновским. Во-первых, в разных районах обмен *кула* происходил неодинаково и имел разное значение, причем вопреки Малиновскому не только символическое. Во-вторых, помимо раковинных украшений этот обмен включал и ряд других категорий вещей, которые составляли некоторую иерархическую систему ценностей. При этом одни вещи при определенных условиях могли изыматься из системы обмена *кула* и использоваться для иных культурных потребностей, в том числе в обменных системах другого типа. В-третьих, благодаря новым этнографическим и археологическим данным мелинские системы обмена начали сейчас рассматриваться во временной перспективе, и обмен *кула* оказался далеко не такой застывшей архаической формой, как представлялось Малиновскому. В связи с этим Р. Киссинг особенно подчеркивает необходимость исторического подхода к изучению этнографических данных.

Особенности меланезийской системы обмена были рассмотрены более детально Д. Ж. Липом (Копенгаген) в докладе «Дарообмен и создание тождественности». Проводя полевые наблюдения на о-ве Россел, Дж. Лип пришел к выводу о том, что имеющиеся представления о полной эквивалентности даров сильно упрощают картину. Одна из особенностей меланезийского обмена заключается в его неформальном характере: принадлежащая человеку вещь до известной степени с ним идентифицируется, и обмен такими вещами в идеале ведет и к отождествлению партнеров. В то же время различные вещи представляют собой иерархический ряд, и наиболее ценные из них имеют свою историю, свои личные имена и к ним иногда относятся как к живым существам. Поэтому обмен, включающий разные категории вещей, на практике не является полностью эквивалентным, и надо обладать большим мастерством, чтобы вести его успешно. Если в теории долги полагаются безусловно и дар и полученный дар требует эквивалентного возврата, то на практике это происходит далеко не всегда, чем в особенности пользуются бигмены, злоупотребляющие положением и организующие стратегию обмена в ущерб интересам простых обитателей. Дж. Лип подробно остановился на характеристике особой категории (*китум*), которые могли свободно изыматься из системы *кула* или включаться в нее, что свидетельствует о ее открытом характере. Таким образом, меланезийская система обмена представляла собой достаточно сложную и противоречивую картину.

Тема обмена, в особенности в связи с социальной эволюцией, была поднята Э. Вейнером (Нью-Йорк) в докладе «Артефакты бессмертия: эволюционная перспектива». Докладчица показала, что в меланезийских и полинезийских обществах существовали ценности высшего порядка, которые символизировали преемственность в кланах или правящей группировке вождей. Такие вещи, как правило, передавались по наследству, а если и включались в обмен, то при условии их возврата со временем. Такой обмен был призван устанавливать либо тесные связи, либо иерархические отношения между сторонами. Сравнительный анализ показывает, что с течением времени отношения родства должны были отступать на второй план перед зарождающимися политическими отношениями, что и проявлялось в эволюции обмена.

В своем докладе «Свиньи, дети и цветы. Обмен на островах Кука» А. Л. Скотт (Хельсинки) показала огромное значение обмена в социальной жизни населения этой группы островов. Там основной социальной единицей является большая община (*копу тангата*). Между индивидами обмен вещами происходит в виде дарообмена, но по отношению к пище внутри *копу тангата* существуют особые отношения дележа: при наличии излишков пищи они распределяются путем устраивания пиршеств. Пирши организуются часто по самым разным поводам. Очень часто происходит и адопция детей, в которой автор видит одну из форм обмена, а не

лее тесные связи у ребенка возникают именно с тем, кто его растит, или «кормит». Главным видом обменных и ритуальных ценностей являются свиньи. Они же играют большую роль в мифологическом объяснении взаимоотношений между родителями и детьми: по мифу, чтобы накормить голодного сына умирающий отец превратился в свинью. Доклад А.-Л. Сиикала вызвал оживленное обсуждение, в ходе которого было высказано соображение о необходимости дифференцировать разные виды обмена, выработав соответствующую терминологию.

Доклад Д. Лоуренса (Таунсвилл) «Материальная культура морского обмена в юго-западном Папуа и Торресовом проливе», основанный на большом полевом материале, был посвящен выделению особых ареалов обмена в зависимости от характера обмениваемых вещей. Докладчик выделил три ареала обмена: 1) между побережьем Новой Гвинеи и северными островами Торресево пролива; 2) между австралийским полуостровом Кейп-Йорк и южными островами этого пролива; 3) между самими островами.

В нескольких докладах затрагивались проблемы символики, связанной с материальной культурой. В докладе Э. Кепплер (Вашингтон) «Изображения на тапе и символические связи в искусстве острова Пасхи» была подчеркнута символическая связь тапы с лицами высокого статуса в Полинезии. Только из тапы изготавливались накладки для священных деревянных фигурок. Такие фигурки и антропоморфные существа на тапе часто изображались в танцевальных позах. Докладчица предположила, что эти изображения фиксировали людей и духов во время молений, действенность которых определялась не только словом, но и движением. По его мнению, аналогичным образом следует понимать и изображения на дощечках *кохау ронго-ронго* с о-ва Пасхи. В дискуссии по докладу Э. Кепплер было отмечено, что, по мнению советских специалистов, значки на таких дощечках представляют одну из ранних форм письменности.

Оригинальным по сюжету явился доклад Дж. Скодитти (Урбино) «Золотое сечение в Меланезии», посвященный изучению некоторых эстетических норм в искусстве местных мастеров. Проведя беседы с известными резчиками по дереву в районе Милн-Бей (Папуа — Новая Гвинея), докладчик собрал интересные материалы о способах украшения лодок и пришел к выводу о том, что здесь имелось достаточно творческое развивающееся искусство, к которому применимы такие понятия, как «школа», «традиция», «вкус» и т. д. Придерживаясь традиционной манеры и определенного канона, резчики смело вводили инновации, проявляя свою индивидуальность. В докладе содержались интересные сведения об особенностях обучения будущих мастеров.

В докладе Ю. Сиикала (Хельсинки) «Вожди, пол и иерархия в Нгапатору» содержался некоторый пересмотр представлений об общественной роли женщин в традиционных полинезийских обществах, которая, по мнению докладчика, недооценивается. А ведь и ныне на островах Кука много высших титулов принадлежит женщинам. Рассмотрев особенности происхождения власти вождей и их место в системе родственных связей, автор детально остановился на характере и методах борьбы за власть между представителями высшей знати. Так как при этом основной опорой в борьбе были свойственники, особую важность приобретала брачная политика: путем браков устанавливались иерархические отношения между различными группами населения.

В докладе «Тапу/табу» Т. Монберг (Копенгаген) рассмотрел концепцию «табу» у обитателей о-ва Беллона. По словам автора, табу — это священное качество божества, которое при определенных условиях может переходить и на человека, причем в разном объеме. Табу не связано с личными достижениями, которые представляют заслугу самого человека. Поэтому само по себе наличие табу делает вождя-жреца умнее или сильнее других людей. Концепция табу в Полинезии была связана также с такими явлениями, которые находились вне контроля самих людей (природные явления, рождение, смерть и т. д.).

Доклад Х. Ривз (Таунсвилл) «Музыкальная культура современного музыкального представления на Манихики, острова Кука» сопровождался демонстрацией музыкальных записей. В нем была сделана попытка дать комплексный многосторонний анализ музыкальной культуры. При этом докладчице пришлось столкнуться с весьма сложными теоретическими и методическими проблемами (методов исследования, классификации полученных данных, отчленения традиционного от нового и пр.). Как ни велики эти сложности, которые особенно выявились в дискуссии по докладу, Х. Ривз

удалось показать, что традиционное музыкальное произведение — это единство языка, смыслового значения, танца и социального контекста, причем все это изучать в едином комплексе.

На последнем заседании симпозиума между его участниками развернулась рокая дискуссия, выявившая ряд ключевых проблем, заслуживающих дальнейшего изучения. Это — особенности формирования неравенства и классовообразования в Океании, роль обмена в такого рода процессах, вариативность исторического развития разных районов Океании и, в частности, причины социально-культурных отличий полинезийских обществ от полинезийских. Подчеркивалась необходимость уделять больше внимания изучению материальной культуры, рассматриваемой в широком социальном контексте. Было высказано соображение о необходимости провести специальный симпозиум, посвященный этногенезу и этнической истории австронезийцев.

Хотелось бы, чтобы диалог между советскими и зарубежными специалистами по проблемам этнографии Океании, столь успешно проведенный в Хельсинки, получил достойное продолжение в будущем.

В. А. Шнирельман

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В сентябре 1986 года в соответствии с планом научных работ Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства мной была проведена повторная экспедиция в традиционные гончарные центры Барского района Винницкой области Украинской ССР¹.

Наиболее подробно был обследован известный в прошлом гончарный центр Восточной Подолии село Лисовое (сельсовет Лисовое).

К числу задач экспедиции относились выявление, сбор и фиксация памятников традиционного народного искусства, сохранившихся в бытоде жителей, а также выяснение современного состояния гончарного промысла. Основное внимание было, естественно, уделено сбору материалов местного гончарства, характеризующих состояние промысла с 30-х по 70-е годы текущего столетия. Обнаруженные предметы свидетельствуют о стойком сохранении местной гончарной традиции. Среди них — большой кухонный кувшин для приготовления пищи (*горнець*), малый кувшин (*горщик*) того же назначения, фрагменты, дающие представление о форме среднего кувшина (*горнець*), уплощенный с двух сторон кувшин для воды (*банька*). Его плотно закрывали деревянной крышкой, подвязывали за горловину веревкой и забрасывали за плечо. Двусторонняя уплощенность кувшина способствовала удобству доставки в нем воды работающим в поле крестьянам. Все вышеперечисленные изделия черного цвета, без

глазури и декора. Найден также терракотовый кувшин для молока конической формы с ручкой красно-оранжевого цвета, расписанный посредине опоясывающими прямыми и волнистой линиями, а ниже рядом коротких наискось прорисованных линий, выполненных коричневым ангобом. Местное название этого кувшина *рында*.

Подобные изделия производились в прошлом в некоторых гончарных центрах Подолии и широко использовались местным населением. То же следует сказать и о приобретенных в ходе экспедиции лумиске и миске, расписанных подглазковой *рожекванной* и *фляндрованной* росписью. Формы изделий, главным образом шарообразные, приземистые, в средней части выпуклые. Встречаются и конические формы, но в большинстве случаев — плавным переходом деталей друг в друга. Среди растительных и геометрических элементов орнамента преобладают геометрические, выполненные преимущественно розжовканием, реже фляндрованием. Роспись кувшинов и горшков относится преимущественно к горизонтальному типу орнаментально-декоративного построения. Богатую разновидность ее находим в концентрических типах композиций на мисках и полумисках.

На цветную и черно-белую пленку сняты характерные произведения местного народного зодчества, писанки, керамические изделия. Среди последних особый интерес представляют принадлежащие местной жительнице Е. А. Корсун керамические изделия различного бытового назначения (изготовлены в 30 и 50-е годы местными гончарами Н. Гонтарем

¹ Информацию о первой экспедиции см. Сов. этнография. 1974. № 5. С. 167.

(Мельником). В их числе — горшки, кувшины всевозможного назначения, *макиты* (большие миски), подвазонники, дурлаги, *горшочки-двойники*, или *горшочки-парыши*, используемые для доставки горячей пищи.

В настоящее время гончарное дело в селе полностью угасло. Немногие оставшиеся в живых пожилые мастера физически неспособны продолжать ремесло. Молодежь, к сожалению, не наследует традиционного промысла. Таким образом, со временем, прошедшее с прошлой экспедиции (1973 г.), этот гончарный центр прекратил свое существование. Представляется необходимым принять срочные меры к его возрождению, тем более, что необходимость в гончарной посуде в местном быту, несомненно, сохраняется.

В процессе экспедиции собраны документальные сведения о работавших здесь гончарах, которые до Великой Отечественной войны насчитывалось в селе свыше 60 человек.

К числу наиболее ярких мастеров керамической росписи с Лисовое старожилы относят М. М. Гонтара (1895—1981 гг.), Н. М. Гонтара (1902 г.), И. Н. Корсуна (1904 г.), И. Т. Корсуна (1909—1981 гг.), А. Литвинюка (1893 г.), Д. Л. Лукашенко (1893—1976 гг.), Ф. С. Любунь (1914 г.) и др.

Материалы экспедиции находятся в стадии обработки.

В. А. Гудак

* * *

В соответствии с учебным планом педагогических институтов работа по собиранию устного народного творчества организуется в них как фольклорная практика. В апреле—мае 1986 года такую практику прошли 23 студента филологического факультета Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького (руководитель — Л. В. Носелова). 12 из них записывали фольклор в Омске, остальные в различных населенных пунктах Новосибирской (г. Барабинск и с. Шубинское Барабинского района) и Омской (с. Увало-Ядрино Любимского района, пос. Марьяновка Марьяновского, с. Моховой Привал Муромцевского; д. Андреевка Омского района, Побочино Одесского, совхоз «Цветочный» Русско-Полянского, с. Южное Таврического, с. Соляное Черлакского с. Александровка Шербакульского района) областей.

Записи сделаны от 129 исполнителей: взрослых и 91 ребенка. Среди взрос-

лых — трое мужчин и 35 женщин; одна немка, остальные русские. Возрастной состав информаторов от 18 до 29 лет — 12 чел., от 30 до 49 — 3, от 50 до 59 — 10, от 60 до 69 — 5, от 70 до 79 — 6, от 80 до 83 — 2 человека.

Среди детей — 41 мальчик и 50 девочек; по национальному составу — 2 казаха, 7 немцев, 1 татарка, 3 украинца, остальные русские. 5 дошкольников, 86 школьников: от 7 до 10 лет — 52 чел., от 11 до 13 — 30, от 13 до 16 — 4 чел. Самым младшим исполнителям по 5 лет, старейшей песеннице — 83 года.

Всего студентами собрано 5031 произведение устного народного творчества.

Эпических текста 73: среди них 8 баллад (преимущественно традиционные для наших областей — «Муж топил жену», «Два храбрых героя просились ночевать», «Ванька—ключник», «Скакал казак через долину» и т. п.), 1 историческая песня («Соловей кукушку уговаривал»), 1 духовный стих, 3 волшебных сказки (сюжеты — 402А***1, 480А* и контаминация отдельных мотивов сюжетов 550 и 551); 5 сказок о животных (275, 60, 161А*, 283В* и сюжет, близкий к 130), 11 сказок-былиц (2044—5 вариантов; 2022В — 3 варианта; 2025 — 3 варианта) и две о дураках (1696 и сюжет, близкий к 1691), 37 докучных сказок (2300); 2 топонимических предания, легенда о цветении папоротника на Ивана Купалу, анекдот, рассказ о прошлом.

Записаны также 9 быличек о домовом, русалках, огненном шаре, ожившем мертвечке, колдунье. Обрядовой поэзии — 97 №№: посевания, колядка, 4 щедровки, 4 подблюдных и 2 масленичных песни, 3 веснянки, вербный приговор, пасхальная *рацейка*, 3 тронцких песни, купальская, 10 гаданий. Зафиксированы также 5 примет, 10 описаний календарных праздников и обрядов, описание свадьбы, 4 свадебных ритуальных песни, 6 свадебных лирических, 5 величальных, 7 приговоров сватов и гостей, 1 свадебная притча, 41 заговор.

Впервые записано большое количество (23) лечебных заговоров от одного исполнителя.

Необрядовая лирика представлена 133 №№: 24 любовных песни, 18 семейно-бытовых, 8 солдатских, 6 шуточных, 5 плясовых, 12 хороводно-игровых, 17 песен ли-

* Здесь и далее номера сюжетов даются по кн.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Составители: Барг Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л., 1979.

тературного происхождения, 39 жестоких романсов, 4 песни советской эпохи. Кроме того, записаны 33 песни самодельных авторов, 4 описания игр на вечерках, 1148 частушек, 1097 произведений малых жанров: 780 загадок, 238 скороговорок, 68 пословиц и поговорок, 9 прибауток, 2 присловья.

Тексты необрядовых лирических песен, в основном традиционные для Омской области («По улице мостовой», «Калина-малина», «За лесом солнце воссияло», «Уж вы ветры, мои ветерочки», «Хмель», «Посеяли девки лен», «Отец мой был природный пахарь», «Вянет, пропадает молодость моя»). Интересны редко встречающиеся у нас песни гражданской войны «Ой, война, ты такая жестокая» (два брата — враги), «Тихо горит, догорает» (гибель от ран матроса-краснобалтийца).

Особое внимание уделялось современному состоянию детского фольклора, собирание которого проходило по специальному вопросу. Всего записано 2426 №№: 89 колыбельных песен, 28 частушек, 104 потешки, связанные с движением, 121 потешка-прибаутка, 79 потешек-небылиц, 11 потешек-нескладушек, 6 потешек-перевертышей; 188 закличек, 251 дразнилка, 117 поддевок, 27 примирилок, 49 молчанок, 362 считалки, 17 жеребьевок, 157 описаний детских игр, 256 предыгровых и игровых приговоров, 31 «хлопушка», 30 приговоров при играх с мячом и скакалкой, 16 приговоров при прыжках в воде, 36 хороводно-игровых песен, 27 внеигровых песен, 64 внеигровых приговора, 157 детских стихов, 63 бесконечных песни, стиха и диалога-прибаутки, 30 страшилок, 20 антистрашилок (пародий на страшилки), 90 детских анекдотов.

Собранные материалы позволяют говорить о том, что наибольшей популярностью среди детей по-прежнему пользуются отдельные жанры игрового фольклора (приговоры, считалки, игры) и сатирическая лирика (дразнилки и подделки). Новые полевые материалы расширяют представление о жанровом составе детского игрового фольклора. И дают возможность выделить в качестве самостоятельных жанров приговоры, исполняемые во время игр с мячом, скакалкой и прыжков в воде, а также «хлопушки» (песни и стишки, сопровождаемые хлопками в ладоши). Среди внеигрового фольклора можно выделить рифмованные тексты, употребляемые в определенных, часто повторяющихся ситуациях в жизни детского коллектива. Наиболее распространены из них «отговорки» (ответы на дразнилки)

и приговоры, устанавливающие первого или второго высказываниявое слово дорожке второго», «Вторечко дорожке сердечка»). Причем предыгровые и игровые приговоры в трех разновидностях в зависимости от целевого назначения, приговораждения, приговоры-условия и при побуждения, то среди внеигровыхворов нам пока удалось обнаружитько приговоры-утверждения.

Все материалы, собранные студентами во время фольклорной практики, сданы в фольклорный архив кафедры литературы Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького.

Л. В. Ново

* * *

В августе 1986 г. автор заметки (рантка Ленинградской консерватории Н. А. Римского-Корсакова) проделал сбор полевого материала по теме «Народное многоголосие нагайбаков (тагаташен Южного Урала)». Записи музыкального фольклора нагайбаков проводились ежегодно с 1981 года по согласованию с Управлением культуры Челябинской области. Они включены в программу мероприятий по подготовке и проведению 60-летнего юбилея образования Нагайбакского района.

Записи песен осуществлялись в Париже (1981, 1983 гг.), Кассель (1986 г.), Остроленка (1984 г.), Фершампенуаз (1986 г.). Сделаны они отрывками от исполнителей двух возрастных групп: 60-летней (Париж, Остроленка) и 40—60 летней (Париж, Фершампенуаз). Цель экспедиции — фиксация песенного многоголосия нагайбаков в различных жанровых, стилевых, временных формах. Используемый в связи с этим метод многомикрофонной записи (записи ансамблевых составов по 6—8 исполнителей) нагайбакского песенного фольклора был осуществлен впервые. Для выявления типов многоголосия нагайбаков традиционными нагайбакскими песнями были зафиксированы бытующие у нагайбаков общетатарские, а также казачьи песни. Всего от 32-х исполнителей сделано 98 магнитофонных записей (вместе с вариантами).

Музыкальная культура нагайбаков представляет значительный интерес как из самобытных и глубоко своеобразных пластов татарского фольклора. Отрывок нагайбаков от основной массы татар, отрыв от них в течение последних веков, иной социальный статус

чий быт способствовали формированию специфических особенностей в их песенном наследии.

Основную часть традиционного репертуара нагайбаков составляют казачьи песни-проводы (*казак озату*) и лирические песни, тесно связанные с темой разлуки, расставания, встречи (*курушу жыр, сагыну жыр*).

Были зафиксированы также песенные жанры семейно-обрядового цикла: гостевые (*мэжлес, кюе*), свадебные (*туйкюе*), похоронные (*зыярат кюе*). Большую группу составили напевы неприуроченных песенных жанров: *баиты* (песни-сказания), *такмаки* (песни типа частушек), *озын кюй* (протяжные лирические песни). Поиски календарных напевов (хорошо сохранившихся в различных песенных стилях татар-кряшен Среднего Поволжья) не дали результатов. О существовании их в прошлом свидетельствуют данные этнографической литературы о нагайбаках, а также сообщения исполнительниц преклонного возраста.

В группе неприуроченных напевов наиболее отчетливо проявились многослойность музыкальной культуры нагайбаков, взаимосвязи их песенного творчества с инонациональным фольклором. Материалы экспедиций показывают значительную роль в активном репертуаре исполнителей воз-

растной группы 40—60 лет трансформированных вариантов русских напевов. Особый интерес в музыкальном творчестве нагайбаков представляют общетатарские песни, которые в многоголосном нагайбакском распеве приобрели новую окраску, специфический колорит.

В октябре 1986 г. исполнилось 90 лет со дня выхода первой и единственной пока работы, специально посвященной музыкальному творчеству нагайбаков¹.

Повторные записи, произведенные вслед за С. Г. Рыбаковым после такого продолжительного перерыва, дают возможность углубленного изучения исторического развития песенной культуры нагайбаков, ее эволюции, а также являются необходимой основой для объективной оценки того вклада, который внес первый исследователь в изучение народной музыки татар-кряшен Южного Урала.

Материалы экспедиций (магнитофонные пленки, нотные расшифровки и фотографии исполнителей) поступят в фонды Нагайбакского историко-краеведческого музея и будут использованы в его работе по пропаганде и сохранению богатых местных песенных традиций.

Р. А. Имамеева

¹ *Рыбаков С. Г.* Русские влияния в музыкальном творчестве нагайбаков — крещенных татар Оренбургской губернии. СПб., 1897.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «НАРОДНЫХ РУССКИХ СКАЗОК» А. Н. АФАНАСЬЕВА¹

«Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева — фольклорный памятник «не только национального, но и мирового значения, сыгравший выдающуюся роль в развитии русской культуры и не утративший своей художественной и научной ценности в наше время», — такими словами заканчивают очерк о жизни и научной деятельности А. Н. Афанасьева Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков, подготовившие седьмое издание классического свода русских народных сказок. С момента первой публикации сказок А. Н. Афанасьева (1855—1863 гг.) прошло более 120 лет. Десятки и сотни сборники сказок появились с тех пор, но собрание Афанасьева до сих пор не знает себе равных и по научной значимости, и по объему включенных в него материалов. Нужно надеяться, что когда-нибудь оно послужит основой для создания более совершенной антологии, которая обретет национальное значение. Но и в таком случае историческое значение сборника Афанасьева, несомненно, сохранится как одного из замечательнейших памятников истории русской культуры. На сегодняшний день именно последнее издание сказок А. Н. Афанасьева в большей мере, чем все предыдущие, отвечает современным фольклористическим представлениям об издании критического типа.

Каждая новая публикация афанасьевского собрания сопровождалась какими-то дополнениями и уточнениями. Особенно выгодно в этом отношении отличается первое советское издание², где увидели свет сказки, изъятые в свое время цензурой. В текст собрания из раздела «Дополнения» были внесены лубочные сказки, сохранившиеся в рукописных сборниках XVII и первой половины XVIII столетия, сказочные тексты были впервые сверены с рукописями. Большой заслугой этого издания было и обнаружение 45 номеров сказок из женеваского сборника «Заветные сказки», который по цензурным условиям в России не появился, но широко вошел в обиход международной науки о фольклоре. В состав этого сборника были включены, с одной стороны, «сказки эротические, с другой — сказки, неприемлемые для царской цензуры по соображениям социально-политического характера»³. Последняя группа сказок вошла в пятое издание (1936—1940 гг.) полностью, из первой группы — с некоторыми сокращениями: было включено только несколько текстов. В комментариях к пятому и в примечаниях к шестому⁴ изданиям были учтены рукописные источники сказок. Новое, седьмое издание существенно дополнено архивными материалами ВГО: в примечаниях здесь впервые публикуется 17 не учтенных ранее сказочных текстов и 12 анекдотов. Значительно увеличено Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым и число текстов, перепечатанных из сборника «Русские заветные сказки»; на основе тщательного исследования внесены дополнения и исправления в тексты. В третьем томе нового издания собраны все предисловия А. Н. Афанасьева к его «Народным русским сказкам» — к первому и чет

¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I—III. М., 1984—1985. С. 511—463+495. Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. Отв. редакторы Э. В. Писманова, К. В. Чистов.

² Афанасьев А. Н. Народные русские сказки/Под ред. Азадовского М. К., Андреева Н. П., Соколова Ю. М. Л., 1936. Т. I; 1938—1940. Т. II—III.

³ Там же. Т. I. С. VI.

⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т./Подгот. текста, предисл. примеч. Проппа В. Я. Т. 1—3. М., 1957.

вертому выпуску первого издания, к примечаниям второго выпуска первого издания, а также публикуется заметка Афанасьева о сказке «Еруслан Лазаревич».

Помимо новых по сравнению с предыдущими публикациями материалов, включенных в седьмое издание, составители вносят множество уточняющих и конкретизирующих моментов и в эдичионные принципы и в материалы, связанные с биографией А. Н. Афанасьева.

Новое издание «Народных русских сказок» прекрасно иллюстрировано материалами из фондов Музея народного искусства в Москве, Государственного исторического музея, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Государственного музея этнографии народов СССР, Музея игрушки в Загорске и т. д. В иллюстрациях представлена резьба по дереву, скопинская керамика, изразцы с изображением птиц и животных, вятские, филимоновские и сергиево-посадские игрушки, народная вышивка (в том числе и последней четверти XV в.), прялки и пряничные доски, рисунки к русским сказкам А. М. Куркина и художников Палехской школы, лубки из собрания Д. Ровинского. Воспроизводятся и лубочные сказки с картинками. Иллюстрации так удачно и с таким вкусом подобраны, так органичны, что, безусловно, должны быть отмечены как одно из достоинств настоящего издания.

«Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, подготовленные Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым, как и два предыдущих издания, снабжены необходимыми указателями — сюжетных типов сказок по «Сравнительному указателю сюжетов», изданному теми же авторами⁵, имен и предметов, а также алфавитным указателем сказок по их названиям. Указатель собирателей отсутствует, очевидно, в силу того, что значительная часть текстов не паспортизирована — прежде всего многие материалы рукописного собрания РГО, которые составляют приблизительно треть общего объема материала сборника А. Н. Афанасьева, значительная часть сказок, переданных А. Н. Афанасьеву В. И. Далем (около 1000 текстов), приблизительно двести из них — опубликованы. И в то же самое время здесь есть записи самого А. Н. Афанасьева, правда, весьма немногочисленные, сделанные им на своей родине в Воронежской губернии (Бобровский уезд) и целого ряда известных и малоизвестных собирателей. Корреспондентами А. Н. Афанасьева были люди разных профессий и разного культурного уровня: это и волостной писарь О. Л. Волкондин и сотрудник РГО Мясоедов, учителя приходского училища Г. Островский и Н. И. Второв, монах Макарий (кстати, член-сотрудник РГО), поэт Н. М. Языков и писатель И. И. Лажечников... Имена, оставившие значительный след в русской культуре, как пользующиеся известностью до сих пор, так и давно забытые.

Указатель собирателей, на наш взгляд, был бы полезен, так как он несомненно показал бы широту вовлеченных в собирательскую деятельность лиц и их состав. Кроме того, он привлек бы внимание исследователей к разному качеству записей, он нацелил бы фольклористов на поиски записей сказок в архивах отдельных собирателей. И наконец, указатель собирателей был бы важен для изучения творчества таких видных деятелей русской культуры, как В. И. Даль, П. И. Якушкин, Н. М. Языков, И. И. Лажечников и др.

Издание полученных А. Н. Афанасьевым сказок сразу было задумано как издание «ученое»⁶, «по образцу издания братьев Гримм», с примечаниями по текстологии и мифологии, с показом аналогий публикуемых сказок с немецкими (по гриммовскому сборнику сказок), со сличением там, где позволяет материал, сказок с народными песнями. Громадное количество текстов сказок, оказавшихся в руках А. Н. Афанасьева, требовало систематизации. Однако Афанасьев не стал дожидаться, пока весь материал будет исчерпан и можно будет приступить к его классификации, а начал издавать сказки выпусками, по мере поступления текстов. Принятый порядок печатания имел лишь одно, но неоспоримое преимущество — он «не давал залежаться сказочным материалам в рукописи»⁷, что было понято должным образом и оценено Ф. И. Буслаевым. Отказ А. Н. Афанасьева в первом издании от определенной системы внутри каждого выпуска

⁵ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Барга Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Отв. ред. Чистов К. В. Л., 1979. В шестом издании, в примечаниях к III тому был дан указатель сюжетов, дополненный ссылками на сказочные варианты, ставшие известными после выхода в свет Указателя Н. П. Андреева.

⁶ Труд А. Н. Афанасьева «является у нас первым сборником народных сказок, принятым сообразно с требованиями науки». См.: Пыпин А. Н. О русских народных сказках. Статья первая//Отечественные записки. 1855. № 12. Отд. 4. С. 45.

⁷ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки... 1984. С. 409.

вызвал бурю негодования⁸. Однако только когда весь основной материал был опубликован, А. Н. Афанасьев смог систематизировать его: сначала сказки о животных, затем волшебные, затем новеллистические, сатирические и анекдоты. Казалось бы, дана незамысловатая и не безупречная классификация сказок. Но тем не менее «оказала влияние на все дальнейшее исследование сказок и на практику их публикаций. Несмотря на свою недостаточную полноту, эта классификация используется в науке до сих пор»⁹.

Справочный аппарат издания был и остается его неотъемлемой частью. Сравнительный комментарий к первому советскому изданию сказок А. Н. Афанасьева¹⁰ с комментарием в рецензируемом издании показал, что он в своей основе построен по той же схеме: перечень вариантов по указателям Андреева — Аарне, Аарне — Томпсона, Боте — Поливки и т. д., данные о степени распространенности комментируемого сюжета в мировом фольклоре и в мировой литературе, указаны важнейшие случаи литературной обработки сюжета, дана характеристика каждого конкретного варианта, а там, где необходимо, сведения о цензурных изъятиях и стилистической правке, которую подвергал текст Афанасьев. Но в то же самое время комментарий рецензируемого издания при сохранении основных моментов прежнего комментария построен более компактно, он удобнее в обращении и имеет существенные дополнения разного рода. В нем отсутствуют преамбулы к группам близких сюжетов, которые подчас искусственно связывали объединенные в ней сказки, игнорировали также такое существенное явление, как сюжетные контаминации. Так, например, сюжеты «Горе» и «Две доли» (№ 303—304) объединялись в изданиях 1936—1940 гг., предлагался единый комментарий. Л. Г. Барг и Н. В. Новиков выделили их как самостоятельные сказки, отметили при этом, что сюжетная контаминация достаточно часто встречается именно на восточнославянском материале. В Восточной Европе сказка «Две доли» бытует, как правило, совершенно самостоятельно, что характерно также для одноименных сказок многих восточнославянских народов Советского Союза.

Необходимо отметить в целом очень полный и тщательно выверенный библиографический аппарат, которым снабжены комментарии в последнем издании (широко известны не только славянские, но и европейские работы по сказке). В ряде случаев там, где есть научно обоснованные данные, указываются истоки сюжета, даются очень ценные сведения о разном происхождении восточнославянских и западноевропейских вариантов, представлены наиболее существенные мировые литературные параллели. Л. Г. Барг и Н. В. Новиков учитывают также данные о первых европейских публикациях сюжета, о литературных обработках или лубочных переделках сюжета, о различных вариантах сказки или о книжном влиянии на народную сказку и т. д.

Итак, новый комментарий оказался более гибким. Лишенный искусственных ограничений, он сразу нацеливает читателя на необходимые сведения, касающиеся каждого конкретного варианта. На основе нового восточнославянского «Указателя» оказалось возможным значительно полнее показать и степень распространенности того или иного варианта в мировом фольклоре с точным определением числа опубликованных вариантов, записанных у восточнославянских народов. Большая работа проделана составителями и по уточнению паспортных данных отдельных сюжетов.

Точность публикации фольклорного текста — главный научный принцип, который непременно должен лежать в основе любого фольклорного издания. При переиздании классических сборников неоценимую услугу могут оказать сохранившиеся в архивах рукописи. Впервые сличение печатных текстов сказок афанасьевского собрания с архивными материалами, рукописями и частично сохранившимися корректурами, хранящимися в архиве РГО, было осуществлено М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым и Ю. М. Соколовым при подготовке издания «Народных русских сказок» 1936—1940 гг. Обращение к первоисточникам существенно скорректировало издававшиеся ранее сказочные тексты: были выявлены случайные пропуски и сознательные изъятия и искажения, показан характер редакторской стилизации, коснувшейся части сказочных текстов.

⁸ Уточненный и дополненный список рецензий на сборник Афанасьева см. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки... 1984. Т. I. С. 413.

⁹ Померанцева Э. В. А. Н. Афанасьев и братья Гримм // Сов. этнография. 1981. № 6. С. 89.

¹⁰ В издании: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки..., 1957 — комментарий минимальный.

Некоторые очевидные искажения подлинного народного текста сказки в ряде случаев были связаны с цензурными запретами. На вынужденные изменения текста, на которые А. Н. Афанасьеву приходилось идти по цензурным соображениям, он неоднократно жаловался в письмах к друзьям. Четыре первых выпуска «Народных русских сказок» обошлись без особой цензурной правки, но пятый и шестой выпуски сильно пострадали. «Только на днях,— писал он 31 октября 1861 г. П. П. Пекарскому,— получил половину рукописи, израненную и обгавленную кровавыми чернилами. Все, что спасено, я вынужден был выбросить вовсе и затем приступил к печатанию уцелевшего»¹¹. Чрезвычайно важно было выяснить, что и по какой причине было изъято цензурой. В начале 40-х годов XX в. В. И. Чернышев обнаружил экземпляр сказок А. Н. Афанасьева из библиотеки П. А. Ефремова, в котором вместе с текстами опубликованных сказок были подшиты листы сверстанной авторской корректуры, содержащей запрещенные цензурой не только отрывки отдельных текстов, но и целые сказки¹². Результаты исследования В. И. Чернышева нашли отражение уже в издании 1936—1940 гг., где цензурные изъятия были воспроизведены частично в основном корпусе, частично в комментариях. Были сделаны также добавления к двум сказкам и вновь опубликованы три сказочных отрывка. Текстуальное сравнение одной из этих сказок («Марко Богатый») в первоначальной записи (В. Ящерова) с текстом, изданным А. Н. Афанасьевым, показало, что цензурные «очищения» сказки коснулись не только ее стилистики, но и сюжетных ходов — многие эпизоды, если следовать В. И. Чернышеву, отсутствуют вовсе. Из-за утери рукописи в РГО эти моменты теперь уже невозможны¹³. Обнаружились также серьезные отступления от подлинной записи, допущенные самим А. Н. Афанасьевым. Находки В. И. Чернышева стали известны, но не вошли, однако, отражения в основном корпусе текстов не только в первом и втором советском изданиях, но, к сожалению, и в рецензируемом издании¹⁴. Считая, что данные изменения, связанные с цензурным вмешательством, должны были бы найти отражение в основном тексте, мы, однако, не можем не признать и определенную обоснованность иной точки зрения — утрата рукописи и неполнота сведений о ней у В. И. Чернышева оставляет спорным вопрос о том, как печатать основной текст.

Но вот другой случай, когда рукопись сказки «Правда и Кривда» сохранилась, и здесь редакторы уже первого советского издания имели, кажется, безоговорочное право восстановить убранный в свое время цензурой социально заостренный эпизод: четыре строки о правде, которой жить трудно, за которую можно и в Сибирь угодить. Впервые об этом писал тот же В. И. Чернышев. Сличение печатного текста с оригиналом (Архив ВГО, р. XIV, оп. 1, № 3, л. 8—13 об.) показало, что опубликованный текст сказки имеет не только пропуски, связанные с вмешательством цензуры, но и целый ряд разночтений. В этом случае вопрос о том, что же следует считать основным текстом, связан был с научной позицией ученых, готовивших издание 1936—1940 гг.¹⁵

В «Дополнениях» к данной сказке В. И. Чернышев воспроизводит текст рукописи, выделяя курсивом пропущенные или измененные части текста. Сравнение приведенного отрывка сказки, выправленного В. И. Чернышевым, с идентичным текстом в рецензируемом издании, тоже сличенного с первоисточником, показало возможность разного прочтения рукописи, выявило определенные расхождения не только в написании слов, но и в появлении или пропуске отдельных слов. Составителям нового издания следовало, вероятно, специально заострить внимание читателя на точности воспроизведения ими рукописного текста, а все, даже самые незначительные отступления специально оговорить. Особого пояснения требуют несовпадения в прочтении рукописного текста с текстом Чернышева. Явная же фонетическая нивелировка текстов в издании 1984 г. является безусловным отступлением от оригинала и вряд ли обоснована. Сказки собрания Афанасьева (особенно те, которые не имеют рукописного источника), очевидно, «могут вполне удовлетворить исследователя, изучающего репертуар определен-

¹¹ Письма А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому/Публ. Власовой З. И./Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 75.

¹² Чернышев В. И. Цензурные изъятия из «Народных русских сказок» Афанасьева// Советский фольклор. 1935. № 2, 3.

¹³ К моменту подготовки пятого издания сказок А. Н. Афанасьева рукописи в РГО не оказалось, а потому правка текста сказки «Марко Богатый» Чернышевым по подлиннику — это единственный источник, которому мы можем доверять.

¹⁴ Этот отрывок с указанием всех разночтений воспроизводится в комментарии издания 1936—1940 гг. Последнее издание дает ссылку на этот комментарий.

¹⁵ Эдиционные принципы оговорены в заметке от редакции в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. 1936. Т. I. С. V—VIII.

ной местности или же структуру какого-либо сюжета, но эти же записи не годятся для изучения сказочных формул, типических мест, поэтики и т. д.»¹⁶.

О том, что А. Н. Афанасьев вносил существенные изменения в публикуемые тексты, говорили многие специалисты. В. И. Чернышев предупреждал, что к некоторым текстам из сборника Афанасьева следует относиться с осторожностью. То же отмечено в комментариях и редакторы издания 1936—1940 гг. На основании текстологической работы, которая была проделана М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым и Ю. М. Словым. Э. В. Померанцева сделала вывод о том, что именно «стилистическая противоречивость, характерная для собрания А. Н. Афанасьева», лишний раз доказывает, как бережно Афанасьев обращался с текстом публикуемых сказок. Стихотворения подвергались лишь те тексты, которые «производили впечатление чересчур литературных», Афанасьев «очищал их от деепричастных и причастных оборотов, не свойственных народному языку, от слишком книжных выражений»¹⁷. И все же повторное обращение к рукописям сказок Афанасьева Н. В. Новикова и Л. Г. Барага выявило еще чительно более глубокие расхождения печатного текста с оригиналом. Были отмечены весьма серьезные стилистические изменения, совсем не учтенные в предыдущих изданиях (например, II, № 218, с. 413) или дополнившие прежние сведения (I, № 39, с. 40 и др.

Как показали исследования, цензурное вмешательство было не столь уж ощутимо и оно нанесло меньший вред первоначальному тексту (хотя бы потому, что оказавшийся легким для восстановления), чем вмешательство в текст редактора, во многих случаях переделавшего текст¹⁸. Вместе с тем нужно отдать должное Афанасьеву. Для своего времени он стоял на куда более прогрессивных позициях в понимании значения подлинности текста сказки в народной записи, чем его современники, в том числе и братья Гримм. Высоко ценя мнение Пыпина¹⁹, Афанасьев тем не менее не принял его совет сводить варианты в единый составной текст²⁰. Последовательное соблюдение принципа бережного отношения к классическому собранию заключается, по-видимому, в абсолютно точном переиздании текста 1873 г., когда никакие привнесения в текст изъятия недопустимы, или же за основу берется рукописный текст (там, где есть разночтение), он и рассматривается как основной, а все отступления от подлинного оговариваются в примечаниях. В издании 1936—1940 гг. при всей грандиозности проделанной работы (в еще большей степени это относится к редкому изданию) все же единство и чистота принципа подачи текста не сохранены полностью. Так, в основном корпусе тексты сказок публикуются по изданию 1873 г.: сказки из сборника «Заветные сказки» даются по подлинной рукописи. Далее, ряд законченных текстов, которые Афанасьев вносил в подстрочные примечания, варианты, были перенесены редакторами первого советского издания в основной текст, а в примечаниях остались лишь отрывки. Неопубликованный материал, который какой-то неустановленной причине не попал в основное собрание Афанасьева, не был включен в основной корпус текстов. Совершенно были изъяты из издания те примечания, которые в научном отношении примечания А. Н. Афанасьева к текстам, в которых он стремился раскрыть мифологическое содержание сказок. Цензурные изъятия частично были восстановлены в основном тексте, частично же остались в комментариях и т. д.

Нужно сказать, что все включения и выключения, сделанные в основном тексте, были, как правило, по-своему оправданы, логичны и справедливы, все они имели научное объяснение, но тем не менее не до конца выдержаны, а подчас и произвольны. Устаревшие мифологические примечания Афанасьева, например, исключались как не отвечающие уровню современной науки, но устаревший принцип подачи текста был

¹⁶ Иванова Т. Г. Фольклор в изданиях последних лет // Русская литература. 1965. № 2. С. 219.

¹⁷ Померанцева Э. В. Указ. раб. С. 89.

¹⁸ Возможно, исправления в тексте вносились Афанасьевым дополнительно без влияния требований Пыпина, утверждавшего, что «нет нужды соблюдать народное произношение до мелочей, как делает г. Афанасьев». См.: Пыпин А. Н. О русских народных сказках..., С. 50.

¹⁹ «По поводу издания моего „Сказок“ я уже довольно начитался разных статей, основанных на совершенном незнакомстве с этими вопросами и трудами немецких ученых. Можно и должно исключить только статьи Пыпина, действительно прекрасные». См.: Из писем А. Н. Афанасьева к М. Ф. Де-Пуле // Публ. Эльзона М. Д. История русской фольклористики. Л., 1978. С. 87.

²⁰ «Пример лучших современных исследований народной словесности, — писал Пыпин, — показывает, что единственное средство составить верный текст народного произведения — собрать как можно более его списков». См.: Пыпин А. Н. Там же. С. 50.

вался прежним. От издания к изданию сохранялась инерция подачи текста, сплошь и рядом критикуемого и воспроизведенного во всех формах его отступлений от оригинала в примечаниях. Этот принцип, в основе которого лежит публикация всех текстов по изданию 1873 г., последователен лишь с одной стороны — все включенные в основное собрание Афанасьева сказочные тексты внешне в значительной степени нивелированы, что делает издание стилизованно выдержанным. Кроме того, именно в таком виде они вошли в историю русской культуры. На самом же деле это противоречит характеру составляющих сказочный свод материалов: не могут звучать однотипно сказки, записанные со слов самыми разными собирателями, с разными принципами подходившими к записи текста, а также тексты, имеющие книжный или лубочный источник, взятые из рукописи XVII в., и т. д. Сказки же, имеющие рукописный источник, непременно должны быть восстановлены как подлинно научные записи. Даже с технической точки зрения помещение разночтений печатного текста и рукописи в примечаниях часто невыгодно, так как они иногда превосходят в несколько раз основной текст. Есть случаи, когда «ввиду изобилия стилистических изменений, внесенных Афанасьевым в текст, последний воспроизводится *полностью* по рукописи в комментариях» (I, 1936, № 57, с. 542—543). Сличение с первоисточником показало, что отступления от подлинника касаются не только стилистики, но и серьезных смысловых моментов. Например, в сказке «Три копейки» (II, 1984, № 217) Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым отмечены в комментарии случаи произвольного изложения больших кусков текста, вплоть до придуманной Афанасьевым заключительной формулы, которой нет в рукописи. Если измененные цензурой строки исправляются в основном тексте, то почему же столь значительные смысловые изменения, искажающие народную запись, находят свое отражение только в комментариях, а не в корпусе тома?

Сличение печатного текста и рукописей позволило выяснить неизвестные ранее обстоятельства, связанные с работой А. Н. Афанасьева как издателя. Это касается очень многих текстов (см., например, комментарии к № 131, 186, 217 и др. в издании 1984—1985 гг.).

Далее, последовательная, целенаправленная сверка печатных текстов с рукописными позволила Л. Г. Барагу и Н. В. Новикову опровергнуть ранее существовавшее мнение о сознательном ослаблении А. Н. Афанасьевым «социальных мотивов в процессе правки отдельных записей сказок» (I, 1984, с. 434, речь идет о № 28, 107, 274 и др.).

К сожалению, составители не использовали всех возможностей для атрибутирования записей с пометами «очевидно», «вероятно» и др. (Афанасьев, Якушкин и др.). Так, после выхода в свет «Собрания народных песен П. В. Киреевского (Записи П. И. Якушкина)»²¹ оказалась возможна документированная атрибуция сказок, переданных Афанасьеву Якушкиным. В комментариях Л. Г. Барага и Н. В. Новикова, так же как и в предыдущих советских изданиях, указано, что сказка «Доброе слово» записана в Раненбургском уезде Рязанской губернии П. И. Якушкиным. Рукопись сказки Якушкина была долгое время неизвестна и лишь сравнительно недавно обнаружена З. И. Власовой (ГБЛ, ф. 125, л. 1084, 1092). Этот первоисточник и должен был бы рассматриваться как основной, тем более, что текст в рукописи существенно расходится с афанасьевским. Вот пример начала сказки в рукописи Якушкина: «Жил купец богатый, умер. Остав(ил) сына. Тот пропил все, осталось одно платье. Ходит он по торгу, собой-ту видной... На ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками»²². Тот же отрывок сказки в издании 1985 г.: «Жил-был купец богатый, умер, оставался у него сын Иван Бессчастный; пропил он, промотал все богатство и пошел искать работы. Ходит он по торгу, собой-то видный; на ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками»²³.

Таким образом, составители не воспользовались открывшейся возможностью уточнения текста.

Уже после выхода в свет рецензируемого издания сказок Афанасьева был дополнительно атрибутирован еще один текст — и снова в записи П. И. Якушкина. На основании опубликованного З. И. Власовой материала Т. Г. Иванова сличила якушкинский

²¹ Собрание народных песен П. И. Киреевского (Записи П. И. Якушкина)/Подгот. текстов, вступит. статья и коммент. Власовой З. И. Т. 1. Л., 1983.

²² Там же. С. 279. № 8.

²³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 3. 1985. С. 24. № 332.

текст (№ 473) с вариантом в сборнике Афанасьева (№ 220). Это сравнение пока с одной стороны, безусловное единство этих текстов, а с другой — их серьезного хождения в отдельных фрагментах: введение А. Н. Афанасьевым отсутствующую подлиннику диалогов, свободный пересказ, замена слов и выражений и т. д.

Громадная и плодотворная текстологическая работа, проделанная В. И. Чешевым, М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым, Ю. М. Соколовым, Л. Г. Барановым, Н. В. Новиковым по разысканию источников и атрибуции многих сказочных текстов собрания Афанасьева, продолжается. Она, по-видимому, не сулит уже больших новых открытий, но обращение к архивам отдельных собирателей, возможно, все-таки выявит новые первоисточники сказок, вошедших в собрание А. Н. Афанасьева, занимающего одно из первых мест среди художественного наследия старой русской фольклористики.

В. И. Еремеев

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Х. Ловмянский. Русь и норманны. Пер. с польского/Под ред. Пашуто В. Т., на В. Л., Мельниковой Е. А. М.: Прогресс, 1985. 304 с.

Книга известного польского медиевиста академика Х. Ловмянского, с переводом которой ныне получили возможность ознакомиться советские читатели, вышла на свет оригинала в 1957 г. За прошедшие три десятилетия изучение рассматриваемых в ней проблем не стояло на месте. Не все положения автора сохранили свое значение до сегодняшнего дня, но, по выражению самого Х. Ловмянского, приведенному в предисловии В. Т. Пашуто, гипотеза, даже опровергнутая, как солдат, павший в бою за правое дело, «гибнет не напрасно, служа выяснению научной истины» (с. 11). Основные выводы рецензируемого труда выдержали проверку временем.

Работа Х. Ловмянского — первое в зарубежной медиевистике комплексное исследование, освещающее с марксистских позиций проблему генезиса славянских государств. Оно основывается на анализе лингвистических, этнографических, археологических письменных источников с привлечением сравнительно-исторических данных по англосаксам, германским народам и народам Прибалтики.

Ценность работы польского историка заключается прежде всего в том, что он один из первых в зарубежной медиевистике подчеркнул решающую роль внутренних социально-экономических факторов в генезисе славянских государств, в частности Польского и Древнерусского.

На примере образования Польского государства Х. Ловмянский убедительно отвергает созданные реакционной немецкой историографией тенденциозные легенды о норманнах как решающей силе в этом процессе. Он показывает, что ни письменные источники, ни археологические данные не свидетельствуют о сколько-нибудь значительном присутствии норманнского элемента на территории Полонии в составе господствующего класса в раннем средневековье. Главное же место в книге занято полемикой с концепцией норманнского завоевания восточных славян.

Х. Ловмянский одним из первых среди антинорманистов выдвинул тезис об ассимиляции норманнов на Руси славянами. В качестве доказательства «далеко зашедшей ассимиляции пришлого скандинавского элемента в русской среде» (с. 108) он приводит археологические находки захоронений в Гнездове, Ярославском Поволжье, Кирилловке и Чернигове, в разной степени содержащих следы скандинавского влияния. Как и подчеркивается в примечаниях к основному тексту книги, составленных В. Я. Петрухиным при участии Е. А. Мельниковой, новейшие исследования показали, что связываемые великокняжескими дружинниками камерные гробницы «типологически и генетически близки к скандинавским, но имеют отличия в конструкции... что свидетельствует о самостоятельном развитии этого обряда на Руси и об ассимиляции варягов» (с. 109). Отметим также, что исследования советскими археологами Гнездовских дружинных курганов показали, что во второй половине X в. обряд трупосожжения в ладе из негнетического (присущего норманнам) превращается в социальный, характерный для княжеской знати, вне зависимости от ее племенного происхождения, и исчезает к началу XI в. Это также свидетельствует о постепенной ассимиляции варягов¹. Норманны на Руси, по мнению автора, выступали в процессе государствообразования в качестве внутреннего, и притом не главного фактора, при преобладающем этнокультурном влиянии восточнославянской среды. Как показывает Х. Ловмянский, варяги, оставшиеся на Руси на протяжении нескольких поколений, вливались в состав древнерусского правящего класса (см. гл. VI — «Скандинавы в составе господствующего класса Руси»). Они активно осваивали язык восточных славян, что подтверждается именами

¹ См. Булкин В. А. Большие курганы Гнездовского могильника//Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. XX. С. 143—145.

ованнем славянских имен уже во втором-третьем поколениях норманнов и значительным числом восточнославянских заимствований в древнешведском языке, сопоставимом с количеством скандинавских заимствований в древнерусском, а также сообщениями скандинавских саг об изучении викингами языка восточных славян².

Новейшие исследования помогли скорректировать некоторые положения рецензируемой книги. Их результаты весьма полно представлены в уже упомянутых примечаниях к советскому изданию, в предисловии В. Т. Пашуто и в послесловии Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина. Они, в частности, отмечают, что нуждается в пересмотре истинная Х. Ловмянским точка зрения, согласно которой название Русь у восточных славян первоначально было географическим понятием и имело южное, придунайское происхождение (с. 191). Данные лингвистики, как подчеркивается в комментариях к рецензируемой книге, говорят о том, что наиболее вероятен переход от древнескандинавского *roth(e)R* к финскому *Ruotsi* и древнерусскому *русь*, причем слово *roth(e)R* имеет комплекс значений: «гребля, весло, плавание на гребных судах, гребцы, участники похода на гребных судах» (с. 279). Это согласуется с археологическими данными о финской субстратной среде взаимодействия восточных славян и скандинавов. *Ruotsi* — это слово, которым финны и воспринявшие его от них в форме *русь* прильменские славяне называли участников ледунга — военного похода на ладьях. Описание подобного похода можно встретить у Константина Багрянородного, а его археологическим отражением является скандинавское происхождение захоронение в ладье³. Таким образом, можно заключить, что название *ruotsi* (*русь*) было не самоназванием, а финно-славянским экзоэтнонимом определенной профессиональной группы. В этой связи отметим, что первоначально экзоэтнонимами являлись и такие названия, как «франки» и «болгары». Первое было дано романским населением Галлии, пришедшим на его территорию германским племенам; второе — славянами на Балканах юрским племенам, вторгшимся на полуостров. Как подчеркивает Х. Ловмянский, скандинавская этимология названия *русь* «не свидетельствует как таковая о решающей роли норманнов» в процессе государствообразования у восточных славян (с. 164).

После прихода к власти скандинавской династии на северо-западе, а потом в Киеве это название обозначало определенную социальную группу, потом стало политонимом, а позднее — этнонимом формирующейся древнерусской народности. С этой концепцией согласуется положение о том, что в географическом смысле название Русь первоначально имело широкое значение. Д. С. Лихачев подчеркивает, что единство Русской земли» воплощало единство княжеского рода и древнерусского языка»⁴. Род» и «Земля» слиты, а поэтому «центр „Русской земли“ по преимуществу там, где идет старейший в княжеском роде, к которому устремляются властолюбивые надежды каждого члена княжеского рода, т. е. Киев. Отсюда ошибка историков, и в частности М. Н. Тихомирова и его предшественников, которые отождествляли центр Русской земли» с „Русской землей“ вообще».

Что же касается вопроса о том, пришли ли Рюрик и Олег на княжеский престол о соглашении («ряду») с верхушкой местных славянских племен, как о том гласит легенда о призвании варягов, или захватили власть силой, то здесь мнения антиорнаментов расходятся. Сам Х. Ловмянский, как и В. Т. Пашуто, склонен считать реальным, что скандинавская династия была призвана мирным путем. Многие советские исследователи, в том числе Б. А. Рыбаков и М. А. Алпатов, полагают, что позднейшей легендой хотели только прикрыть имевшее место завоевание. М. А. Алпатов указывает, например, что «норманнов и в самом деле никто и нигде не приглашал — они являлись ими. Их вторжения на берега Волхова и Днепра ничем не отличались от таких же военных акций в других странах — в Англии, Франции (Нормандия), Италии (Королевство обеих Сицилий)»⁵. В своей книге Х. Ловмянский справедливо подчеркивает важную роль норманнов в Западной и Восточной Европе, связанную с тем, что на западе была более или менее широкая норманнская крестьянская колонизация, а на востоке она практически отсутствовала. На современном уровне науки, когда о политических отношениях скандинавов и восточных славян мы знаем только из скудных летописных известий, нельзя судить, было ли в действительности мирное призвание юрика, да и любое решение этого вопроса не меняет принципиального характера русско-варяжских этнических отношений. Если можно признать факт захвата «находками-варягами» земель прильменских славян, то уже захват Киева Олегом нельзя отнести к варяжскому набегу, поскольку в его войске были и славяне — новгородцы и привичи. Да и на северо-западе, как и в Киеве, скандинавская династия с немногочисленной дружиной смогла удержаться только потому, что ее политика отвечала интересам верхушки восточнославянского общества. Норманны и восточные славяне жили примерно на одинаковом уровне общественного развития. Поэтому совершенно

² См. Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке. Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М., 1984. С. 65—67.

³ См.: Петрухин В. Я. О начальных этапах формирования древнерусской народности в свете данных погребального обряда//Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов. М., 1985. С. 63—64. том, что скандинавское происхождение этнонима *русь* согласуется с ономастикой евро-западной окраины восточнославянского ареала и является обоснованной с историко-филологической точки зрения, см. Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 216—218.

⁴ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 356.

⁵ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. С. 18.

справедливой представляется высказанная Х. Ловмянским и развитая авторами мысль о том, что периодизацию русско-скандинавских отношений надо проводить с точки зрения феодализации древнерусского и скандинавских обществ. Х. Ловмянский выделял конец X в. как рубеж, когда скандинавский элемент ассимилировался преимущественно славянским правящим классом, а «русские князья», особенно родовые, «охотно прибегают к помощи варяжских отрядов» (с. 229).

В свете современных данных археологии и письменных источников авторы ментария предлагают следующую периодизацию русско-скандинавских отношений раннего средневековья. На первом этапе — до середины IX в. — эти связи развивались в условиях формирования раннесредневековых народностей в обоих регионах, объединения племенных конфедераций как этнических, территориальных и политических структур и в процессе славянской колонизации финских земель, куда проникали лишь небольшие группы скандинавов. На втором этапе — вторая половина IX — первая половина X в. — в условиях ускорения феодализации восточнославянского общества норманны участвуют в социально-экономических процессах, приведших к формированию Древнерусского государства. На третьем этапе — середина — конец X в. — в условиях консолидации Древнерусского государства и дальнейшего развития государства в Скандинавии выделяется феодализирующаяся знать, противостоящая племенной хушке аристократии. Норманны быстро ассимилируются в славянской среде, а с их участием в военной и политической жизни государства. На четвертом этапе — конец X — первая половина XI в. — русско-скандинавские отношения стали в основном межгосударственными, а роль скандинавов во внутренних социально-политических процессах Древней Руси упала (с. 242—243). Отметим, что свидетельство о существовании в первой половине X в. в составе формирующегося правящего класса Древнерусского государства значительных групп не полностью ассимилированных выходцев из Скандинавии является сообщение Константина Багрянородного о руссах (русских, скандинавских) названиях днепровских порогов.

В целом книга Х. Ловмянского и комментарии к ее русскому переводу дают хорошее представление о современном состоянии и дальнейших путях исследования проблемы русско-скандинавских связей в раннем средневековье. В ней подчеркивается, что «не Киев обязан норманнам началом своей государственной организации, норманны благодаря развитию государственного устройства на Руси... нашли условия участия в этом процессе» (с. 153). Х. Ловмянский, таким образом, одним из поставивших проблему взаимодействия внутренних и внешних факторов в процессе формирования государства у славянских народов. Дальнейшие исследования призваны выявить особенности этнодемографической ситуации на Руси в IX—XI вв. и формирования древнерусской народности, в которой слились помимо основного славянского также скандинавский, балтский, финский и тюркский компоненты, причем норманны выступали здесь как сила, стоящая над старыми родоплеменными объединениями.

Книга Х. Ловмянского остается одним из наиболее фундаментальных критических сводов данных по «варяжскому вопросу».

Б. В. Соколов

Der Wandel der Dörfer und Städte und die gegenseitige Beeinflussung in der Zeit des Ersten Weltkriegs//Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimetuksia, № 187. Helsinki, 1947 S.

Сборник «Развитие и взаимодействие культуры города и деревни в период первой мировой войны» представляет собой публикацию докладов советского этнографического симпозиума, состоявшегося в Москве в апреле 1983 г. Тематика рассматривалась на материалах по финно-угорским и соседним народам.

Финляндские исследователи затронули одну из важных проблем формирования городской культуры в Финляндии. М. Рясänen (Ювьяскюля) сформулировал ее в названии своей статьи: «От доиндустриального города к индустриальному. Есть ли культурная преемственность?». В старых городах Финляндии в доиндустриальный период формы культуры определялись шведским населением, занимавшим здесь преобладающее положение. С конца XIX в. в связи с быстрым развитием промышленности в города из сельской местности хлынул мощный поток финнов. Культура шведского населения, оказавшегося в меньшинстве, потеряла свою главенствующую роль, а у финских переселенцев еще не сложились собственных форм городского быта. Культурная преемственность во многих старых городах страны оказалась в этот период нарушенной.

Той же проблеме — взаимодействию образа жизни шведов и финнов в Финляндии — посвящена статья А. М. Острем (Хельсинки) «Социальная структура и социальные контакты шведоязычного населения в малом приморском городе Каске в XX в.». В конце XIX в. в Каске жили почти исключительно финляндские шведы; значительная часть их занималась рыболовством, а также сельским хозяйством, т. е. это был типичный сельский город. Приток финского населения, связанный с возникновением целлюлозных фабрик, увеличил число горожан более чем вдвое, но город остался небольшим (на 1985 г.). Малые размеры города определяют отсутствие здесь и в настоящее время «формального», «городского поведения». Языковая граница всегда разделяла шведское и финское население; она остается и сейчас ощутимой, проявляясь не только в повседневном общении, но и в общественно-политической жизни.

Этнографии русского города посвящены две статьи советских авторов М. В. Билибин (Москва) проанализировал взаимодействие города и деревни в их совместном развитии, подчеркивая, что большая часть материальной культуры средне-

города была прямо перенесена из деревни и, напротив, многие явления, которые с течением времени стали рассматриваться как чисто «деревенские», имеют городское происхождение. На обширном материале автор показал, что традиционная народная культура создается в постоянном взаимодействии города и деревни.

М. Н. Шмелева (Москва) остановилась на специфике взаимодействия русского населения города и деревни в наши дни. Быстрый рост в Советском Союзе городского населения после Великой Отечественной войны происходил в основном за счет сельских мигрантов, а это привело к ощутимому росту влияния деревенской культуры на городской быт. Правда, формы деревенской культуры к этому времени уже приблизились к городским благодаря общему культурному росту и урбанизации сельского быта, а увеличение контактов деревни с городом, обусловленных миграцией, усилило этот процесс. Особое внимание автор уделил возникающим в настоящее время и в городе, и в деревне вторичным формам народных традиций, в первую очередь связанных с различной праздничной обрядностью.

Аналогичные процессы отмечены Л. С. Христолюбовой (Устинов) на удмуртском материале («Динамика взаимодействия культур города и удмуртского села»). Удмуртское городское население формируется только при Советской власти, и на первых порах переселенцы из деревни старались принять «городской облик», рассматривая народные формы быта как некую «культурную отсталость». Однако в ходе формирования национального рабочего класса и интеллигенции, развития национальной культуры отношение горожан к культурному наследию сельского населения меняется. В настоящее время у удмуртов-горожан наблюдается оживление некоторых народных традиций; формируется отношение к ним как к положительным этническим символам.

Проблеме адаптации сельских переселенцев к условиям города (на примере Таллина) посвящена статья Э. Мясак (Таллин), сопоставившей данные конца XIX — начала XX в. и 1920—1930-х гг. На первом этапе люди, переселившиеся в город, сохраняли в своей материальной и духовной культуре много принесенных из деревни черт, хотя внешне стремились не отличаться от горожан-старожил. На втором этапе переселенцы легче осваивали городской образ жизни, что объясняется прежде всего быстрой урбанизацией сельского быта в то время.

Статья М. Я. Устиновой (Москва) посвящена современному быту большого города — Риги. Автор сопоставляет в первую очередь две основные по численности национальные группы этого города — латышей и русских. Значительную часть населения Риги составляют люди, обосновавшиеся здесь в послевоенный период. Из числа обследованных подавляющая масса рижан (98,5%) хорошо адаптировалась в городе. Они считают, что языкового барьера между латышами и русскими нет. Правда, только 16% опрошенных русских знают латышский язык, однако 2/3 латышей свободно говорят по-русски. В материальной культуре (одежда, пища, обстановка квартир) преобладают однотипные формы, причем у русских можно отметить в этой сфере наличие «латышского элемента». При этом обе группы сохраняют приверженность к некоторым из этнически специфических видов пищи, традиционной цветовой гамме в одежде и интерьере, привычным декоративным элементам.

Б. Леннkvист (Хельсинки) представил краткий обзор исследований рабочего быта, проведенных в Финляндии, начиная с 1960-х гг. Изучались преимущественно фабрично-заводские поселки, где этнографам было легче, чем в условиях крупного города, обследовать рабочие коллективы предприятий. Автор подчеркнул, что к настоящему времени хорошо изученными оказались условия труда и быта, а также социальные контакты рабочих, что не исчерпывает темы. В сущности, до сих пор у финских этнографов нет четкого представления о том, что же включает в себя понятие «рабочая культура».

Статья П. Лейму (Хельсинки) рассматривает историю формирования чисто индустриального города Форсса, возникшего благодаря постройке на «пустом месте» ткацкой фабрики. Наряду с анализом развития экономики города автор специально останавливается на жилищных условиях рабочих.

А. Петерсон (Тарту) представил в своей статье подробный отчет о работе Государственного этнографического музея ЭССР по сбору материалов о быте горожан и по этнографии рабочих, проводившемуся преимущественно в небольших городах и поселках Эстонии.

Ряд статей как советских, так и финских авторов основан на материалах по сельскому быту. Так, П. Саллинен-Гимплъ (Хельсинки) охарактеризовала работы по изучению быта деревни в XX в., проводившиеся университетами Турку и Хельсинки. Она обращает особое внимание на то, что многие из сельских поселений, которые в наши дни официально причисляются к деревням, в действительности не являются таковыми. Это молодые поселки, не представляющие собой в отличие от старых деревень сложившегося социального организма. Автор особо останавливается на том, что и старые деревни в разных частях страны отличались не только по внешним признакам (например, планировкой), но и по своим социальным функциям.

Р. Ряснен (Ювяскюля) кратко излагает историю небольшого местечка Хаапаниemi (муниципалитет Ювяскюля), связанного с индустриальным центром Вааякоски, в период 1914—1940 гг. Основное внимание в статье уделено положению безземельного крестьянства и рабочих. В этот период число промышленных рабочих в деревне растет, причем их семьи зачастую продолжают заниматься сельским хозяйством. К сожалению, автор нечетко рисует социальные контакты и классовые противоречия. В результате возникает картина некоего «классового содружества»: предприниматель развивает лесоперерабатывающее предприятие, а безземельные крестьяне благодаря этому обеспечены куском хлеба. При этом кажется, что и общественные потрясения, которые пережило финское общество в годы революции и гражданской войны, минуют Хаапаниemi.

В совместной статье К. Соунлиина, Ю. Сеппя и К. Синикара (Хельсинки) не рассматриваются экономическое и социальное развитие двух деревень на территории страны; в одной из них большинство населения зажиточно и придерживается консервативных политических взглядов. Жители ее по религиозному признаку относятся к лютеранам (одна из групп pietistov). Вторая деревня в основном бедная, вая по политической ориентации (и лютеранская). Авторы детально анализируют ломку экономики, которая происходит (с определенными различиями в формах) в обеих деревнях в послевоенный период — крестьяне постепенно отходят от земледелия, молодежь идет в промышленность. Изменение социально-профессиональной структуры деревень существенно трансформировало и общественный, и семейный быт. Авторы статьи ставят вопрос и о том, насколько оправдывается в дальнейшем проводимая перестройка хозяйства в условиях современной нестабильной экономической конъюнктуры.

В. Вийрес (Таллин) в статье «Воздействие индустриализации и урбанизации на культурное развитие эстонской деревни» выясняет, каким образом в конце XIX — начале XX в. капиталистические формы хозяйства в эстонской деревне содействовали восприятию городских форм культуры. Автор особо останавливается на роли новых союзов и обществ, возникающих в предреволюционный период в эстонской деревне: сельскохозяйственных, пожарных, обществ трезвости и др. Наряду с выполнением своих непосредственных практических задач они сыграли немалую роль в распространении новых форм проведения досуга: организации народных оркестров, театральных кружков и т. д., что в свою очередь способствовало ревитализации отдельных элементов народной культуры: одежды, орнамента, танцев и т. д.

Статья Ю. Пеннанена (Хельсинки) посвящена путям развития в Финляндии профессионального рыболовства в XX в. Формы рыбачьих артелей менялись под воздействием индустриализации, внедрения в промысел новой техники и других причин, что привело к отказу в ряде случаев от коллективных форм лова.

Т. В. Лукьянченко (Москва) коротко обрисовала развитие оленеводства в северных районах СССР в годы Советской власти, особенно после коллективизации, и участие местных колхозов к комплексному хозяйству. Особое внимание автор уделяет мерам охраны окружающей среды, связанным с формами выпаса оленей, и организации труда, позволяющей сочетать оленеводство с оседлым образом жизни.

Две статьи советских ученых посвящены современной семейной обрядности: у финнов (Т. П. Федянович, Москва) и карел (Ю. Ю. Сурхаско, Петрозаводск). Авторы констатируют быстрое исчезновение в послереволюционный период родильной обрядности, что определялось в первую очередь ростом и совершенствованием медицинского обслуживания. В то же время в похоронных обрядах довольно устойчиво и четко сохраняются традиционные моменты, связанные с древнейшими культами, магией, значение которых давно забыто. В свадебной обрядности в наши дни ощущается тенденция к фольклористическому возрождению различных театрально-игровых моментов старого свадебного цикла.

На новых полевых материалах построена статья Р. А. Григорьевой (Москва), рисующая сложную картину распространения среди чувашей двуязычия за счет влияния ими русского языка. Результаты проведенного исследования прямо связаны с многими практическими задачами: определением соотношения передач на чувашском и русском языках по радио и телевидению, учетом числа школ с начальным чувашским и русским языками обучения.

Краткое освещение содержания сборника, где опубликованы доклады советских и финляндских этнографического симпозиума, показывает, что тематика, представленная как советскими, так и финскими учеными, была весьма разнообразной, и материалы обеих сторон далеко не всегда оказывались сопоставимыми.

Разумеется, при различии социально-экономических систем СССР и Финляндии в особенностях исторического развития обеих стран и населяющих их народов, в этнографии национального состава, задачи, стоящие перед советскими и финляндскими этнографами, во многом отличны; возникающие проблемы часто несопоставимы и решаются по-разному. Это касается в определенной мере и работ о современном состоянии города и деревни. Естественно, у советских участников симпозиума в центре внимания оказались современные этнокультурные процессы, взаимодействие культур разных народов, их интернационализация при определенной устойчивости национальных традиций. В докладах финляндских исследователей на первый план выступила проблема адаптации сельского и городского, аграрного и промышленного населения к условиям капиталистического хозяйства. Но именно различия в аспектах исследований, а также постановка вопросов о методах сбора материалов и изучения современного быта вызвали оживленную дискуссию, а также решение о публикации докладов.

Хочется выразить финляндской стороне благодарность за быстрое осуществление этого решения. Разумеется, вызывает огорчение, что советская сторона не представила иллюстративного материала, в то время как финские статьи снабжены прекрасными подобранными иллюстрациями.

Жаль, что в некоторых советских статьях библиография переведена на немецкий язык, что является не только формальным нарушением принятых норм, но и практически затрудняет поиск литературы. Режет глаз также то, что в оглавлении сборника названия эстонских городов даны в их старых немецких формах, что сейчас не принято уже и в немецком языке. Это тем более странно, что в приложенном к участникам симпозиума адреса приводятся в современной форме.

Н. В. Шен

Население Еревана. Этносоциологические исследования/Отв. ред. Арутюнян Ю. В., Карапетян Э. Т. Ереван, 1986. 250 с.

Рецензируемая книга — первая попытка монографического этносоциологического исследования целостного объекта — столичного республиканского города. И в этом смысле она представляет собой очередной шаг в развитии как этносоциологических исследований вообще, так и этносоциологии современного города в частности.

Источниковедческую базу работы составили материалы этносоциологического исследования Еревана, проведенного научным коллективом отдела этносоциологии Института археологии и этнографии АН АрмССР в 1970-х годах. В основу этих исследований была положена общесоюзная программа «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», разработанная Ю. В. Арутюняном (Ин-т этнографии АН СССР). Им же написано предисловие. Наряду с этносоциологическими данными в работе широко использованы традиционные этнографические материалы.

Авторы каждого из разделов книги детально и комплексно разрабатывают отдельные социально-этнические аспекты городской жизни. Возможно, именно поэтому в большинстве разделов интерпретация и анализ эмпирических данных преобладают над простым их описанием, в чем мы видим несомненную заслугу авторского коллектива.

Тем не менее различная степень разработанности тех или иных сюжетов этносоциологии города, а также неодинаковый исследовательский опыт авторов обусловили различное качество разделов книги. Так, первые два раздела об источниках формирования населения Еревана («Источники формирования населения», «Изменение социального состава населения») написаны Р. С. Карапетяном в классической манере этносоциологического исследования.

На наш взгляд, детальный анализ источников формирования населения любого города чрезвычайно важен при этносоциологическом подходе к изучению городской среды (материально-вещной, пространственной и социальной), поскольку группы городского населения, различные по своему социальному статусу и вышедшие из разных регионов, являются носителями разных этноспецифических культурных моделей, во взаимодействии которых формируется своеобразный в этнокультурном отношении облик данного города. Здесь анализ прежде всего должен выявить в ряду этих моделей ведущую с целью создания того концептуального стержня, вокруг которого может строиться исследование других этносоциальных аспектов функционирования города. Особенность населения Еревана в том, что оно формировалось преимущественно из представителей одной национальности — армян, выходящей практически из всех возможных социально-культурных сред: сельских и городских мигрантов из Армении, Грузии и Азербайджана, а также из зарубежных стран.

К сожалению, автор этого раздела ограничился лишь систематизацией и описанием официальных статистических данных и материалов, полученных в ходе эмпирического исследования. Следует отметить, что язык этого раздела несколько усложнен; особенно это ощущается в изложении первых его частей («Ереван — новый центр социально-культурного развития армянского народа», «Источники формирования населения», «Изменение социального состава населения»). Исключение составляет последняя часть второго раздела, посвященная развитию культурно-бытовых черт населения Еревана, особенно те страницы, где говорится об устойчивости семейных и земляческих связей, характерных для сельской культуры (с. 61—66). Здесь не только подтверждается прочность семейно-родственных и соседских связей в крупных городах некоторых этнокультурных регионов СССР, но совершенно обоснованно указывается на взаимозависимость этого обстояательства и источников формирования городского населения. То же прослеживается и в закономерностях распространения «традиционных образцов поведения», а также их эволюции в городской среде. Такого рода выводы представляют большой теоретический и практический интерес.

Интересны выводы раздела «Духовная культура и средства массовой информации», написанного М. В. Акопяном. Автор объясняет возрастные особенности в потреблении духовной культуры проявлением различных исторически обусловленных ориентаций на культуру. Приводится следующее важное наблюдение: чем выше социально-профессиональный статус и моложе возраст, тем ниже доля ежедневно читающих газеты по сравнению с предшествующими поколениями соответствующих групп (с. 92—93). Это явление свидетельствует о переориентации молодежи всех социально-профессиональных групп на общегородские стандарты потребления культуры. В целом автору удалось проследить динамику формирования городских образцов потребления культуры и этноспецифические особенности такого потребления в Ереване.

Следует отметить разделы «Этнические особенности семьи» (автор — Э. Т. Карапетян) и «Современное состояние свадебной обрядности» (автор — Л. М. Варданян). Несомненная заслуга Э. Т. Карапетяна состоит в том, что она не ограничилась анализом преобладающего в городе типа семьи, а детально исследовала все типы семей. В самом деле, этнические особенности семьи легче исследовать, если преобладающий тип семьи рассматривается во взаимосвязи с другими типами. И здесь автору удалось проследить тесную взаимосвязь бытующих в Ереване типов семей с традиционными для Армении моделями. Автор определяет значимость таких факторов консервации традиционного типа семьи, как недостаток жилья, тип городской застройки, национально-культурные

ориентации различных групп населения города. Из анализа, проведенного в этом деле, следует также, что становление и функционирование современного «универсального» типа городской семьи в значительной мере связано с местной этнокультурной традицией. Большую ценность для исследования этнических особенностей семьи и прослеженная автором связь между составом семьи и характером внутрисемейных отношений, что существенно дополняет наши знания о влиянии социально-профессионального статуса членов семьи на эти отношения, а также позволяет сделать ряд таких выводов.

Тему семьи продолжает раздел, посвященный становлению современной свадебной обрядности. Прежде всего здесь следует отметить четкое выделение ключевых компонентов традиционного армянского свадебного обряда, что позволяет судить, насколько полно бытует обрядность свадебного цикла в современной городской культуре, а также о сосуществовании современных и традиционных свадебных обрядов. Важная задача автора в распределении брачных пар по времени вступления в брак и соотношения бытующей формы обрядности с определенными историческими периодами становления социалистической культуры в Армении.

Важное значение для разработки этносоциологии города имеют сюжеты двух ключевых разделов книги: «Некоторые черты национальной психологии» (автор — Р. С. Оганджян) и «Управляемое свободное время и его роль во всестороннем развитии личности» (автор — А. А. Овсепян). В первом из этих разделов предпринят углубленный анализ функционирующих в культуре Еревана этнических авто- и гетеростипов. В целом удачно выявлена роль уже отмеченных в других исследованиях факторов распространения этнических стереотипов. Хотелось бы, однако, отметить, что понятие национальной психологии не исчерпывается изучением этнических стереотипов, более того, степень распространенности этих стереотипов вряд ли составляет этническую особенность того или иного народа. Представляется, что лучше было бы этот разделу соответствующее его содержанию название.

Сюжет последнего раздела — об этнических аспектах использования свободного времени — все-таки слабо разработан в этносоциологии, несмотря на то, что парадоксально, на обилие социологических работ по этой проблематике. Видимо, это обстоятельство, а также отсутствие соответствующего эмпирического материала помешало сделать достаточно значимые выводы. В названном разделе много внимания уделено анализу используемых терминов.

Нельзя не сказать о некоторых недостатках книги. В ней практически не рассматриваются инонациональные группы, живущие в Ереване, и недостаточно привлекается сопоставимый материал по столицам других союзных республик. Поэтому содержание книги не позволяет в полной мере судить о том, имеют ли процессы, происходящие в Ереване, этноспецифический характер или они часть какого-то более общего социального процесса.

В целом опубликованная книга — один из первых опытов интенсивного изучения современного города с позиций этносоциологии и, несомненно, послужит ценной базой для дальнейшего развития такого рода исследований.

И. М. Кузнецов

Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие. Вильнюс. 1985. 140 с. 54 карты.

Этнографическое картографирование — современный эффективный метод изучения традиционной народной культуры. В силу своей специфики — пространственно-временного изображения культурно-бытовых реалий картографический метод позволяет установить закономерности локализации явлений культуры и особенности их функционирования, недоступные выявлению другими методами и историческими дисциплинами. Настоящие потребности этнографической науки и вызвали к жизни этнографическое картографирование и создание историко-этнографических атласов.

В настоящее время ведутся работы над составлением региональных атласов Казахстана, Молдавии, Средней Азии и Казахстана. Вступила в стадию завершения подготовка «Историко-этнографического атласа Прибалтики» (в нескольких выпусках), главным редактором которого была Л. Н. Терентьева. Он готовился большим коллективом этнографов академических институтов, университетов и музеев Прибалтийских республик и Института этнографии АН СССР. Первый выпуск его — «Земледелие» — вышел в свет. Карты атласа созданы на основе широкого использования всех доступных фактических материалов, как экспедиционных, так и архивных, литературных и музейных источников, которыми Прибалтика особенно богата.

Авторы рецензируемого атласа в основном придерживались принятых в советской исторической науке принципов этнографического картографирования, с успехом апробированных, например, в историко-этнографическом атласе «Русские» (М., 1967; 1970).

Показ исторической динамики традиционной культуры достигается градацией излагаемого материала по двум периодам: середина XIX в., конец XIX — начало XX в. Из-за отсутствия репрезентативной базы источников хронологический срез середины XIX в. для некоторых элементов агрокультуры отсутствует, и большинство карт рассматриваемого выпуска относится к периоду конца XIX — начала XX в. Карта 37 выходит за хронологические рамки атласа, так как на ней отражено распространение

способов ручного помола зерна не только в конце XIX — начале XX в., но и в 1930-х годах.

Весьма ценно, на наш взгляд, наличие в атласе карт (карты 5, 6, 9, 20 и др.), составленных по данным сельскохозяйственной переписи 1910 г. и отражающих уровень оснащенности крестьянских хозяйств новой техникой.

Для показа на картах степени распространенности исследуемых явлений употребляется общепринятая градация: «преобладающее», «бытующее», «единичное».

За территориальную единицу картографирования на местности в атласе Прибалтики принят квадрат со сторонами в 25 км, в то время как в атласе «Русские», готовящемся Историко-этнографическом атласе татарского народа¹ и некоторых других — уезд или волость. Такое решение имеет определенные недостатки, но для задач картографирования Прибалтики, где в прошлом размеры волостей и уездов, а также приходов значительно варьировали, выбранный принцип оправдан. К сожалению, в атласе нет административной карты с волостями и приходами, что весьма затрудняет чтение текста с соответствующими отсылками. Следовало бы восполнить этот пробел в следующих выпусках.

Карты составлены преимущественно значковым способом, некоторые выполнены способом ареалов, точнее показывающим распространение элементов культуры. Некоторые этнографические явления, имеющие точные количественные характеристики, отображены на картограммах. Часть штриховых и цветных карт отражает фазу, ареал и степень распространенности явления. В отдельных случаях применялось сочетание нескольких способов, например значкового и цветного фона. Удобно, что в рассматриваемом выпуске атласа типы и виды этнографических феноменов во многих случаях изображены непосредственно на картах. Картам, отражающим основную тему выпуска, предшествует несколько вводных карт.

Атлас охватывает территорию трех Прибалтийских советских республик, которые в основных чертах совпадают с границами расселения эстонского, латышского и литовского этносов. Здесь же проживают русские, немцы, евреи и др. Этнический состав региона представлен на вводной карте III. Сложный характер этногенетических и этнокультурных процессов в регионе отразился в том, что, по данным традиционной культуры, эта историко-культурная область подразделяется еще на 12 историко-культурных подобластей. Такое этнографическое членение региона, установленное в ходе многолетних трудов прибалтийских этнографов, дано на вводной карте II. Для генезиса и особенностей функционирования агрокультуры важнейшее значение имела экологическая среда, поэтому в атлас закономерно включены карты почвенного (карта IV) и растительного покровов (карта V).

Первая глава выпуска — «Обработка почвы и сев» — самая большая по объему (с. 20—62, карты 1—11). В ней рассматриваются важнейшие агротехнические операции: пахота, боронование, сев, прикатывание пашни, а также основные типы, виды и варианты пахотных и разрыхляющих орудий, катков для уплотнения почвы. Отдельный раздел отведен характеристике рабочего скота.

Разработка типологии почвообрабатывающих и посевных орудий проведена авторским коллективом с учетом классификации русских пахотных орудий, разработанной в трудах Д. К. Зеленина¹, Д. В. Найдич-Москаленко² и принятой в атласе «Русские»; учтены также работы Б. Братанича³ и Ф. Шаха⁴. Картографируемый в атласе материал строго типологизован, обоснование типологии дано в тексте, на рисунках типологических таблиц и в легендах собственно карт.

Достоинством рецензируемого атласа, несомненно, являются развернутые вводные очерки истории земледелия и отдельных его элементов с древнейших времен до середины XIX в., т. е. до того периода, который уже непосредственно рассматривается авторами атласа. Приведенные данные показывают, что земледелие в Прибалтике прошло тот же путь развития, что и в других районах лесной зоны Восточной Европы.

В разделе об усовершенствованных пахотных орудиях авторы справедливо отмечают недостатки сельскохозяйственной статистики 1910 г.⁵, где часть местных орудий была занесена в графу «косули», т. е. орудия, в отличие от восточных губерний России в Прибалтике неизвестные. На этом основании при составлении табл. 1 и карты 5 (соотношение традиционных и усовершенствованных пахотных орудий) авторы включили их в графу «неустановленные орудия». Как известно, в Среднем Поволжье и Приуралье при статистических обследованиях в разряд «косули», как правило, включались усовершенствованные сохи-односторонки с неподвижной полицей или отвалом плужного типа (вятская соха, лемех, чегандинка, курашмика и др.). Такие орудия имели асимметричную рабочую часть и пахали на одну сторону, т. е. были «косыми» (юсюда и «косуля»). Обращает на себя внимание тот факт, что наивысший по Прибалтике процент «косуль» характерен для Сувалкской губ., где как раз и была распространена соха с двумя асимметричными неподвижными полицями-отвалами («ли-

¹ Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1908.

² Найдич-Москаленко Д. В. О принципах классификации русских пахотных орудий // Сов. этнография. 1959, № 1.

³ Bratanič B. Einige Möglichkeiten zur Fortführung der Pflügeratsforschung // Actes du IV-e Congress international des sciences anthropologiques et ethnologiques. Wien, 1955.

⁴ Sach Fr. Proposal for the Classification of Pre-Industrial Tilling Implements // Tool and Tillage. V. 1. Copenhagen, 1968.

⁵ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году. СПб., 1913.

товская соха»). Можно полагать, что «неустановленное орудие» здесь представ собой именно «литовскую соху».

Во второй главе (карты 12—27), где рассматриваются орудия и приемы жат сенокоса, укладки снопов и т. п., картографируемому материалу предшествует археологический очерк и типология археологических форм орудия (на основе классификации Р. С. Минасяна)⁶. В середине XIX в. озимые убывали в Прибалтике по большей части серпом, а также полукосой с грабельками и косой-литовкой. Формы серпа встречались в Прибалтике двух типов: на большей части территории — восточно-европейский крутоизогнутый черенковый серп и слабоизогнутый серп с гладким лезвием в веро-западной Эстонии, проникающий сюда из сопредельных районов Фенно-Скандинавии. Типология серпов дается по В. П. Левашевой с учетом разработок К. Вилкуна. В конце XIX — начале XX в. под влиянием интенсификации сельскохозяйственного производства серп вытесняется косой с длинной рукояткой (известной в других районах России как коса-литовка). Интересно местное орудие уборки хлебов — небольшая так называемая полукоса с грабельками. Кое-где употреблялась коса с дужкой и грабельками («крюк»).

Относительно влажный климат Прибалтики обусловил господство здесь остроконечных клладей снопов типа бабки (наряду с *суслонем*), характерных для всей лесной зоны Восточной Европы. Та же причина предопределила развитие в регионе разнообразных сборных конструкций для проветривания и сушки хлебов, сена и клевера. Картографирование этих способов сушки урожая на поле дает дополнительные материалы для дальнейшей разработки этнографических границ внутри региона.

В главе III (карты 28—36) рассматриваются приемы и способы приспособления для молотбы и веяния. В большинстве районов Прибалтики озимые и яровые хлеба молотили обычными для лесной и лесостепной зон способами: цепями, топтанием и шадями и молотильными катками. В Эстонии до начала XX в. сохранялся древний способ молотбы хлестанием с последующим обмолотом *кичигой*. Для хлестания здесь применяли такие своеобразные приспособления, как молотильные скамьи.

Веяние и сортировку зерна в Прибалтике производили двумя способами: в Эстонии, на большей части Латвии и в Северо-Западной Литве — посредством решета, кое-где на востоке Эстонии, в Латвии, (в Латгалии) и Литве — бросанием совком, т. е. как и в восточных губерниях Европейской России. В зонах контактов этих двух способов веяли обычно через решето с последующим бросанием.

В IV главе (карты 37—43) рассматриваются различные типы и виды мельниц: ручные жернова, водяные и ветряные мельницы. С конца XIX в. начинают внедряться мельницы с механическими двигателями, а ручные жернова к 20—30-м годам XX в. выходят из употребления. На рубеже XIX—XX вв. в Прибалтике были широко распространены водяные мельницы как с верхнебойными, так и с нижнебойными колесами. Авторы раздела выделяют в самостоятельную группу водяные мельницы со среднебойным колесом (с. 107), что представляется неправомерным, так как среднебойные и нижнебойные колеса использовали энергию набегающего потока воды (наплывное колесо) и по характеру работы и конструкции между собой принципиально не различались. Не случайно, что сами информаторы-крестьяне не отделяли среднебойные колеса от нижнебойных (с. 106). Не различаются они и на карте 41.

Последняя, V глава (карты 44—54) посвящена льноводству — возделыванию и обработке льна — древнейшей и традиционной для Прибалтики технической культуры. Следует отметить, что написание данного раздела (отсутствующего, кстати, в атласе «Русские») потребовало от ее авторов больших усилий, так как эта тема была до сих пор в Прибалтике очень слабо разработана. Между тем она очень важна: со 2-й половины XIX в. льноводство в Прибалтике приобретает товарный характер; в начале XX в. посевы льна в Лифляндской губернии занимают до 19% ярового клина. Соответственно развивались технология выращивания льна, его сушка, молотьяба, обработка волокна и т. д. Все эти способы и приемы, а также конструкции льномаяков и льнотрепал подробно рассматриваются в атласе.

Материалы атласа наглядно показывают, что земледелие в Прибалтике, особенно в конце XIX — начале XX в., находилось в тесной зависимости от развития капитализма в регионе. В это время в сельское хозяйство интенсивно внедряются усовершенствованные земледельческие машины, сенокосилки, молотилки и т. п. Данный процесс наглядно иллюстрируется картами атласа (9, 20, 27, 35 и др.): все нововведения календаризируются в одних и тех же районах Прибалтики.

Однако в целом земледельческая культура крестьян региона в рассматриваемый период все еще сохраняла традиции, во многом достаточно древние. Материалы атласа свидетельствуют, что многие элементы агрокультуры характерны для всей лесной зоны Европейской России, подтверждая тем самым, что по хозяйственно-культурному типу Прибалтика принадлежала к земледельцам лесной полосы Восточной Европы. Отмечаются, с одной стороны, явления, которые имеют чисто региональное происхождение и возникли в Прибалтике, с другой — заимствованные как из Восточной, так и Западной Европы и со Скандинавского полуострова.

В настоящем выпуске подробно и всесторонне картографированы многие явления и элементы агрокультуры народов Прибалтики. Однако отдельные важные аспекты

⁶ Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник. Т. 19. Л., 1978.

⁷ Левашева В. П. Сельское хозяйство: очерки по истории русской деревни X—XII вв. // Тр. ГИМ. 1956. В. 32. С. 19—105; Vilku K. Zur Geschichte der finnischen Strohhebel // Suomen Muinaismaistoyen distyksen Aikakanskirja. В. 40. Helsinki, 1934. S. 223—241.

земледелия, такие, как состав выращиваемых сельскохозяйственных культур, огневая сушка снопов и др., в картах атласа не отражены.

Атлас содержит продуманные и технически хорошо выполненные карты, текст сопровождается многочисленными фотографиями и детальными рисунками. Тем досаднее отдельные неточности и несоответствия между картами, рисунками и подписями к ним. Так, на карте I перепутаны подписи к рисункам 3, а и 3, б (в типологической таблице), то же — нумерация рисунков в типологической таблице на карте 4 (рис. III—16 и III—2). Неверна ссылка на с. 90 текста на карту 29 и т. д. На наш взгляд, плохо продуманы подписи к рисункам в тексте. В ряде случаев подписи к нескольким рисункам объединены в один текст, а сами рисунки не снабжены порядковыми номерами. В результате не всегда легко понять, что к чему относится. Например, на с. 69 на одном рисунке изображены два типа серпов, даны они как два рисунка — 46 и 47; около серпов обозначены только дважды подномера 1—4; на с. 25 под № 154 и 155 идут три изображения мялок с дощатым корпусом и т. п.

Пользование картами затрудняет то обстоятельство, что большая часть черно-белых карт отпечатана на обеих сторонах листа. Несомненно, карты следовало давать в жесткой папке. Для таких работ, как атласы, разумнее идти на некоторое увеличение их стоимости, но продлить срок службы карт, тем более, что сборник предназначен не только для личного пользования, но в значительной части тиража приобретается библиотеками.

В целом атлас — образец многолетнего плодотворного труда большого коллектива советских этнографов. В настоящем выпуске его с достаточной полнотой, детальностью и наглядностью представлена традиционная агрокультура крестьянства Прибалтики. Особую ценность настоящей работе в отличие от монографических исследований придает картографированный свод элементов и явлений агрокультуры Прибалтики, выявляющий взаимосвязанные локальные и ареальные особенности ее сложения и функционирования. Обоснованная и подробно разработанная типология основных элементов земледельческой культуры, убедительные ретроспекции с привлечением археологических и других ранних источников в сочетании с данными картографирования позволяют проследить происхождение и развитие многих орудий, способов и приемов ведения земледельческого хозяйства. Широко развернута панорама интенсивных изменений агрокультуры и земледельческой техники во второй половине XIX — начале XX в., инспирированных распространением капитализма в сельском хозяйстве Прибалтики.

Одну из главных задач авторы атласа видели в создании необходимой базы для стимулирования и обеспечения дальнейших исторических, этнографических и культуроведческих исследований (с. 131). Настоящий выпуск со всей очевидностью свидетельствует, что поставленная цель выполнена вполне. Некоторое недоумение вызывает малый тираж атласа — 3000 экз. Этого вряд ли достаточно, даже если бы он был рассчитан на распространение только в Прибалтийских республиках. Насколько нам известно, тираж давно разошелся, и достать атлас стало невозможно почти сразу после его выхода. Не хотелось бы, чтобы это повторилось с последующими выпусками.

Н. А. Халиков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. Е. Светлов. Путь богов (синто в истории Японии). М. 1985. 240 с. 8 л. илл.

Рецензируемая книга, посвященная религиозной жизни и обрядам японцев, не первая работа Г. Е. Светлова о синтоизме, но в ней предмет изучения освещен наиболее глубоко.

Генезис и развитие синтоизма рассматриваются Г. Е. Светловым в широком контексте экономической и политической истории Японии, что намного повышает исследовательскую ценность книги.

Г. Е. Светлов правильно подчеркивает связь синто с политикой господствующих классов, связь, которая уходит в глубину веков, пишет об опасности, таящейся в использовании синтоистских традиций для обоснования ультранационалистических и гегемонистских целей. Однако в период зарождения японской государственности и осуществления незавершенной буржуазной революции Мэйдзи, проходившей под лозунгом восстановления власти императора, синто сыграло до известной степени прогрессивную роль.

В книге аргументированно показан синкретический характер синтоизма, впитавшего в себя не только разнородные по своему этническому происхождению местные культы, но и пришедшие из Китая сначала даосизм, а затем конфуцианство, из Индии — буддизм и т. п.

Намеченная автором линия в изучении генезиса и основных ингредиентов синтоизма обращает на себя внимание в связи с тем, что в последние годы этой религии уделяется большое внимание в Японии и Китае. Поэтому было бы актуально, если бы в книге было сказано о даосских истоках некоторых синтоистских реликвий. Сравнительно недавно стало известно, что в ритуале даосов Древнего Китая одно из них — священное бронзовое зеркало выполняло функцию шахматно-гадательно-календарной доски. С магическим кругом на этой доске, по-видимому, связана и сферическая форма кургана, где была захоронена легендарная жрица Химико, которая рядом япон-

ских ученых считается теперь одновременно даосской жрицей¹. Форма кургана и минает замочную скважину и этим отличается от других могильных курганов².

Первоначально эта доска, полированная поверхность которой была предназначена для отражения звездного неба, являлась символом власти верховного даосского жества, в качестве которого почиталась Полярная звезда, расположенная в высокой части небосвода. По-китайски эта звезда именовалась «тяньхуан», в японском произношении «тэнно» (небесный владыка). По преданию считалось, что это божество пребывает в пурпурно-лиловом зените — троне небесных владык (Кодзики, Предание, фрагмент 3).

Обстоятельно обрисован автором процесс становления и развития начиная с синто-буддийского синкретизма в форме концепции проявления Будды в доступном для понимания японцами образе, в частности местных синтоистских божеств (Хосидзюку). Эта концепция была систематизирована в XIII—XV вв., вызвав большие изменения в синтоизме, но буддизм, как и другие верования, не поглотил, а только обогатил его, создав предпосылки для выработки синтоистской догматики (с. 64—70).

Но не только буддизм оказывал влияние на синтоизм, но и буддизм подвергся воздействию синтоизма. Это видно на материале того раздела монографии, где описана трансформация доктрины и обрядности японского буддизма в XII—XIII вв. способная их к религиозному сознанию народных масс (с. 64—70).

Объясняя подъем новых направлений буддизма их успешным обращением в острокризисной ситуации к вышедшему на передний план классу самураев, Г. Е. Св. раскрывает процесс формирования идеологической традиции синтоизма в результате синтеза двух основных религий Японии.

В книге показано, какое влияние на синтоизм оказывал не только буддизм и конфуцианство в его интерпретации китайским мыслителем Чжу Си (1130—1200). Автор убедительно доказывает, что превратив храмы в одно из важных звеньев системы своего господства, сёгунат Токугава (1603—1867) стал отводить главную роль в идеологии чжусианства, поскольку господствующие классы Японии не привлекала содержащаяся в нем идея незабываемости классовой иерархии феодального общества и требование беспрекословного подчинения подданных своему праву.

В книге делается вполне обоснованный вывод, что синтоистские теологи использовали это модное в тот период идеологическое течение для укрепления элементов своей догматики (с. 93).

Когда буддизм стал отодвигаться на второй план, естественным было и появление другого религиозного течения — «возрождения древнего синто» (фукко синто), вернущегося к истокам так же, как и конфуцианцы, идеализировали «путь древности», умаляя значения филологических исследований классических памятников японской литературы, проведенных известными представителями этого направления (например Норинага Мотоори — 1730—1801). Светлов делает акцент на таких негативных аспектах их идеологии, как утверждение превосходства японской нации и ее исключительности, которая «обосновывалась» непрерывностью правящей японской династии (с. 97—98). Но эти идеи, как показано, в монографии, которые импортировались господствующим классам Японии, не получили распространения среди трудящихся. Распространение синтоизма на уровне обывательского сознания пошло по другому пути восприятия синтоистских божеств как сверхъестественных сил, способных поставить человеку земные блага, а не блага в потустороннем мире. Так вполне логично объясняется в книге возникновение двух направлений развития синтоизма в XIX—XX вв. — государственного синто и тех новых религий, которые базировались на нем (с. 103).

Один из лучших разделов в работе посвящен становлению и развитию государственного синтоизма в XIX—XX вв. Автор шаг за шагом прослеживает условия, которые создали питательную среду для превращения «пути богов» в путь, который привел Японию к национальной катастрофе в результате поражения японского империализма во второй мировой войне (с. 118—180). Попытки, предпринимаемые в настоящее время правящими кругами Токио с целью возродить традиции государственного синто, как показано в заключительных разделах монографии, выглядят в этом контексте особенно неприглядными и опасными.

Значение рецензируемой монографии повышается благодаря тому, что в ее заключительном разделе освещается борьба демократических сил против реакционных аспектов синтоистской религиозной обрядности, которая является органической частью империалистического движения.

Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, в том числе цветными, что делает изложение наглядным и более убедительным.

В заключение автору можно было бы высказать замечание в отношении неровности освещения различных направлений современного синтоизма, а также привлечь внимание к мелким погрешностям в транскрипции названий японских и китайских реалий. Однако это не меняет высокой оценки рецензируемой книги, являющейся важным в нашей стране монографией о национальной религии Японии, написанной с научных позиций.

К. Е. Ч.

¹ Воробьев М. В. Япония в III—VII вв. М., 1980, С. 74, 78.

² Там же. С. 78.

The Great October and Soviet Ethnography

The Great October Socialist revolution has exerted a profound influence upon the development of ethnography in the USSR. The democratic changes in political, social and economic spheres created favourable conditions for developing the progressive traditions of Russian ethnography going back to late XIX—early XX century. The radical transformation of social reality, the solution of the national (ethnic) problem as the latter was inherited by the Soviet state from tsarist Russia, creating a new system of national (ethnic) relations, characterized by equality, cooperation and integration of nations and ethnic groups — all these events have changed the very essence of national (ethnic) problems in this country, determining the development of Soviet ethnography and placing before it new complex tasks, the solution of which required a revision of major ethnographic concepts and research methods. The sphere of culture and everyday life, also studied by ethnography, experienced not a less radical transformation after the revolution.

Soviet ethnography meets the 70th anniversary of the revolution being equipped much better, theoretically and practically, than it used to be two or three decades ago. The current process of renovation (*perestroyka*) will contribute to its further progress increasing its cognitive and social functions. The problems faced by ethnography are no less complicated than the *perestroyka* as a whole. But solving these problems is vitally important, requiring a considerable effort, which involves utilizing the entire scholarly potential and creating new organizational forms. This effort will contribute to solution of urgent problems pertaining to the study of both popular cultural heritage and contemporary reality.

Yu. V. Bromley, K. V. Chistov

Physical Anthropology of the USSR: Some Results and Prospects of Research

The accumulation of concrete anthropological data on peoples of Russia resulted in the first summary in anthropology of Russia which was published by A. A. Ivanovsky in 1904. Since then no analogous work covering the entire territory of Russia and the USSR has appeared. Only several general works were published covering some major areas. Nowadays Soviet anthropologists are preparing a 7-volume series «Anthropology of the USSR». Each volume will be devoted to a single major region. The series will present not only a summary of purely anthropological information. It will also consider some problems of ethnogenesis in the light of anthropological data.

V. P. Alexeyev

Ethno-Cultural Processes in Byelorussian Cities: Their History and Modern Evolution

Recent decades have seen a growth of interest in ethno-cultural development of urban population. This interest is accounted by urbanization, increasing the share of urban dwellers all over the country.

Basing themselves upon field research and ethno-sociological studies, the authors consider ethno-cultural processes in Byelorussian cities since late XIX century until now, analyzing the interrelations of those processes and social transformations. They conclude that ethno-cultural processes in Byelorussian cities contribute to inter-ethnic integration among urban population becoming more homogeneous culturally. At the same time those processes result not in unification but rather in diversification of cultural activities, forming new elements, flowing into the main stream of Soviet culture.

V. K. Bondarchik, V. N. Bel'avina

On the «Drop of Blood» in American Countries (Racial Identification: Social and Biological Aspects)

As early as in XVI—XVIII centuries interracial blending in America, caused by the lack of women of «one's own race» among white population and black slaves proceeded

on a large scale (despite the measures taken by the church and local authorities). Though the blending generally took the form of extramarital intercourse, by the beginning of the XIX century all the European colonies (excluding North America) harbored numerous coloured (racially mixed) populations, being more or less heterogeneous racially in different regions. Racial identification being closely linked to social status, a «social-colour» hierarchy was formed. However among whites social acceptability of colored persons as a marital partner as well as the perception of «white» i. e. the «white» somatic stereotypes differed in Iberian and non-Iberian colonies. Racial endogamy among the white population of Spanish and Portuguese colonies was not so strict as in other colonies and the US. This was one of the major factors influencing racial relations in America after abolishing slavery. The physical and social criteria of Negro and White were different in the US and in Latin America. Even now a man who is regarded as white in the Dominican Republic would be considered as a mulatto in Jamaica or Guadelupa, and in the US he would be counted as a Negro.

E. L. Nikulina

Once Again on the Subject of Ethnography

The author suggests that ethnography's subject-matter shouldn't be confined to the peculiarities of traditional culture. It should include also all forms of everyday activities spreading by means of direct interpersonal audio-visual contact.

G. V. Starovoytov

Expanding Ethnography's Subject-Matter

The author doesn't share the opinion that as long as urbanization of society goes on, ethnography's subject-matter becomes more and more narrow. The more urbanized the major ethnic group is, the more numerous and visible are various group subcultures, functioning primarily at the informal, interpersonal level. If studying these modern subcultures is included in ethnography's subject-matter (and the author deems it necessary), the latter would gradually expand. From methodological viewpoint that purpose requires both observation and interviews. The basic difference between them is that observation makes it possible to judge from the etic (i. e. the observer's) viewpoint while interview settles emic differences realized by subjects themselves and determining cultural development.

S. A. Arutunjanian

Perfectioning the Methods of Ethnography

The author stresses the importance of studies in the history of ethnography particularly in this country. He describes the discussions of ethnography's subject and method and its delimitation with related disciplines in the twenties and thirties. Stressed is the major role played by M. M. Matorin in establishing Marxist-Leninist methodology of ethnographic study. The author deems it necessary to improve the methodology of ethnographic research.

A. M. Reshetov

On Some Aspects of Treating the History of Ethnography

The author considers some problems of the history of ethnography. He specifies the moment of ethnography's delimitation with other disciplines. He also treats the role of different schools and currents in developing ethnographic theory and methodology. The inception of ethnography as a distinct discipline is dated by the third quarter of the XIX century, when the evolutionary current came into being. The concept of ethnographic «school» is a rather conventional one. «Schools» are really currents of thought, which became intertwined in the historical process. In the author's opinion considering ethnographic schools and methods is impossible without analyzing structuralism.

V. P. Alexeev

CONTENTS

Yu. V. Bromley (Moscow), *K. V. Chistov* (Leningrad). The Great October and Soviet Ethnography. *V. P. Alexeyev* (Moscow). Physical Anthropology of the USSR: Some Results and Prospects of Research. *V. K. Bondarchik*, *V. N. Bel'agina* (Minsk). Ethno-Cultural Processes in Byelorussian Cities: Their History and Modern Evolution. *E. L. Nitoburg* (Moscow). On the «Drop of Blood» in American Countries (Racial Identification: Social and Biological Aspects).

Discussions

Discussing *Yu. V. Bromley's* and *M. V. Kriukov's* Article «Ethnography: Its Place in the System of Sciences, Main Currents, Methods». *Starovoytova G. V.* (Leningrad). Once Again on the Subject of Ethnography. *S. A. Arutiunov* (Moscow). Expanding Ethnography's Subject-Matter. *A. M. Reshetov* (Leningrad). Perfectioning the Methods of Ethnography. *V. P. Alexeyev* (Moscow). On Some Aspects of Treating the History of Ethnography.

Ethnography in Museums

I. I. Shangina (Leningrad). Ethnographic Museums in Leningrad in Early Soviet Years (1918—1923).

Communications

V. P. Krivonogov (Abakan). Contemporary Ethnic Situation in Tofalaria. *N. A. Lopulenko* (Moscow). Interethnic Relations and Identity among North American Eskimos. *T. V. Patina* (Moscow). Religious Denomination and Ethnicity in Kenya. *J. Moore* (Norman, Oklahoma). The Cheyenne Indians within the American System of Hired Labor. *V. I. Bashilov* (Moscow). *C. A. Rodriguez* (Buga, Columbia). Pre-Hispanic Dwellings in South-West Columbia. *T. A. Voronina* (Moscow). A Forgotten Lubok Poster Depicting N. N. Miklukho-Maklay.

Our Anniversaries

List of Major Works by *N. P. Kolpakova*, Doctor of Philological Sciences (to her 85th Birthday). List of Major Works of *A. I. Robakidze*, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences, Georgian SSR (to His 80th Birthday and 55th Anniversary of Scholarly Activity).

Academic Life

V. I. Kozlov, *A. N. Yamskov* (Moscow). A Scientific Conference «The XXVII Congress of the CPSU and Problems of Interaction between Nature and Society at Different Historical Stages». *V. A. Shnirel'man* (Moscow). An International Symposium «Culture and History in the Pacific Area». Expeditions in brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *V. I. Yeryomina* (Leningrad). A New Edition of *A. N. Afanasiev's* «Russian Folktales». General Ethnography. *B. V. Sokolov* (Moscow). *H. Lowmianski*. The Rus' and the Normans. *N. V. Shlygina* (Moscow). Der Wandel der Dörfer und Städte und die gegenseitige Beeinflussung in der Zeit nach dem Ersten Weltkrieg. Peoples of the USSR. *I. M. Kuznetsov* (Moscow). The Population of Yerevan. An Ethno-Sociological Study. *N. A. Khalikov* (Kazan). A Historical-Ethnographic Atlas of the Baltic Republics. Agriculture. Peoples of Non-Soviet Asia. *K. Ye. Cherevko* (Moscow). *G. Ye. Svetlov*. Way of the Gods (Shinto in Japanese History).

Технический редактор *Гришина Е. Н.*

Сдано в набор 08.07.87 Подписано к печати 26.08.87 А-05646 Формат бумаги 70×108/16
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 45,1 тыс. Уч.-изд. л. 18,4 Бум. л. 5,5.
Тираж 2883 экз. Зак. 4229

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6